ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ. №11

М. С. МАРГУЛИЕС

ГОД ИНТЕРВЕНЦИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

(СЕНТЯБРЬ 1918 — АПРЕЛЬ 1919 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
1923

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

М. С. МАРГУЛИЕС

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН 1923

М. С. МАРГУЛИЕС

Д. С. Мережковскому
отъ глубоко уважающаго
его автора
М. Мар
19 9/VI 23
Paris

ГОД ИНТЕРВЕНЦИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

(СЕНТЯБРЬ 1918 — АПРЕЛЬ 1919 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН 1923

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten

Copyright 1923 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Типография Шпамера в Лейпциге

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Хотя путь Русской Революции еще не завершен, но уже настало время положить начало великому труду собирания материалов для будущей истории великого переворота. Мы, современники событий грандиозных, обязаны, не медля, создать, собрать и сохранить документы, рисующие ход исторического движения, работу личностей, и приготовить все материалы для здания, которое возведет будущий историк. Среди этих материалов одно из первых по важности мест должны занять записки, дневники, воспоминания тех людей, которые творили эти события, или тех, которые наблюдали их. Записки видных участников событий будут ценны для построения политической истории переворота, записки честных свидетелей, вдумчиво наблюдавших ход революции, будут незаменимым подспорьем в работах по истории бытовой. Но особенно важна историческая ценность современных записей в том отношении, что они являются единственным источником выяснения жизнеощущения и быта революционной эпохи. Желая посильно содействовать труду собирания материалов, мы ставим задачей в

нашей серии собрать именно эти современные дневники, записки, мемуары деятелей и современников революции. Преследуя исторические задачи прежде всего, мы намерены дать в нашей серии место авторам различных политических взглядов — от крайних левых до правых включительно. Только такое полное сочетание материалов даст возможность охватить все жизненное богатство великого исторического переворота.

ОТ АВТОРА.

Полагаю, что дневник, кто-бы его не вел, имеет интерес для правильного понимания исторических событий; думаю, что если его ведет лицо, силою вещей поставленное близко к центру некоторых из них, — дневник имеет особое значение; и, наконец, если дневник отмечает не личные настроения, а факты, события, действия и слова, то значение его еще более велико. Правда, дневники принято издавать тогда, когда отмечаемые ими события ушли в далекое прошлое; этот обычай особенно удобен для автора дневника, но для исторической правды он невыгоден. Необходимо своевременным появлением его на свет Божий — дать возможность лицам, в нем выведенным, внести исправления ошибок, неизбежных особенно в такие эпохи, как переживаемая, когда даже максимум самообладания не гарантирует полной об'ективности наблюдателя. Я решил поэтому печатать мой дневник теперь. Не буду говорить, в чем мои теперешние взгляды несогласны с тем, что я думал и делал в 1918 и 1919 г., — это несущественно; существенно то, что я записывал в дневник все, что считал интересным, в тот-же день, когда событие происходило или когда я узнавал

о нем. Если я не был сам свидетелем того, что я отмечал, я указывал от кого я узнавал; кое-что я в печати не передаю, — некоторые фамилии, по ряду понятных соображений, не названы, — в подлинных дневниках они имеются; во всяком случае спокойно могу утверждать, что записи мои правдивы.

Знаю, что многое в дневниках покажется мелким, несущественным. Оправдываюсь тем, что мне самому, признающему за людьми не малую роль в направлении событий, эти последние, представлялись яснее когда были ясны люди, сотрудничающие с так называемою «силою исторической необходимости»; что важнее, — эти плохо знакомые исторические законы или легче познаваемые люди, — вопрос спорный; несомненно, однако, что понимать одни без других трудно.

Считаю нужным сделать еще одну оговорку. В изложении событий, связанных с пребыванием моим в Северо-Западном Правительстве — получилось невольное «вздутие» моей собственной деятельности и роли в этом Правительстве; об'ясняется это весьма понятно тем, что в дневник заносилось главным образом хорошо известное мне лично. Я не хотел, чтобы благодаря «технике» писания дневника, было умалено значение работы моих товарищей, по силе умения и разумения работавших в истинно-каторжной обстановке над общим родным делом.

Дневник я начал вести 30-го ноября 1918 года; записывал ежедневно, за малыми перерывами до начала 1920 года. И лишь первая часть первого тома, — Ясская Конференция, — записана на память.

Берлин, ноябрь 1922 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯССКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

ГЛАВА I

СОЗДАНИЕ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ РОССИИ

Бегство из Совдепии. — Организация групп. — Выборы бюро С. Г. О. Р. — А. В. Кривошеин. — Барон В. В. Меллер-Закомельский. — Национальный Центр. — Земско-Городской Союз. — Центральный Военно-Промышленный Комитет. — Н. С. Брасова.

В конце сентября 1918 года, после одиннадцатимесячной борьбы с советской властью за независимость Центрального Военно-Промышленного Комитета [1]), председателем которого я был избран в декабре 1917 года, после вынужденного от'езда А. И. Гучкова из Петербурга, я должен был бежать из Москвы. Друзья предупредили меня, что один из рабочих, состоявший членом рабочей секции Комитета, всегда бывший в оппозиции к буржуазной его части, особенно назойливый и пытливый, поднял вопрос о своевременности возбуждения ходатайства перед чрезвычайкою об «из'ятии» меня, как заведомого «контр-революционера». И хотя я был уверен, что без боя меня не выдадут наши

[1]) В дальнейшем обозначаемого Ц. В. П. К-т.

Питерские рабочие, знавшие, как часто я боролся за их интересы в Совете по делам Страхования Рабочих при Министерстве Торговли и Промышленности (где я представлял Городское Управление, как гласный Петроградской Думы), я счел более благоразумным не испытывать судьбу и, захватив с собою сына, бежал через Южную Советскую границу. Ночью мы пробрались в крестьянской телеге между ст. Унеча и гор. Клинцами, который был в руках немцев. Обобранные большевистскими постами четыре раза (в последний раз ночью в лесу, во тьме кромешной), мы свободно вздохнули лишь в Гомеле, сев на пароход, который в чудную, ясную, солнечную погоду довез нас до Киева.

Первое впечатление от жизни кипучей, сытой, полной мыслей о наживе, комбинациях и развлечениях после вынужденно-монастырского режима Совдепии — было отвратительное; тут чувствовался пир во время чумы; а там напряженная борьба за свободу, за существование, натягивавшая нервы, как струны, делавшая многозначительным каждый момент насторожившейся жизни; большие вопросы, чреватые глубокими разрывами в социальных слоях государства, трактовавшиеся в повседневной прессе, подымали содержание жизни в Совдепии, несмотря на связанные с нею ужасы; и теперь в Киеве казалось, что океанский пароход после бурного плавания подошел к набережной модного курорта и — многие сознавались мне в том же, хотелось бежать обратно.

От тяжелого морального состояния — припадка того, что врачи могли бы назвать острым эмигратитом — ощущения пустого пространства, в котором гулко отдается только стук своего сердца — меня

ARCHIVUM SAVINE

избавила возможность поставить работу Ц. В. П. К-та на Юге России. Собрав несколько сотрудников и осведомившись о нуждах, как добровольческой армии, так и вербовавшихся тогда в кустарном порядке многочисленных офицерских дружин, мы принялись было за работу. Но более важные политические задачи скоро отвлекли мое внимание.

В Киев понемногу стали стекаться видные политические и общественные деятели со всей России. Каждый день, выходя на Крещатик, я встречал новых беглецов из Совдепии, начавших очень быстро разбиваться на привычные группы, незамедлившие установить между собою контакт.

Первой заявила о своем существовании группа членов Законодательных Палат (Государственной Думы всех созывов и Государственного Совета), выделившая из своего состава бюро под председательством графа Алексея Бобринского (б. министра земледелия, члена Государственного Совета). Первые шаги этой группы — обращение к немецкому правительству — встретили мало сочувствия со стороны Общества. Второю стала организоваться группа земских деятелей. Инициаторы ее — С. Н. Маслов (многолетний председатель Орловской Губернской Земской Управы), А. С. Хрипунов (член Орловской Губернской Земской управы), М. А. Нарожницкий, Ф. В. Шлиппе (председатель Московской Уездной Земской Управы) созвали земских гласных, находившихся в Киеве, и предложили внепартийную программу, сводившуюся к одному: борьбе с большевиками. По примеру земцев решили сорганизоваться и представители городских управлений. Мы с Ю. Н. Глебовым (бывшим Петроградским Городским Головою) созвали городских гласных на

той же платформе, что и земцы, но исключительно гласных, принадлежащих к буржуазным группам; общее собрание избрало комитет из 5 лиц: Глебова (председатель группы), меня (тов. председателя), Н. А. Ростовцева, М. В. Брайкевича и В. В. Пржевальского.

Организация этих трех групп навела нас на мысль о желательности и дальше распространить организацию русской буржуазии по группам, об'единив затем все группы в одно целое. Мысль об об'единении русской буржуазии давно меня интересовала; но необходимость такого об'единения стала особенно ясной после безнадежного провала буржуазии, начавшегося в Февральскую революцию и бесславно закончившегося в Октябрьскую. Я, разумеется, не допускал ни на минуту, чтобы такое об'единение могло сделаться тараном, который свергнет Совдепскую власть; но казалось совершенно необходимым для выявления голоса протестующей России об'единить буржуазные группы с тем, чтобы затем сговориться с группами социалистическими и, на этом сговоре, явить Европе единое мнение русских, неприемлющих Ленина. При этом мне казалось ценным об'единить буржуазию не только в типично-классовых ее элементах, как торгово-промышленники и финансисты, но и охватить этим об'единением университетскую интеллигенцию, землевладельцев, законодателей и т. д., чтоб затем использовать этот момент общей растерянности буржуазии для прочного выделения из нее левого демократического крыла. На необходимость создания такого крыла, (что я с группой единомышленников тщетно пытался сделать в 1905 году, учредив «Радикальную партию»), особенно указывало постоянное злоупо-

требление терминами «демократия» и «демократический», которое началось в Февральскую революцию и продолжается по сей день; оно не только продолжается, но и растет по мере утраты социалистами популярности в широких кругах «сочувствующих», обеспечивавших обычно победу социалистическим группам. Упорное стремление социалистической прессы упрочить в невежественных умах представление о социализме, как о создателе истинной демократии, требовало серьезного противодействия особенно в России, где, благодаря политической запоздалости страны, большинство буржуазной интеллигенции бросилось в ряды социалистических партий, предпочитая пребывание в своего рода «червовидных отростках» социализма, как часть наших социалистических партий, работе в рядах левой буржуазной демократии. Мысль об об'единении буржуазных групп была встречена крайне сочувственно, и я, в качестве представителя Ц. В. П. К-та, приступил немедленно к образованию Торгово-Промышленной и Финансовой групп.

Собрав на заседание представителей центральных Петроградских и Московских организаций Торговли и Промышленности, а также крупных столичных банков и, встретив с их стороны полное сочувствие, мы через короткое время имели еще две группы: торгово-промышленную и финансовую. Параллельно члены Законодательных Палат работали по созданию других групп и вскоре Группа Земельных Собственников, Церковная и Академическая присоединились к первым пяти.

На заседании Комитетов Земской и Городской Групп было окончательно решено: 1) об'единить все группы в единую организацию «Совет Государ-

ственного Об'единения России» (в дальнейшем обозначаемый четырьмя заглавными буквами С. Г. О. Р.), 2) создать путем делегирования 5 лиц от каждой группы (причем члены Государственной Думы и Государственного Совета выбирали по 5 лиц от каждой палаты) пленум совета в составе 45 лиц, которые в свою очередь должны были избрать Бюро из 9 лиц. Мы долго спорили о председателе: группа земцев настаивала на предложении председательствования А. В. Кривошеину; городская группа настаивала на бароне В. В. Меллере-Закомельском (председатель Петроградской Губернской Земской Управы, член Государственного Совета). Последний выдвигался как председатель прогрессивного блока членов Государственной Думы и Государственного Совета, образовавшегося в конце 1916 года из прогрессивных членов Законодательных Палат (до левых националистов включительно) для борьбы с Правительством за введение зачаточной конституции в лице — Министерства Общественного Доверия (кадеты в 1916 году не решались еще требовать ответственного министерства). Мы указали на то, что социалистические партии и без того противопоставят себя нашему буржуазному единению, как единение демократическое, и нам не избежать клички реакционеров; лучше не давать для этого формального повода избранием председателем Совета министра царского времени, хотя и бывшего среди царских министров одним из наиболее прогрессивных. Наша точка зрения победила, но мы с трудом убедили хворавшего барона В. В. Меллера-Закомельского принять на себя председательствование. В товарищи председателя были намечены А. В. Кривошеин (от Земельных Собственников),

П. Н. Милюков (от членов Государственной Думы), С. Н. Маслов (от Земцев) и С. Н. Третьяков (от Торгово-Промышленной группы); в бюро, кроме них, вошли: проф. кн. Е. Н. Трубецкой (от Академической группы), И. Г. Коган (от финансистов), кн. А. Д. Голицын (от «Протофиса» — украинского Союза Пром., Торг. и Финанс., — для связи с местными деятелями и группами) и я от Городской группы.

На заседаниях бюро я впервые познакомился с А. В. Кривошеиным. За ним прошлая его работа упрочила репутацию умного государственного работника, умевшего сочетать гибкость придворного с некоторым либерализмом. Возвращаясь как-то вместе домой с одного из заседаний, где я старался идти возможно дальше навстречу реакционно-настроенному президиуму группы Законодательных Палат, чтобы убедить их войти в Совет, я выслушал от Александра Васильевича своеобразное признание: «А я по Вашей репутации радикала думал, что вы будете свирепы». В дальнейшей работе его заинтересовали социалисты — его отношение к ним, однако, скоро определилось тою же формулою предположения государственной «свирепости» у них, как руководящего принципа их деятельности. Основою его характера, выработанной, очевидно, условиями работы при старом строе, были вечные разговоры à parte: в Яссах, где все, кроме него, собирались к завтраку и обеду в ресторане, он приглашал то того, то другого для обеда и приватной беседы с ним на квартире нашего посла, где он остановился; в Одессе — частные беседы на квартире члена Государственной Думы гр. И. И. Капниста, где он жил; в Ялте — то же в имении члена Государственного Совета Ф. А. Иванова в Чепре, —

всегда отдельные группировки, всегда какая то работа за кулисами и против общего течения. Тут, очевидно, кроме придворных навыков, играло роль полное отсутствие привычки к коллегиальной работе. Барон Меллер-Закомельский, знавший А. В. хорошо по Государственному Совету, говорил не раз: «Кривошеина считают умным, по моему, в нем больше хитрости и сноровки». Любопытна популярная в Одессе версия о происхождении А. В. Кривошеина — его считали сыном еврея кантониста (Крумгальца, в переводе с немецкого на русский — Кривошеин).

Помню замечание Н. С. Брасовой (жены б. великого князя Михаила Александровича), у которой я встречался с А. В. Кривошеиным в Киеве в октябре 1918 года. Речь шла о волнениях среди немецкого гарнизона в Киеве, о возможности, вследствие этого, прорыва большевиков на Северном фронте Украины, открывавшего им дорогу на Киев, и о том, что пора уезжать из Киева в Одессу, где открытая морская дорога позволяла Наталье Сергеевне свободно выехать за-границу. Между прочим кто-то сказал: «Александр Васильевич завтра уезжает из Киева». — «Ну, тогда, значит, пора ехать и нам» — заметила Наталья Сергеевна.

А. В. сошел в могилу в самый неблагоприятный для него момент — после провала последней «интервенционной» попытки, возглавлявшейся генералом Врангелем, — провала, за который, по общему мнению, ответственность в значительной мере падает на Александра Васильевича.

Второю выдающеюся фигурою в нашем Совете был барон Вл. Вл. Меллер-Закомельский. Трудно передать обаяние этого хилого, малоподвижного,

лениво-мыслившего и еще более лениво работавшего человека. Его незлобивость, отсутствие личного честолюбия, а тем более каких-либо корыстных мотивов, любезность и простота, были настолько привлекательны, что даже наиболее нервно-нападчивые, органически не переносящие ничьего, хотя бы и малочувствительного руководительства, относились к нему с полным уважением и доверием. Трудно себе представить степень физической обломовщины, охватившей Владимира Владимировича в это время. Помню, как в те дни, когда мы с ним жили в одном номере Лондонской гостиницы в Одессе, он, проснувшись, утром целый час сидел на постели в ночной сорочке, накинув на плечи овчинный тулуп (у нас редко было более 6 градусов тепла), и курил папироску за папироской, не находя в себе достаточно сил, чтобы начать одеваться. У него были большие знания по некоторым отраслям сельского хозяйства, особенно рыболовства, и иной раз, оживившись за бутылкой вина, он говорил много и интересно об этих предметах. Руководил он заседаниями с редким спокойствием и тактом, отвращая все натиски уверенно и без труда. Помню, раз как-то я узнал о том, что В. П. Гурко готовит по какому-то вопросу кавалерийский набег на бюро С. Г. О. Р. Слышав не раз выступления В. П. Гурко в правительственных совещаниях 1915—1916 г. г., большей частью содержательные и отличавшиеся большим под'емом, я выразил барону некоторые опасения. «Не бойтесь,» — сказал Владимир Владимирович, — «Гурко с места в карьер сжигает столько угля, что через несколько минут теряет и пыл и руководящую нить и из его нападок ничего не выйдет». — Барон оказался прав.

Мужество барон в эти смутные времена проявил в высокой мере. Работая без интенсивности, он, тем не менее, все свое время отдавал политической борьбе; лишь ложась спать, он обыкновенно перечитывал «Мертвые Души», с которыми в последние недели нашего общего пребывания в Одессе не расставался. Раз помню, зайдя к нему, я нашел у него на столе кучку популярных книжек по истории Египта, Индии, Китая. — «Что это, впали в детство, барон?» спрашиваю. — «Я почитаю, подзубрю имена всех этих фараонов Египта и буду поражать Вашего сына», с милой улыбкой отвечал барон, любивший экзаменовать моего мальчика, увлекавшегося египтологией. Бедного барона сразил сыпной тиф в Константинополе, куда он попал после злополучной Деникинской эпопеи.

Наряду с С. Г. О. Р. в Киеве об'явился и «Национальный Центр». В начале или середине октября здесь появился М. М. Федоров (бывший управляющий Министерством Торговли и Промышленности при Витте, редактор газеты «Слово», гласный Петроградской Думы), только что приехавший из Москвы. Исхудавший, со сморщенной шеей, буквально болтавшейся на широком отложном воротничке, с потускневшими глазами, с несколько согнувшеюся вперед фигурою, он производил впечатление крайне уставшего человека; тем не менее, в первые же дни он развил привычную суетливость в сто лошадиных сил, и мы вскоре узнали о существовании в Киеве «Национального Центра», работа которого большинством из нас считалась оконченою. «Национальный Центр» возник в Москве во время работы «правого» и «левого» «Центров», образовавшихся там несколько ранее. Левый Центр или «Союз

Возрождения», как и Правый Центр, были группировками политических деятелей по принципу личного приглашения небольшою группою инициаторов. В «Союзе Возрождения» сгруппировались так называемые «государственно-мыслящие социалисты», из правых с.-р. и н. с. с двумя-тремя кадетами: Н. И. Астровым, П. П. Демидовым и др.; остальные кадеты, часть прогрессистов, октябристов и деятелей, стоящих правее, сгруппировались в Правом Центре. Во внешней политике — левые ориентировались на Антанту, а правые — правее кадетов — на немцев. В правом центре, произошел раскол. Из него вышли кадеты, решившие ориентироваться тоже на Антанту. Ушедшие образовали «Национальный Центр», впоследствии игравший очень большую роль в деятельности Деникина и Юденича.

М. М. Федоров начал в Киеве с того, что рекомендовал в товарищи председателя «Национального Центра» П. Н. Милюкова, а затем прикомандировал к центру аполитичного, но крайне работоспособного, хорошо владеющего языками, бывшего вице-директора департамента Промышленности А. Я. Чемберса. Никто толком не знал тогда еще о замыслах «Национального Центра» на счет руководительства политикою Деникина — шли лишь слухи о связях «Центра» с союзниками и с какими то военными организациями. И только по дороге в Яссы — о чем будет дальше — стала для меня выясняться идейная подоплека «Национального Центра».

Наряду с чисто буржуазными организациями, сорганизовались в Киеве и члены двух других смешанных об'единений: «Союза Возрождения» и Земско-Городского Союза. В середине октября я виделся в Киеве с членами Комитета Союза Городов

Титовым и Рудневым, и мы говорили о возможной работе земских и городских деятелей; они указывали на желательность устройства с'езда земских и городских гласных в ближайшем будущем. Посоветовавшись с Глебовым, мы все-таки решили создать буржуазную группу городских гласных отдельно. Мы, старые городские работники, относились с понятным недоверием к способности практического разрешения хозяйственных вопросов у тех революционных элементов, которые, в силу самой обстановки революционной работы, меньше всего способны были развить в себе деловые черты и совершенно не знали ни городского, ни земского хозяйства. Нам казалось, что у них резолютивная, декларационная часть работы должна была отодвинуть на задний план деятельность строительно-хозяйственную, как оно и оказалось в действительности. Мы думали, что если два отдельных об'единения: буржуазное с его земско-городским опытом и преобладающей деловой точкой зрения, и социалистическое — с его стойкостью в отстаивании программных принципов будут сперва работать отдельно, а затем результаты их работ об'единят на почве компромисса в общем, возглавляющем их органе, — получится нечто более полезное, чем бесконечное подсиживание друг друга в одном общем органе в фазисе подготовительных работ. Поэтому мы решили на с'езд не ехать, советуя то же самое и нашим другим буржуазным коллегам.

В составе «Союза Возрождения» в Киеве были почти те же самые лица, что и в Земском и Городском Союзах. Из невходящих в этот последний был видный с.-р. И. И. Фундаминский и, кажется, Одинец (впоследствии ближайший сотрудник Б. В. Са-

винкова в Варшаве). Одинец был усердно занят организацией военных добровольческих отрядов, чем в то время в Киеве занималось неограниченное количество ничем не связанных друг с другом лиц.

Ц. В. П. К-т тоже пытался тогда начать работу в Киеве. Из ближайших сотрудников Комитета в Киеве оказалось очень мало. Вряд ли кто из стоявших вне непосредственной близости к К-ту знают, как грандиозна была его работа. Комитет возник весною 1915 года под влиянием вдохновенной речи П. П. Рябушинского на Торгово-Промышленном С'езде, созванном Советом С'ездов Представителей Промышленности и Торговли в Петрограде с А. И. Гучковым — председателем, А. И. Коноваловым — заместителем председателя и несколькими товарищами председателя, заведывавшими различными отделами: проф. Д. С. Зерновым, В. В. Жуковским, А. А. Бубликовым, Н. Ф. фон-Дитмаром, В. И. Ковалевским, М. П. Терещенко и мною (я заведывал санитарным отделом). К началу 1917 года, когда деятельность К-та достигла апогея, число его отделений превышало по России 230, а служащих в одном Центральном Комитете было свыше 1200; они были распределены по 34 отделам, находившимся под управлением крупных научных и деловых авторитетов.

В Киеве осенью 1918 года оказались лишь Ю. Н. Глебов (бывший короткое время одним из товарищей председателя Ц. К-та), Н. Н. Савин (профессор Петроградского Политехникума, тов. М-ра Торговли и Промышленности при Временном Правительстве), ген. Д. В. Филатьев (проф. Академии Генерального Штаба, тов. военного министра при военном М-ре Гучкове), заведывавший у нас отделом снабжения

фронта, бывший Управляющий делами Центр. Военно-Промышленного К-та А. А. Терис и несколько служащих секретариата.

Из бывших наших коллег по Центр. Воен. Пром. К-ту я встретил в Киеве меньшевика Козьму Антоновича Гвоздева, бывшего в бюро Ц. В. П. К-та представителем рабочей группы К-та. Впоследствии, во Временном Правительстве Гвоздев был Министром Труда — первым в России министром из рабочих и единственным подлинным представителем пролетариата.

Через Киев в то время проехало много лиц, направлявшихся в Мекку — Екатеринодар; так проехали Н. П. Астров с графиней С. В. Паниной, кн. Павел Дмитриевич Долгорукий (пробиравшийся в рваной одежде мастерового и картузе), П. И. Новгородцев. Павел Иванович заходил к нам и поделился с нами сведениями о предложении, которое кадеты собирались сделать Деникину. Предполагалось создать нечто в роде Государственного Совещания из шестидесяти с чем то человек приблизительно от тех же групп, что в нашем С. Г. О. Р. и политич. партий, которые и должны были решить вопрос о форме правления на Юго-Востоке (то же приблизительно, что было сделано осенью 1918 года в Уфе, где была избрана Директория). Я слышал, что этот проект был предложен Деникину, но, разумеется, никакого успеха не имел.

Отмечу в числе гостей Киева, живших у тех же гостеприимных хозяев, что и Фундаминские и я — Н. С. Брасову. Она покинула Пермь, где была поселена большевиками вместе с б. великим князем Михаилом Александровичем, кажется, весною 1918 года, чтобы с'ездить в Гатчину, устроить личные

дела и затем вернуться к мужу. Когда б. вел. кн. был увезен из Перми, Наталья Сергеевна и ее дочь (от первого брака — Наталья Сергеевна Мамонтова) были арестованы большевиками по обвинению в содействии побегу бывшего великого князя. После долгих мытарств (обращение большевиков с дамами было в общем сносное) она бежала в октябре 1918 года из Петрограда в костюме сестры милосердия с дочерью и близким человеком, кн. Вяземской, через Смоленск и Оршу. Всегда ровная, слегка насмешливая, изящная, величественно-красивая, интересная собеседница с ясною и точною формулировкою своих взглядов, Наталья Сергеевна была прекрасным товарищем всего небольшого кружка, волею судеб осевшего в Киеве у хлебосольной, бесконечно внимательной и милой хозяйки Х... Не могу не передать любопытного рассказа дочери Н. С. Брасовой, Натальи Сергеевны Мамонтовой о «дяде Мише» (б. вел. князе Михаиле Александровиче). Как-то дети — сама Наталья Сергеевна младшая и ее брат Георгий, сын Михаила Александровича от Н. С. Брасовой, своею игрою надоедали великому князю, занятому чтением. Желая избавиться от детей, он предложил им пойти ловить крупных комаров, изобиловавших в Гатчине, обещая за каждого по копейке. Дети, желая «заработать» побольше, очень долго ловили комаров и принесли Михаилу Александровичу большую кучу их, требуя точной оплаты; Михаил Александрович добросовестно пересчитал около 375 штук и уплатил детям обещанное.

Жизнь Киева при Гетмане внешне почти не отличалась от прежней, если не считать присутствия немцев, в общем мало заметных. Гетмана я ни-

когда на улице не видел, доступ к его дворцу был крайне затруднителен — надо было получить особое разрешение от немецкого командования для прохода через ближайшие улицы — не знаю почему. Популярности ни у него, ни у его министров не было никакой. Как-то на спектакле «Летучей Мыши» неунывающий, талантливый Н. Ф. Балиев, по своему обыкновению, называя находившихся в зрительном зале персонажей, предложил приветствовать аплодисментами сидевшего в ложе гетманского министра внутренних дел И. А. Кистяковского; в зале раздался дружный свист. Правда, это об'яснялось также и возмущением всех против Кистяковского (Московского присяжного поверенного) за об'явленное им гонение на русский язык (рассказывали, что в его ведомстве на стенах висели плакаты, запрещавшие русскую речь).

На Крещатике можно было видеть портреты Гетмана, снятого рядом с его покровителем Вильгельмом II. Нужно сознаться, что это мало кого шокировало: — в хаосе чувств, перекатывавшихся с начала 1917 года чрез души обывателей, не много осталось места для точного разграничения добра от зла.

В начале ноября стало тревожно в Киеве; часто за Днепром слышалась пулеметная трескотня — готовились к встрече незванных гостей; на Подоле ночью глухо перекатывались одиночные выстрелы. События на Западе — постоянное отступление и моральный развал среди немцев, заколебавшихся под действием большевистского яда, стал отзываться насторожившеюся тревогою и в Киеве.

ГЛАВА II

ЯССКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Приглашение в Яссы. — Совещание о диктаторах по пути в Яссы. — П. Н. Милюков. — Сообщение посла С. А. Поклевского-Козелл. — Характер заседаний. — Вопрос об интервенции. — Баллотировка кандидатов в диктаторы. — Приглашение к румынскому королю. — Приезд В. П. Гурко, Н. Н. Шебеко и др. в Яссы. — Отправка телеграммы Антанте, с просьбой о немедленной помощи Киеву. — Чрезвычайные полномочия вице-консулу Энно. — Избрание делегации в Европу. — Переезд в Одессу.

В первых числах ноября, когда только что избранное бюро С. Г. О. Р. приступало к намечению плана работ, мы были приглашены на общее заседание с Комитетом Законодательных палат на квартиру члена Государственной Думы Искрицкого. Мы увидели там полковника ген. штаба Ильина, который передал нам приглашение образовавшегося в Яссах К-та для созыва в Яссах конференции с послами союзников по вопросу о помощи России для борьбы с большевиками. К-т состоял из нашего посла в Румынии С. А. Поклевского-Козелл, бывшего главнокомандующего русской армией на румынском фронте ген. Щербачева и французского вице-консула в Киеве —

Энно. Полковник Ильин был послан в Киев и Одессу пригласить персонально А. В. Кривошеина, барона В. В. Меллер-Закомельского, А. И. Пильца, В. В. Шульгина, П. Н. Милюкова, Н. А. Хомякова, Н. В. Савича, а также представителей крупных политических организаций: С. Г. О. Р., Национального Центра и Союза Возрождения. Вопрос о необходимости ехать был нами быстро решен; от С. Г. О. Р. наметили троих, получивших персональное приглашение: барона В. В. Меллер-Закомельского, А. В. Кривошеина, П. Н. Милюкова, а также меня, дабы было представлено и левое крыло С. Г. О. Р. От имени Национального Центра — М. М. Федоров, как единственный его представитель, пригласил с собой А. Я. Чемберса. Союз Возрождения послал В. В. Руднева, А. А. Титова, И. И. Фундаминского, М. К. Кровопускова и полковника П. П. Новикова, в качестве военного эксперта.

Ехать надо было поскорей; дело не терпело отлагательства — нас ждали в Яссах. Мы быстро собрались и через несколько дней, получив паспорта от Гетманского Правительства (как иностранцы, разумеется, причем выдавал их Гетманский товарищ м-ра внутренних дел Варун-Секрет, б. член Государственной Думы) приехали в Одессу. Тут к нам присоединились находившиеся в Одессе С. Н. Третьяков и М. В. Брайкевич.

Выехали мы из Киева, кажется, 14 ноября. Нам был отведен вагон, в котором мы быстро разместились; мне досталось двухместное купе с П. Н. Милюковым; рядом барон с А. В. Кривошеиным; потом М. М. Федоров, А. Я. Чемберс, А. И. Пильц, Н. В. Савич, А. П. Хомяков (с бритою головою и лицом, во френче и высоких сапогах — он выгля-

дел типичным монголом, ни одной славянской черты). Далее Н. С. Третьяков и М. В. Брайкевич. В другом вагоне, отдельно от нас сели: В. В. Руднев, И. И. Фундаминский, А. А. Титов.

Третьяков и Брайкевич скоро перешли в вагон социалистов и большую часть дороги проводили у них. Милюков играет в шахматы с известным шахматистом Малютиным, приглашенным М. М. Федоровым в качестве секретаря; Милюков проигрывает бесславно две партии. Подсмеиваюсь над ним! «Играя с таким именитым профессионалом» — оправдывается Милюков — «я испытываю то, что чувствует птичка, когда перед нею удав». Следующие две партии восстанавливают честь лидера кадетов: одна в ничью, другая выиграна Милюковым. Малютин ее записывает и впоследствии печатает в «Одесском Листке», как партию, игранную с П. Н. Милюковым. Успокоенный Павел Николаевич принимается за изучение румынской грамматики и зубрежку наиболее употребительных румынских слов. Ходим и посматриваем с завистью — будет говорить по румынски! Но в первый же день, когда в Яссах все собрались в ресторане, Павел Николаевич торжественно проваливается — он не знает, как назвать «хлеб».

Беспокоен М. М. Федоров; ходит из купе в купе и убеждает, что пора устроить совещание. Соглашаемся, разводим дверь меж двух купе, втискиваемся все в них, и барон открывает совещание. Вопрос о том, что надо просить у союзников вооруженной помощи, не возбуждает ни в ком сомнения. Споры начинаются по вопросу, под чьим командованием будут союзные вооруженные силы. М. М. Федоров не допускает и мысли, чтобы командование было

не в русских руках и не сдает своей позиции, несмотря на все наши убеждения, что нет такого французского генерала, который пошел бы под русское командование в то время, когда французы — в опьянении славы победителей грозной прусской армии (а у нас — развал армии), и после того как во время войны и англичане, и американцы шли под общее командование Фоша. Решаем обойти вопрос молчанием, чтобы не быть смешными в глазах союзников требованием подчинения интервенционных войск русскому командованию. Вторым ставится вопрос о диктатуре и одновременно, кому быть военным диктатором. За диктатуру и притом Деникина горячо стоят Милюков и Федоров. Хомяков, Пильц и барон все время молчат, а Н. В. Савич и А. В. Кривошеин стоят за быв. вел. кн. Николая Николаевича. Милюков и Федоров дают характеристику Деникина: честный воин, глубокий патриот, демократ по привычкам, всеми уважаем; правда, несколько мягок и уступчив, поддается влияниям, но, признав что-либо нужным, идет к осуществлению, не останавливаясь. Н. В. Савич считает генерала Краснова более подходящим: Краснов — прекрасный организатор, живой талантливый человек, с более широким кругозором, чем Деникин; за Краснова целая Донская армия, а за Деникиным лишь незначительная горсть добровольцев. Но обоим надо предпочесть вел. кн. Николая Николаевича. Ему подчинятся и Деникин, и Краснов, пожалуй, и Гетман; ему, ему одному, может быть, подчинятся и союзнические генералы, которым не зазорно будет служить под великим князем. Его поддерживает А. В. Кривошеин. И когда я возражаю против этого предложения, Н. В. Савич, думая, что эти возражения направлены

против личности б. вел. кн., говорит: «Да Вы не опасайтесь его, он, ведь, теперь не тот грозный вел. кн. пред которым трепетали генералы; он ослабел, воли к власти нет». Тогда я перехожу в аттаку. Я еще понимаю диктатуру Божьей Милостью, т. е. диктатуру личности, которую выдвигает историческая необходимость; одним из признаков такого диктатора Божьей Милостью это то, что его кандидатуры никто не обсуждает, а все рады радехоньки, если проходят мимо незамеченными им; я еще понимаю, если бы нам говорили, что есть среди наших генералов Петр Великий или даже Чингиз-Хан, который пройдет огнем и мечем по стране; я бы, может быть, сказал — пойдем и поклонимся ему, он в месяц сделает в борьбе с большевизмом — то, на что потребуются годы. Но ставить в диктаторы людей с ослабевшей или от рождения не твердой волей, «подпирать» этих зауряд-диктаторов работою общественных организаций — детская игра: все сведется к тому, что, прикрываясь таким диктатором, над нами будет мудрить какой-нибудь персональный или коллективный Распутин.

Никто со мною не согласен, и, повидимому, останавливаются на необходимости поддерживать в диктаторы кандидатуру Деникина.

Подходим к Тирасполю — кончается русская линия; за Днестром Бендеры — уже в руках румын. Об'являют, что надо выходить, идти через Днестр по мосту пешком; протестуем, вызываем начальника станции; тот сносится с Бендерами, откуда посылают за нами паровоз.

На станции Бендеры — официальная встреча румынскими властями: представитель министерства внутренних дел и, кажется, военного Министра.

Речи; обед в грязном ресторане грязного вокзала, подвергаемого генеральному ремонту. Отвечает П. Н. Милюков; речи на французском языке.

От Бендер едем через Кишинев в Яссы. Зовут меня в вагон к нашим социалистам и заявляют: решили В. В. Руднева исключить из делегации, так как у него в России жена и он опасается репрессий по ее адресу; просят, поэтому, ни в списках делегатов для румынских властей, ни в сообщениях прессы его фамилии не называть. Говорю В. В. Рудневу — но ведь в одесских газетах мы все уже были названы. Руднев стоит на своем и продолжает путешествие с нами.

Ложась спать, дразню Павла Николаевича неизбежностью переустройства России по федеративному типу; иначе, ведь, не соберешь рассыпавшейся храмины; вот и Украину придется сделать штатом. Павел Николаевич сердится: вся эта Украина сплошная выдумка кучки интеллигентов; никакого националистического движения на Украине нет и мы, принимая в серьез их болтовню и допуская ее обсуждение, сами укрепляем и даже создаем не имеющее под собой никакой почвы движение. Нет и языка малороссийского; галичане говорят не на языке, а на каком-то жаргоне, и жаргонный характер этого квази-языка будет расти, так как придется заимствовать из русского языка огромное количество научных, технических и юридических терминов. — «Ну, говорю, если никакой почвы нет у Малороссии, то и опасаться нечего — ex nihilo nihil fit! ну, а вдруг?» — Павел Николаевич сердито просит не мешать ему спать. Днем когда кто-то из спутников стал интересоваться происхождением знака на Украинских печатях, похожего на трезубец Нептуна без

рукоятки — П. Н. Милюков об'яснил, что знак этот ничего Украинского не содержит: аналогичные знаки можно видеть на старых русских монетах княжеского периода и он, повидимому, является стилизацией княжеского шлема. Но, ведь, Украинцы утверждают, что Русь пошла от Украины?

Утром под'езжаем к Яссам; все холмы да холмы, покрытые глубоким снегом. Останавливаемся далеко на запасном пути. В вагон входит наш посол в Румынии С. А. Поклевский-Козелл; знакомимся, сообщает о положении вещей. Конференция очень интересует послов Антанты. В Яссах представитель Франции, тонкий дипломат граф де Сэнт Оллэр; английский посол — забавный эксцентрик Барклэй; от американцев — чех Вопика, гордый тем, что он — первый чех, представляющий Америку в качестве посла; Италия представлена второстепенным агентом, кажется, торговым. Румынское правительство тоже ждет нас, рассчитывая поговорить о признании Бессарабии: оно тоже не прочь оказать вооруженную помощь, но потребует Бессарабию. Король Румынии со штабом в Яссах — придется представляться и ему. Пресса уже оповестила о нашем прибытии и, в ожидании благоприятного для румын решения вопроса о Бессарабии, относится к нашему прибытию весьма благосклонно. Префектом реквизированы для нас помещения у частных лиц, так как гостиницы дрянные, да и места в них нет. Сопровождающие посла русские офицеры тут же раздают нам адреса квартир; Кривошеина посол приглашает к себе; Милюков и барон попадают не только в одну комнату, но даже в одну кровать.

Очередные заседания происходят в помещении русского консульства, где временно живет и посол

(после оккупации Букареста немцами, двор, правительство и дипломатические агенты переехали в Яссы) в низком сводчатом партере, с грубо выбеленными стенами и примитивною мебелью. Председательствует барон. Торжественные заседания — в том числе и первое — происходят в салоне посла. Первое заседание открывается нашим послом; приветствует нас (союзнических послов нет на заседании). За ним говорит французский вице-консул г. Киева Энно — один из инициаторов совещания (он работал в Киеве в 1917 году при комиссаре Французского правительства при первой Украинской Директории, генерале Табуи). Отвечает Милюков, говорящий только о задачах конференции; я от имени приехавших благодарю инициаторов. Потом — информация с нашей стороны о положении вещей на Украине и военная информация со стороны ген. Щербачева и его начальника штаба ген. Геруа.

Первая встреча с союзническими послами — на квартире у английского посла в тот же день: приветствия, первый обмен мнениями, решение представить союзникам меморандум. Занятия продолжаются семь дней утром, после обеда и иной раз после ужина. Вопрос о необходимости интервенции решается быстро; заседания происходят совместно с А. А. Титовым и Фундаминским; Руднев не участвует, Кровопусков еще из Одессы послан нами в Константинополь для заявления просьбы нашей о военной помощи союзников генералу Франше д'Эспере; на вопросе о диктатуре — заминка. Два дня происходят прения по этому вопросу. Фундаминский, со свойственной ему мягкостью, произносит примирительную политическую речь, поражающую

и трогающую присутствующих, представлявших себе иначе «грозного» с.-р., б. члена Центрального Комитета партии. Посол говорит барону: «какой милый человек этот Фундаминский, как жалко, что он — еврей», а Н. В. Савич, готовый истребить всех с.-р., оставляет в живых только одного Фундаминского. Левые хотят Директории, не хотят обсуждать вопроса о диктатуре Деникина. Решив единогласно, при воздержавшихся социалистах, вопрос о диктатуре, мы переходим к голосованию личности диктатора, после обмена мыслей о кандидатах; называют двух: быв. вел. кн. Николая Николаевича и Деникина. После речи ген. Щербачева, мотивированно высказывающегося за Деникина, голосуют открыто: за Николая Николаевича подают голоса А. В. Кривошеин, Н. В. Савич и В. И. Гурко (приехавший в Яссы отдельно от нас); за Деникина 9 голосов. А дальше не знаем, как быть — общего решения о диктатуре нет, подавать две отдельных записки (буржуазную и социалистическую) — значит продемонстрировать лишний раз отсутствие у русских единения даже и тогда, когда речь идет о спасении погибающей родины и когда приехали звать варягов на помощь. Выручает английский генерал Баллард, говорящий по-русски и внимательно следящий за прениями; советует: выбросьте из меморандума все, что вас раз'единяет, и говорите только о необходимости вооруженной помощи. Рады предложению, как пошехонцы, запутавшиеся меж трех сосен, хватаемся за него и поручаем П. Н. Милюкову и А. А. Титову написать проект меморандума. Проект переводится Милюковым на французский язык; после жестокой критики его В. И. Гурко: «канцелярское отношение,

без красок и темперамента, сухо, скучно». — «Ну, напишите Вы сами более красочно», говорит спокойно, работавший накануне до двух часов ночи, Милюков; проект принимаем, и я с Гурко наводим «французский шик» на язык Милюкова.

Ежедневные заседания прерываются рядом эпизодов.

Первый по очереди — вопрос о приглашении к королю. Сперва решенный королем в положительном смысле — он на третий день упраздняется: за это время бывший премьер-министр Братиано побывал у Милюкова, пригласил его к себе на завтрак и нащупал почву относительно Бессарабии. Почва оказалась более, чем зыбкая, и румыны сразу потеряли всякий интерес к нам; пресса повернулась к нам спиной: что-де за никчемная публика приехала. Король видеть нас не пожелал. Но мы то его со всею королевскою семьею увидели на молебне в Соборе по случаю дарования союзникам победы. Благодаря нашим гастрольным костюмам — кто в овчинном тулупе, кто в военного образца шинели — все более чем скромно одетые, мы были серым пятном среди блеска придворных и дипломатических мундиров. Не обошлось и без курьеза: служивший митрополит, поминая союзников, боровшихся против немцев, не назвал России. Поклевский-Козелл выразил удивление по поводу этого пред бывшим в соборе Братиано: «Это по рассеянности», сказал Братиано, «ведь, он и японцев тоже забыл» (а перекличку наций митрополит делал по шпаргалке).

Второй эпизод — внутреннего характера. На третий, кажется, день приходим на заседание. Посол сообщает, что утром из Киева приехали: В. И. Гурко,

Н. Н. Шебеко (бывший посол наш в Австро-Венгрии), Н. Ф. фон-Дитмар, В. П. Рябушинский (брат известного члена Государственного Совета П. П. Рябушинского) и В. Я. Демченко (член Государственной Думы, бывший Киевский Городской Голова, крупный делец): требуют допущения их к участию в конференции. Относительно В. И. Гурко нет затруднений — он член С. Г. О. Р., выбранный в Киеве после нашего от'езда в Бюро Совета и посланный Советом в Яссы. Вопрос о других сложнее, так как Шебеко не состоит вовсе членом С. Г. О. Р. и послало его совещание членов Государственной Думы и Государственного Совета (при чем сам он не член этого совещания, так как не был никогда ни в Думе, ни в Государственном Совете и совещание это не было уполномочено посылать отдельных делегатов). Решаем допустить Гурко с правом решающего голоса, остальных — с совещательным. Правда, решение это настойчивостью прибывших было сведено на нет, и пришлось в лишний раз убедиться, что анархия выдумана в России не большевиками.

Приехавшие из Киева привезли тревожные известия. Восстание, об'явленное в ноябре Украинским Национальным Союзом (созданным в июле, 1918 года), избравшим Директорию с Винниченко, Петлюрой и Швецом во главе, стало принимать угрожающие размеры. Восстание, не задев главных центров — Киева и Одессы, стало быстро разливаться между ними и сообщение между этими городами, того и гляди, могло прерваться. Киевляне оказались в убийственном положении — с севера надвигаются большевики, сдерживаемые по линии Клинцы-Унеча-Михайлово немцами, переставшими

быть железною стеною пред Украиной, так как и среди них пошло брожение; а помощь союзников с юга, через Одессу, становится недоступною из-за восстания. Остался открытым для союзников лишь запад, и киевляне начинают молить о помощи. Демченко, единственный коренной киевлянин среди нас, идет на все: готов отдать румынам что угодно за помощь Киеву. Решаем при содействии союзнических послов в Яссах, отправить Антанте телеграмму с просьбой о немедленной помощи, и кроме того, немедленно командировать к французским генералам Бертелло и Франшэ д'Эсперэ — полковника М. И. Новикова и ген. Галиевского (бывшего случайно в Яссах и рекомендованного Поклевским-Козелл) для об'яснения им, в какой мере положение юго-запада критическое; надеялись получить разрешение на использование какой-нибудь французской части, стоявшей в Румынии. Накануне нашего от'езда получились еще более тревожные сведения: петлюровцы заняли Фастов, идут на юг, успех восстания несомненный; надо действовать энергично. Я предлагаю две меры: во-первых, снабдить консула Энно полномочиями от представителей Антанты говорить от имени этих последних и требовать от немцев исполнения возложенной на них по договору о перемирии обязанности поддерживать порядок и дисциплину в местах, где перемирие их застало, и во-вторых, вызвать в Яссы немецкое обер-командование, с представителями немецкого Совета Солдатских Депутатов и заявить им ультиматум: они отвечают за Киев своими персонами, для чего, в случае отказа их повиноваться, удержать их заложниками. Первое предложение проходит; на второе — нет решимости. Поручают мне и Энно выработать текст

полномочия для Энно от послов, а также обращение послов к населению с предложением воздержаться от содействия «большевистским агентам — Винниченко и Петлюре» (фраза, вставленная совещанием). Энно должен был уехать в тот же день; необходимо было получить подпись послов; бросились к французам — посла не было дома, но сказали, что он подпишет наверно, если сэр Барклей подпишет. Поехали к англичанину — он спит: страдая бессонницей и проводя ночи без сна, он спит после обеда; разбудили его; узнав в чем дело, подписал и говорит: «влетит мне от моего Правительства за это, впрочем, наплевать (je m'en fiche), уйду в отставку». Французский посол тоже после этого подписывает, подписал кажется и американский; и Энно уехал... захватив с собою не только подлинник декларации послов и полномочий, но и черновик. На следующее утро прибежали от французского посла с просьбой дать им копии того, что подписали — у нас их тоже не было.

Не обошлось и без «социалистического интермеццо». Мы обедали и ужинали все вместе в грязноватом помещении ресторанчика, содержимого левантинцем из Константинополя в грязном дворе столь же грязного дома, куда нас привел комендант г. Ясс, справедливо заявив, что кормить будут хорошо, несмотря на более чем сомнительную внешность. И вот после одного из наших ужинов А. А. Титов отзывает М. М. Федорова в сторону, где сидели В. В. Руднев и И. И. Фундаминский; начинается оживленная беседа, принимающая видимо резкий оборот — М. Федоров волнуется, еще более Титов. Оказывается, что В. В. Руднев, вышедший из состава делегации (по пути в Яссы) по «домашним»

мотивам, все же посетил союзнических послов после нашего к ним визита и представил им записку с изложением «демократической» точки зрения на происходящее в России и интервенцию; составление и подача этой записки были известны его коллегам; узнавший об этом М. Федоров сказал Титову, что поведение Руднева ни с какой точки зрения недопустимо и меньше всего с «демократической». Титов счел нужным сообщить об этом Рудневу, который и потребовал от Федорова об'яснений. Сконфуженный Фундаминский сидел при этом молча, а Титов кипятился и петушком наскакивал на Федорова.

Последнее заседание с вручением меморандума, подписанного всеми членами делегации, было, кажется, 24 ноября в салоне английского посла. От имени делегации говорил Милюков; говорил поучительно, доктринально, сухо. Не вытерпел Гурко и с жаром сказал речь на тему о том, что русский большевизм не русское, а обще-европейское дело; не погасив русского очага, рискуют потерять от пожара всю Европу. Английский посол сидел подле своего французского коллеги... на полу и лишь раз только проявил свой интерес к делу, когда Милюков дошел до того места в нашем меморандуме, где мы просим прислать в Россию 150 000 штыков. «Tant que ça?» — спросил Барклей. Американский посол просил разрешения задать нам только один вопрос: «В чем собственно разница между большевиками и советами?»

Перед от'ездом из Ясс было решено послать делегацию от Ясской конференции в Париж и Лондон для поддержания в столицах просьбы нашей о вооруженной интервенции. Вопрос о выборе лиц имел, конечно, большое значение и требовал серьез-

ного обсуждения. Для меня, проведшего много лет во Франции и в Европе вообще было совершенно ясно, что нашей делегации нужно было придать возможно более прогрессивно-демократический характер, дабы отнять у рабочей оппозиции на западе главный ее аргумент: об интервенции — хлопочут де реакционеры. Правда, наличность в делегации социалистов в значительной мере ослабляла силу этого аргумента, но только ослабляла, а не устраняла: все же присутствие реакционеров оставалось бы фактом и давало бы право говорить, что реакционеры просят вооруженного вмешательства, ведя на поводу умеренных социалистов. Сколько об этом ни говорилось и как все это ни было очевидно для всех — победили, конечно, как и всегда, личные соображения. Группа торгово-промышленников требовала, чтобы в делегации обязательно был ее представитель, хотя для успеха делегации присутствие представителя именно этой группы, либо не имело никакого значения, либо было определенно вредно. Ведь совершенно очевидно было, что на Западе не крупных фабрикантов и оптовиков нужно было убеждать, что в России, а потом и на Западе может погибнуть капиталистический строй, и не их поддержки не хватало Клемансо и Ллойд-Джорджу для проведения в парламенте решительных мер — в этом ведь нужно было убеждать только рабочих. Тем не менее, промышленники выдвинули кандидатуру С. Н. Третьякова — как председателя Московского биржевого комитета (тоже отрицательное качество для члена делегации); чтобы провести наверняка Третьякова, пять членов Торгово-промышленной группы предоставили два другие места нашему крайнему правому крылу и провели в делегаты В. И. Гурко и Н. Н. Шебеко.

Кандидатура П. Н. Милюкова провалилась — П. Н. Милюков получил лишь два голоса. Социалистам И. И. Фундаминскому и А. А. Титову было предоставлено самим назначить своих представителей (они не участвовали в выборе делегатов от буржуазной группы) — были намечены они оба.

И только после возвращения в Одессу, в одном из первых заседаний, продолжавших там свои занятия членов Ясской конференции, наша делегация по предложению А. В. Кривошеина была пополнена П. Н. Милюковым.

Накануне от'езда из Ясс, полковник Ильин, присутствовавший на всех заседаниях и всячески помогавший нам, сообщил, что в Галаце в данный момент стоят три союзнических миноносца. Я ухватился за это сведение и предложил просить союзников отправить их немедленно в Одессу, чтобы этим положить начало, если не интервенции, то хотя бы морской демонстрации. Предложение прошло и полковник Ильин сам поехал на следующий день в Галац, чтобы наблюдать за исполнением решения: и через два дня первый союзнический миноносец красовался у волнореза Одесской гавани, собирая на Николаевском бульваре толпы народа.

На обратном пути из Ясс, на вокзале в Тирасполе мы получили от пришедших говорить с нами сотрудников местной прессы номер какой-то одесской газеты с двумя призывами, подписанными Энно: один, одобренный нами в Яссах, другой — неведомый нам, с косвенным призывом поддерживать Гетмана. Мы были неприятно поражены: никакой прогетманской политики (сепаратистов среди нас не было) никто из нас не вел и Энно вести не уполномачивал, а с точки зрения Антанты это было бы

полной нелепостью, так как Гетман был посажен немцами и поддерживался ими-же. Как потом оказалось, это обращение смастерили представители Гетмана в Одессе и подсунули Энно, всегда тяготевшему к престолам, хотя бы и маргариновым.

Упомяну еще, что В. В. Шульгину, прибывшему в Яссы дня через три после нас, не пришлось участвовать в заседаниях: его и сопровождавшую его секретаршу вынесли из вагона на носилках и перенесли с вокзала в больницу: бедная секретарша скончалась там от воспаления легких, а Шульгин, когда мы выехали, лежал еще в больнице.

На обратном пути — тревожный час перед Раздельной: «паникмахеры» уже видели петлюровцев недалеко от нас, и неизвестно было, проскочим ли мы через Раздельную, откуда сворачивают на Одессу. — На самом же деле Петлюровцы оказались за сотню верст оттуда.

В Одессе мы к нашему удивлению застали Энно, который должен был бы быть уже в Киеве и там поддерживать настроение противо-петлюровских элементов обещанием союзнической помощи, в быстрое появление которой мы все еще верили. Оказалось, что он не мог проехать в Киев, сообщение с которым уже было прервано.

Положение Одессы к тому времени — 25/26 ноября 1918 года было своеобразным. Пережив в начале 1918 года шестинедельную вспышку большевизма, крайне напугавшего подавляющую часть населения, но разбудившего аппетиты низов, Одесса (большой портовый город, изобилующий босяками) попала под управление немцев спокойное и мало чувствительное для населения. Юридически она «значилась» за Гетманом, который был предста-

влен там: градоначальником Мустофиным, генералом Стельницким, командовавшим Украинским войском (3-ий корпус, в котором никогда, кажется, не было больше 500 человек), генералом от кавалерии Раухом, состоявшим при австро-германском командовании, и адмиралом, заведующим портом. Отношение к Гетманской власти было скептическое, так как Одесса, вопреки заявлениям Украинцев, никогда ни в какой мере Украинской себя не признавала. Тяга к Украине никогда, ни в то время, ни впоследствии не чувствовалась, и поэтому Одесса склонна была принять Директорию лишь в том же виде, как и Гетмана: — грабить не будут, погромов не будет, значит, как временная власть годится. Но слухи о грабежах, которые петлюровские «гайдамаки» учиняли в завоеванных городах и местечках, быстро заставили Одессу насторожиться, и прихода петлюровцев она ждала с таким же трепетом, как и прихода большевиков.

Наряду с призрачной властью Гетмана, к тому же отрезанного к концу ноября от Одессы, значилась там же еще более призрачная «претензия» на власть со стороны добровольцев. Пока Гетман «осуществлял» свои права на Одессу — добровольцы были только более или менее (скорей менее, чем более) терпимы на территории Одессы; Одесса была вербовочным центром, откуда офицеры, по мере надобности, отсылались в Новороссийск. Официальными представителями Добрармии в Одессе к тому времени были вице-адмирал Ненюков и генерал-майор Леонтович. Репутация офицеров, ждавших в Одессе отправки на Восток, была очень нелестная: лучшие элементы давно ушли к Деникину; оставшихся население города, склонное, как и всякое

южное население, к легким насмешливым обобщениям, прозвало «ресторанными» офицерами, так как они, по утверждению одесситов, предпочитали спокойные и прибыльные должности официантов в ресторанах и кафэ военной службе, связанной с личным риском.

Городская Дума бездействовала после закрытия ее (в октябре 1918 года), последовавшего за арестом ряда гласных по требованию градоначальника Мустофина, призвавшего взамен Городской Управы, упраздненной Гетманским правительством, старую Управу с кн. Аргутинским во главе.

И вот, в конце ноября 1918 года в этот большой шумный, кипящий жизнью город, с большим слоем университетской интеллигенции и сильным, насчитывающим тысячи людей, знакомых с Европой, торгово-промышленным классом, вливается la fine fleur политического, интеллигентского и бюрократического Петрограда. Чувствуя себя носителем «русского» государственного начала, она, не встречая на месте никакой прочной власти, не может не пытаться играть роль высокого попечителя осиротевшего Юго-Запада, с Одессой во главе. На эту роль ее особенно наталкивает факт ее участия в Яссах в привлечении Антанты на помощь Югу и прибытие представителей этой последней. Всего этого не понимает Добрармия или, точнее, не хочет понять группа той же петроградской политической и бюрократической интеллигенции, собравшейся вокруг Деникина под знаменем «Национального Центра»; она имеет за собой русскую армию и посему считает себя единственною носительницею общерусского государственного начала. Осевшие в Одессе, не имея за собой русской армии, но сильные

реальным пониманием условий жизни и союзническою помощью, борются за создание на Юго-Западе местной реальной власти, желая в то же время всячески оградить престиж русской армии.

Этой борьбе посвящены страницы моего дневника от 30 ноября 1918 года (когда я стал ежедневно записывать большое и малое — все, что казалось мне заслуживающим интереса), и до 15 марта 1919 года, когда я уехал из Одессы за-границу.

С возвращением в Одессу деятельность «Ясской делегации» не закончилась: выяснив положение Одессы, делегаты решили продолжать работу, начатую в Киеве и продолженную в Яссах, и собирались ежедневно в течение нескольких недель для взаимного осведомления и обсуждения очередных вопросов.

ГЛАВА III

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГЕТМАНСКОЙ ВЛАСТИ В ОДЕССЕ

Доклад ген. Гришина-Алмазова. — Доклад В. А. Степанова. — Трения с социалистами. — Вопрос о создании правительственного аппарата на Юго-Западе. — Совещание по обороне.

30 ноября 1918 года. Суббота.

Заседание Ясской делегации. Делает сообщение приехавший из Екатеринодара артиллерийский генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (38 лет, покатый узкий лоб, свободная речь, пристрастие к «ученым» словам; П. Н. Милюков говорит: помните Епиходова в «Вишневом саду» — «Вы читали Бокля?»). Он направляется от Деникина в Яссы — застрял в Одессе.

Генерал Алмазов был Военным Министром в Сибирском Временном Правительстве; излагает историю этого правительства, выступления чехов и последующие события на Востоке.

Вся борьба с большевиками ведется в Сибири под знаком союзнической ориентации. Представители союзников — генеральные консулы в Иркутске: се-

веро-американский Гаррис и французский Буржуа; есть еще французский консул — какой то учитель танцев и гимнастики. Почет им со стороны чехословаков беспредельный; заносчивость их такая же. Все они, — и танцор тоже, — были на Государственном Совещании в Уфе и заявляли, что Уфимская Директория будет поддержана союзниками; между тем вся борьба за Сибирь велась до сих пор без единого солдата или единого сантима от союзников. Сношения с серьезными представителями союзников — с послами, не удавались. Ближайшие были в Пекине, — но телеграммы к ним не доходили.

Директория из сил выбивалась, чтобы добиться признания со стороны союзников. Генерал Болдырев даже говорил Гришину, что она признана, но кем и когда — сказать не мог.

Союзнических войск очень мало в Сибири; к началу октября было англичан — 2000, итальянцев — 500, французов — 1000 человек с генералом Жанэн во главе; у японцев — один жандармский дивизион, один кавалерийский и три пехотных полка. Японцы высадились во Владивостоке и пошли на запад, высылая вперед жандармов, учреждавших комендантуры и печатавших расплывчатые воззвания. Заявляют, что дойдут до Читы, где будут зимовать.

Теперь ждут прибытия 10.000 американцев.

Отношение к добровольцам на востоке России таково:

1. Атаман Дутов сказал Гришину — «пусть только придет Добровольческая Армия, и для меня Уфа не будет существовать».

2. На Урале — для казачьих низов, Добровольческая Армия — святыня. Правительство же социалистическое холодно сказало: «будем рады, когда

Добровольческая Армия придет». Атамана у уральцев нет.

3. Из Гурьева Гришин поехал в Петровск — сатрапию Лазаря Бичерахова (осетин, православный, действовал в Персии с партизанским отрядом, хорош с англичанами). Командует Кавказской армией в 7000 штыков; штаб в Петровске. Флаг — наш национальный, красным вверх. Денег масса — вывез 120 миллионов из Баку; оружия и патронов мало — англичане не дают, говоря, чтобы перешел к ним на помощь в Туркестан.

Бичерахов заявил, что политики не знает, в гражданской войне участия не принимает, борется только с турками; блокируется, когда надо, с большевиками.

4. В Туркестане — англичане, оккупировавшие Красноводск, Мерв, Асхабад, Мугань. Командует Стокс — руссофоб, относится к русским, как к туземцам Индии.

5. В Темир-Хан-Шуре — Закаспийско-Кавказское Краевое Правительство с полковником кн. Тарховским во главе. Об'явил себя диктатором Туркестана. Бессилен, ничтожен, к добровольцам благоволит.

6. На Тереке — Георгий Бичерахов (брат Лазаря) председатель Терской республики. Во главе местного рабочего и крестьянского Совета — офицер Саул Букановский. Совет значительно правее Правительства — (в России все возможно). В Терской области в военном и гражданском деле — кошмар. Во главе вооруженных сил был генерал Мистулов — застрелился. Бичерахов заявил, что против прихода добровольцев протестовать не будет. По мнению Гришина — Терская область должна быть базою для добровольцев.

2 декабря. Понедельник.

В заседании Ясской делегации В. А. Степанов (член Государственной Думы, к. д., товарищ министра Торговли и Промышленности Временного Правительства) сообщает о положении вещей у Деникина.

Морально армия изолирована. Несколько человек Членов Учредительного Собрания, собралось в Екатеринодаре и подняло шум в «Сыне Отечества» и «Родной Земле», поддерживая слухи о якобы социалистическом настроении в армии, пропагандируя идею Учредительного Собрания, что сильно вредит делу создания армии. Уфимская Директория тоже агитирует, требуя подчинения ей Добровольческой Армии. Когда в Екатеринодаре узнали, что Директория до первого января ни пред кем не ответственна, а потом складывает власть перед Черновским Учредительным Собранием, сразу всеми разумными элементами было решено не признавать Уфимской Директории всероссийскою властью.

Добровольческая Армия безусловно терпима к инакомыслящим. В Екатеринодаре издаются газеты всех направлений и одна лишь среди них — газета В. В. Шульгина поддерживает армию. Много шума наделало закрытие «Сына Отечества» и арест ее редактора с.-р. Г. П. Шрейдера. А между тем он был арестован в целях личной безопасности, так как ему угрожала расправа офицеров за то, что будучи городским головою Петрограда во время корниловской истории, он провел в Городской Думе резолюцию против Корнилова. Шрейдер просидел лишь несколько дней под арестом до приезда Деникина.

В полном распоряжении у Добрармии только Ставропольская губерния и Черноморская область. На Кубани две власти — Добрармии и Кубанцев; соглашение между ними не налаживается. Крымское Правительство в полном контакте с Добрармиею, но демократия дум и земства в Крыму протестует против поползновений Деникина на устройство набора в Крыму. На этой почве вышли недоразумения. Представитель Деникина распубликовал в Крыму о призыве, по приказанию Деникина; а Крымское Правительство в свою очередь, расклеило об'явление, что призыв Деникина имеет лишь моральное, а не обязательное значение. Никто, разумеется, не явился (Крымское Правительство состоит, главным образом, из кадетов).

Союзники и Дон относятся скептически к ген. Краснову. Французский военный агент на Кубани И. Н. Эрлих заявил, что союзники дали ему полномочие содействовать падению Краснова. К Скоропадскому добровольцы относятся также отрицательно.

О дальнейших планах Деникина трудно говорить теперь; ясно одно: надо сохранить Кавказ, как базу, тем более, что казаки не собираются выходить за пределы своей территории и в Россию придется продвигаться путем набора. Среди добровольцев сейчас много большевиков; например, Преображенская рота вся целиком из большевиков; все это прекрасные солдаты.

П. Н. Милюков передает со слов английского генерала Балларда, что союзники решили распределить между собою сферу влияния на юге: Кавказ и Закавказье остается за англичанами, Крым и Юго-Запад — за французами. В Одессу идут три французских

дивизии, две итальянские и одна греческая; придут они морем в конце недели. На днях представители генерала Бертело будут у Деникина, чтобы сговориться о военных планах. Для целесообразности нашей дальнейшей работы нужно установить тесный контакт между Ясской делегацией и Добрармиею, затем нужно задержать от'езд Сазонова за-границу, так как сюда скоро приезжают представители союзников.

По мнению Н. В. Савича еще лучше, было бы вызвать в Одессу Деникина и Сазонова одновременно с приездом сюда генерала Бертело и совместно выработать общий план действий. Отсутствие непосредственной заинтересованности Добрармии в помощи французов (на Кубани, где стоит Добрармия, помогают англичане) чревато большими осложнениями.

Степанов добавляет сообщение любопытным эпизодом. Когда на прошлой неделе союзная эскадра подходила к Севастополю, то к флагманскому кораблю под'ехал катер с членами Севастопольской Городской Управы и гласными городской Думы с русским трехцветным флагом на корме, но перевернутым так, что красная полоса очутилась наверху. Адмирал не разрешил спустить трапа, пока флаг не был восстановлен в первоначальном виде.

Эскадра эта, согласно обещанию, данному нам союзниками в Яссах, подняла, подойдя к Севастополю, Андреевский флаг, но увидя лишь суда Тихменевского отряда, считавшегося большевистским, спустила Андреевский флаг и подняла английский. Протестовать против этого было некому, так как назначенный к тому времени Деникиным командующим Черноморскою эскадрою адмирал В. А. Канин,

счел назначение это недостаточным и запросил телеграммами Краснова и Крымское Правительство, признают ли его командующим также и они.

По сообщению Кровопускова, французский адмирал Амэт приказал, чтобы все суда, участвовавшие в большевистском движении, а также те, что были впоследствии вооружены немцами при оккупации Крыма, были уведены в Измидский залив, в Мраморном море.

В дневном заседании Ясской делегации Демченко приносит сведение, что немцы в Киеве отказываются признать полномочия консула Энно и потому не исполняют его требований. Это сильно ухудшает положение Киева, и Энно остается только продолжать стращать немцев угрозами. С другой стороны, барон сообщает, что добровольческие офицеры заранее отказываются драться с петлюровцами: борьба с ними означала бы де признание Гетманской власти, так как пока еще эта власть не заменена на Юго-Западе России никакой другой и петлюровцы борются именно с нею. Вызывающее поведение этих офицеров возбуждает против них население; все уверены, что эти офицеры и немногие солдаты, что с ними, пустое место и вся надежда одесситов на союзников. О Добровольческой Армии в населении самое смутное представление; ее представители в Одессе ничего не делают для ее популяризации или просто для осведомления о ней. С другой стороны, из беседы с офицерами Добрармии выясняется, насколько тяжело их положение; жалованье получают они грошевое — не хватает на личное прокормление, а у многих жена и дети. Твердой власти на месте нет; сохранить дисциплину крайне трудно; добиться чего-нибудь у местного инертного

начальства — тоже сидящего без денег — совершенно невозможно.

Гетманом сменен генерал Стелицкий, б. командир Украинского корпуса, и на его место назначен ген. майор Бискупский (известный петроградцам, как муж Н. Д. Вяльцевой).

Савич сообщает, что адмирал Канин окончательно принял на себя командование флотом.

Смущает полученная от Деникина телеграмма о назначении адмирала Шрамченко для заведывания транспортами: Шрамченко, сидя в Екатеринодаре, будет распределять транспорты, идущие из Одессы; не проще ли назначить кого-либо из адмиралов, живущих в Одессе, — их здесь десяток, по крайней мере?

Я указываю на необходимость прислать сюда и вообще повсюду, где ожидается десант союзников, представителей Добрармии в высоком чине или во всяком случае, с известным боевым именем, чтобы импонировать союзникам, иначе не миновать крупных неприятностей.

По словам Демченко, представителем Добрармии в Одессе, является вице-адмирал Ненюков, человек мягкий, вялый, малоавторитетный; правда, он много сделал при немецкой оккупации для сохранения ядра Добровольческой Армии и все, что в Одессе от этой армии имеется — все это создано им; но авторитет его в Екатеринодаре невелик. Другой представитель Добрармии — генерал Леонтович стоит во главе офицерского клуба в Одессе; клуб этот игорный, со скверною репутацией.

Кривошеин и Савич присоединяются к моему предложению просить Деникина назначить авторитетного представителя в Одессе, которое и принимается.

Петлюровцы продвигаются вперед. Восстания крестьян, по мере продвижения петлюровцев — вспыхивают повсеместно. Кольцо восстаний стягивается вокруг Одессы.

Пришли польские отряды; заявили, что подчиняются только французам; Добрармии знать не хотят; а французов еще нет.

Наша парижская делегация садится сегодня в 9 часов вечера на пароход, который отходит завтра утром.

3 декабря. Вторник.

Утреннее заседание Ясской делегации.

Граф П. М. Толстой требует изменения представительства в Ясской делегации на паритетном начале, а также перехода к работам исполнительного характера; П. Фундаминский — полного ее упразднения и создания нового органа путем соглашения между С. Г. О. Р., Союзом Возрождения и Национальным Центром. Савич и Кривошеин протестуют против посягательства на Ясскую делегацию. Решено пополнить ее новыми членами по соглашению с центрами составляющих ее групп.

А. В. Кривошеин смотрит на сидящих против него: гр. П. М. Толстого, А. А. Титова и П. П. Фундаминского и спрашивает: «скажите, г. г. социалисты, каков ценз для вступления в социалистическую партию?.. Я вот смотрю на вас троих и думаю — вот вы все трое миллионеры, а считаете себя представителями пролетариата; а я — санкюлот и считаюсь буржуем».

Сведения из Юзовского и Харьковского района самые неутешительные; большевики предают все

огню и мечу, и юг остается без руды и угля. Демченко предлагает обратиться к Краснову с просьбой послать туда войска. Барон уверен, что Красновские казаки либо не пойдут, либо сами будут грабить не хуже большевиков.

Дело градоначальника Мустафина снова всплывает. Градоначальник этот, поставленный Гетманом, не угодил городскому управлению и рабочим. Месяц тому назад, по распоряжению Е. Рейнбота, министра Внутренних Дел у Скоропадского (после присяжного поверенного П. А. Кистяковского), было арестовано несколько десятков гласных Одесской Думы после повальных обысков. Я был тогда в Киеве и, получив телеграмму от М. В. Брайкевича (председателя Одесского Военно-Промышленного Комитета) об его задержании, счел своим долгом, в качестве председателя Ц. В.-П. К-та, пойти хлопотать за коллег к Рейнботу (б. председателю Петроградского Окружного Суда, товарищу моему по Ришельевской гимназии в Одессе). Когда я выразил свое недоумение по поводу массового ареста гласных Думы, Рейнбот показал мне полученную им, кажется, от Мустафина телеграмму, в которой указывалось, что среди предметов, найденных при обысках у задержанных гласных, значатся и такие, как ручные гранаты, динамит, не говоря уже о большом количестве оружия. Я обратил внимание на то, что среди гласных имеются и большевики и левые с.-р., но ведь не все гласные принадлежат к этим партиям. Брайкевич, как и большинство гласных, был скоро выпущен на свободу. С другой стороны, тот же Мустафин арестовывал и рабочих для прекращения митинго-забастовочного движения; жены этих рабочих жаловались на плохое обраще-

ние с их мужьями в полицейских участках, которые никогда в Одессе особым доверием населения не пользовались. Факты появления на свободе заведомых налетчиков-грабителей вскоре после их ареста — всем известны; известна и такса за их освобождение — от трех до пяти тысяч. Одесса стонет под гнетом анархо-террористов, налетчиков и шантажистов. Отрезанная от Гетмана в Киеве, одесская администрация является как бы самодовлеющей — некому ее контролировать, некому смещать. Новый командующий армией ген. м. Бискупский, уступая пред растущей непопулярностью Мустафина, предложил этому последнему уйти в отставку, на что последовало было согласие; и вот сегодня, по чьему то настоянию Мустафин опять заявляет, что остается у власти, несмотря на резкую оппозицию Энно, поддерживающего враждебных Мустафину представителей города.

Решаем послать А. В. Кривошеина и А. И. Пильца к Мустафину «убедить» его не возвращаться к должности.

Посылаем телеграмму Деникину о необходимости его приезда в Одессу.

Вечером я приглашен на квартиру гр. П. П. Капниста на совещание. По разговорам заключаю, что присутствующие (Кривошеин, бар. Меллер-Закомельский, Савич, Пильц, Демченко, ф.-Дитмар) уже собирались без меня для беседы о необходимости и о способе организации власти на Юго-Западе. Инициатором совещания является А. В. Кривошеин, поселившийся на квартире у гр. Капниста. Все признают необходимость организации правительства на пустом месте, создавшемся на Юге: Гетман отрезан петлюровцами от Юга, на месте лишь власти второго

разряда, добровольцы здесь фикция, да и что они вообще из себя представляют — никому неизвестно; разговор не клеется, ни у кого нет определенного плана; решаем собраться на следующий день.

М. В. Брайкевич и П. П. Фундаминский уехали на с'езд городов и земств Юга России, созванный В. В. Рудневым и А. А. Титовым в Симферополе. Брайкевич предлагает и мне ехать. Я указываю ему на то, что с'едутся, вероятно, представители одних социалистических партий, да и то из двух-трех городов, не более; что несоциалистические гласные земств и городов, как дореволюционного так и послереволюционного периода, об'единены в городской и земской группе Совета Государственного Об'единения России; что в интересах правильной и целесообразной организации демократии — образование отдельных земско-городских групп социалистической и несоциалистической, органы которых сговорятся затем об общем плане действий земско-городской демократии; поездка же его, Брайкевича, к.-д., который будет, вероятно, единственным несоциалистом на с'езде, даст возможность организаторам этого с'езда назвать с'езд «демократическим» и его чисто социалистические требования противопоставлять под флагом единственно «демократических» требованиям несоциалистической демократии, как «реакционным». Брайкевич уперся на своем и поехал.

4 декабря. Среда.

Победа: Мустафин согласился не возвращаться к должности градоначальника!

В Одессе еще есть несколько полков немцев; пошли вчера по приказанию Бискупского на ст. Раз-

дельная и продвинулись дальше на Бирзулу; было условлено, что по мере продвижения немцев и отступления петлюровцев, добровольцы будут занимать железно-дорожные станции. Добровольцы заявили, что они решили соблюдать нейтралитет в борьбе с петлюровцами и категорически отказались занимать очищаемые немцами станции. Устроили частное совещание с немцами; здешние немцы согласились выработать общий план с немцами в Киеве для одновременного выступления немецких отрядов из Киева и Одессы для очистки железнодорожного пути от петлюровцев.

Днем опять совещание об организации власти у гр. П. П. Каннста. Ставлю вопрос о соглашении с социалистами. Савич разражается филиппикою против социалистов; гр. П. М. Толстой и другие социалисты не пойдут на чисто буржуазное правительство, а соглашаться с ними, если они потребуют коалиционного министерства, — нельзя. С.-д. еще туда сюда — они все же имеют законное место в государстве, как естественные представители рабочих; а вот «этих проклятых с.-р., стоящих вечно по пути всякому разумному плану организации правительственной власти, их надо сломать через колено». С.-р. нет в Европе, это чисто российское изобретение — наследие Пугачевщины; в борьбе с большевиками с.-р. всегда будут мешать. Шрейдер боролся с Деникиным, Руднев также борется с Деникиным, и всегда и тот и другой будут бороться с армией. Регулярная армия совместима с с.-д., но никогда с с.-р. — «Вот почему я противлюсь компромиссу с ними». — Ясно, что на Украйне нужно создать новое правительство. С Гетманом Скоропадским нужно расстаться, он слаб — за ним никого и

ничего нет; но звание Гетмана, как главы правительства, надо сохранить для поддержания традиции власти, хотя бы и новой еще. Деникин, судя по сообщениям Степанова — тот же Скоропадский: слабый, нерешительный человек, без административных способностей. У Деникина явно идет к развалу власти — все газеты в Екатеринодаре этим занимаются. Вот почему и его нельзя поставить во главе власти; и еще менее он будет приемлемым, если уступит требованиям социалистов и согласится на Директорию. «Нам нужен вел. кн. Николай Николаевич; Деникин и Болдырев ему подчинятся»; если же почему либо Николай Николаевич не пройдет, то нужно требовать немедленно приезда Деникина сюда; он должен взяться здесь за мобилизацию армии, должен помириться с Красновым, который и без него справится с стратегическими задачами Юго-Востока. Ведь Краснов — первоклассный организатор, много выше Деникина по способностям — таков отзыв всех знающих обоих; непопулярным делает Краснова социалистическая пресса, так как он открыто борется с социалистами. Если Деникин здесь не захочет остаться, то нужно будет создать правительство, взяв в него военного министра, приемлемого для Деникина; если же Деникин останется здесь, то можно будет его признать гетманом для сохранения этой формы власти, приобревшей уже некоторую популярность на Юге, но сохранить за Гетманом лишь главное командование войсками без гражданских функций.

А. В. Кривошеин тоже против соглашения с социалистами. «Нам с социалистами не по пути; социализм есть, но социалистов еще никогда не было и не будет, так как осуществить социализм никто

никогда не сумеет». Лучше совсем отойти в сторону, чем идти с ними на компромисс после опыта Временного Правительства. Наша задача не создавать нечто новое, а примирить все провинциальные притязания; нужно сберечь существующие правительства: Краснова, Гетмана, Крымское, примирить их между собою и создать из их представителей Совет Государственного Об'единения подле Деникина.

Обсуждение вопроса о власти расползается и — никакого решения; переходим к вопросу об участии социалистов в Ясской делегации.

Барон Меллер-Закомельский считает вредным дальнейшее участие социалистов в Ясской делегации; они узнают там о наших планах и намерениях, и Бог весть, к кому потом эти сведения попадут. Приходится при них многого не говорить.

Кривошеин предлагает говорить при них только о французском десанте, а ф. Дитмар — просто соорганизовать отдельные совещания буржуазной группы.

Беседа обрывается и на эту тему; видя, что ничего путного не вырисовывается, я предлагаю, не предрешая сейчас вопроса об организации власти, устроить совещание по обороне при генерале Бискупском; это совещание, в зависимости от обстоятельств, и будет укреплять свое положение и влияние. Предложение принимается.

Генерал Бискупский докладывает о перехваченной телеграмме: Петлюра взял Ананьев, решил идти на Бирзулу для диверсии, удар же нанести на Вознесенск и Одессу для того, чтобы поставить французский десант перед совершившимся фактом. Когда Бискупский сообщил об этом французскому адмиралу, тот ответил, что французы драться не будут. Са-

вич замечает: при прибытии французской эскадры в Севастополь, матросы не хотели высаживаться из боязни стычек с большевиками.

Генерал Раух был на «Мирабо» — матросы мерзнут, для них, нужна теплая одежда, на тысячу человек. Для десанта же нужны здесь казармы на 10.000 человек; для приведения их в порядок потребуется семь недель времени и 5 миллионов рублей. На 4000 человек помещений есть сейчас. Хлеба, овса и мяса пока в Одессе достаточно. По данным сводки: в Вознесенском районе петлюровцев 1500 человек с орудиями, в Бирзуле 2000 человек с орудиями; против первых у нас 45 человек, а против вторых — 500 и притом крайне деморализованных. У поляков несколько тысяч человек, но драться они не хотят. Немцы же определенно помогают петлюровцам. В Ананьеве местные петлюровцы хотели захватить в местном казначействе 17 миллионов, но их уже успели вывезти. В Ананьеве при известии о приближении петлюровцев, наш генерал, командующий местным гарнизоном, удрал поездом, бросив все на произвол судьбы. Из трех, стоящих в Одессе сечевых сотен, первая — чистейшие самостийники, ее надо разоружить, но как это сделать? Вообще в дальнейшем необходимо создать классовую антибольшевистскую армию, и вряд ли раньше, как через 10 лет можно будет вернуться ко всенародной армии. Он, Бискупский, три месяца тому назад подал Гетману проект классовой армии; Правительство приняло его, а Генеральный Штаб провалил; согласились в конце концов на компромисс: сделать общий призыв, но из 220 тысяч человек, которые будут призваны, взять лишь 70.000. Немцы одобрили этот план.

Киев еще тверд, но положение его тяжелое; просит помощи, а отсюда можно послать человек с т о, не больше. Бискупский хотел было взять Вознесенск, из-за находящихся там больших артиллерийских складов, но немцы в Вознесенске воспротивились, заявив, что это «нарушение нейтралитета». У немцев было полторы роты, у Бискупского 80 человек и он не мог взять этих крайне важных для нас складов. Необходимо просить помощи у румын, обещая им все, что они захотят, если только согласятся сейчас же идти на Киев. Бывший в Яссах б. начальник конвоя его величества кн. Ю. П. Трубецкой передавал ему, что румыны совсем уже готовы были идти, но «общественные деятели» де помешали. В ближайшие 10 дней еще можно кое-что сделать для спасения Одессы — потом будет поздно.

А что сделать?

ГЛАВА IV

ПЕТЛЮРОВЦЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ

Настроения в Одессе в ожидании прихода Петлюровцев. — Доклады ген. Бискупского. — Одесская Городская Дума. — Волнения среди французских матросов. — Завтраки у ген. Гришина-Алмазова. — Переговоры между петлюровцами и консулом Энно. — Позиция поляков и немцев в Одессе.

5 декабря. Четверг.

Совещание Бюро С. Г. О. Р. Барон, поддержанный другими, предлагает мне ехать в Букарест для переговоров с генералом Бертело об ускорении присылки десанта в Одессу, в виду почти полной безнадежности положения. Я отказываюсь, мотивируя тем, что один мало что могу сделать. В сущности не хочу отлучиться на долгий срок (дней 10 из Одессы), так как хаос здесь полный и работа моя по об'единению усилий военной власти и С. Г. О. Р. нужнее.

Бискупский делает доклад о положении Херсона и Николаева. Та же безнадежность, что и повсюду на Юге: Добровольческая Армия ничего не хочет делать, Гетманских войск — никаких, послать туда из Одессы некого; окрестное крестьянство охотно присоединяется к петлюровским бандам на предмет

грабежа. Одни немцы могут задержать наступление петлюровцев и поддержать полный порядок в городах, хотя повсюду уже организованы советы немецких солдатских депутатов; советы эти в наилучших отношениях с офицерами, поддерживают дисциплину. Но в Николаеве скопилось много немецких отрядов, прошедших из Крыма и Харьковского района и требующих погрузки их на суда для возвращения на родину. Нет власти, которая могла бы удержать хоть часть их для ликвидации Петлюровщины. (А я настаивал в Яссах на пред'явлении требования послам вызвать немецкое обер-командование из Киева в Яссы и об'явить его ответственным за охранение Киева и других больших городов Юга; в случае отказа арестовать его в Яссах; совещание не нашло в себе достаточно энергии просить об этом).

Днем Энно рассказывает мне, что завтракал с гласными Одесской Думы Ярошевичем и Кондратьевым, которые убеждали его содействовать открытию закрытой Е. Рейнботом Одесской Городской Думы. Энно спрашивает моего совета; говорю: состав Городской Думы самый дикий; одиннадцать политических партий и ни одного решительного человека, большинство — социалистическое с явным уклоном к большевизму; будет форменная ерунда, а не Дума; но раз новой Думы нельзя создать из-за отсутствия власти, которая могла бы об'явить выборы и новый выборный закон, да и вообще в виду отсутствия какой-бы то ни было власти, следует созвать Городскую Думу в ее теперешнем составе; когда же создастся какая-нибудь приемлемая власть — можно будет созвать и новую. Энно соглашается. Дума соберется явочным порядком, так

как и созывать ее некому — и препятствовать ее работе никто до поры до времени не будет.

Часа в три собираемся с ближайшими сотрудниками в Одесском Военно-Промышленном Комитете для открытия действия Центрального Военно-Промышленного Комитета. Перспективы для работы велики, так как ни Добровольческая, ни б. Гетманская армии не имеют самого необходимого; наладить же производство необходимых предметов снабжения при наших связях и опыте — не трудно. Но найдется ли у добровольцев работоспособный орган для дачи нам заданий?

Среди французских матросов началась большевистская пропаганда. Пользуясь тем, что матросы разгуливают по городу группами без офицеров, агитаторы знакомятся с ними, зазывают в трактиры и кофейни. Матросы пока еще добросовестно передают начальству полученные прокламации. Напечатаны они в типографии, написаны понятным, хотя и плохим французским языком. Аргументация проста и убедительна: не вмешивайтесь в чуждый вам спор; что бы вы сказали, если бы русские или кто другой приехал во Францию помогать вашей буржуазии бороться с Вами? Вспомните вашу великую революцию и т. д.

Я сегодня говорил с одним матросом; убеждал его, что война еще продолжается, что здесь он не на гражданском, а на немецком фронте, так как петлюровщина поднята немцами, что и большевизм удержался, благодаря их поддержке в первые месяцы. Слушал недоверчиво, поддакивал из любезности, но сочувствовал не мне. Тогда напоминаю ему, что в России 17 миллиардов, принадлежащих французам; без победы над большевизмом, никогда

Франции их не видеть. — «Ну, что касается этих 17 миллиардов, отвечает мне матрос, то из них мне принадлежит лишь 300 франков, я их жертвую» (и при этом широкий жест в сторону города).

Вечером в б. русском театре, что на Греческой улице, концерт в пользу Общества для борьбы с анархией. Во время исполнения военным оркестром марша Добровольческой Армии — оглушительный шум взрыва. Возникшая было паника быстро утихает — бомба была брошена на улице перед самым театром: ответ анархистов на спектакль в пользу О—ва борьбы с анархией. Говорю Наталье Сергеевне Брасовой, которая также в театре: «Пора уезжать». «Да, отвечает, единственную реальную силу в Европе, Германию, свели на нет — никому теперь не сдобровать». Рассказывает, что на днях с подругою, кн. Вяземскою, была на английском миноносце. Приняли их с очаровательною любезностью и, придя на следующий день с ответным визитом, английские офицеры принесли дамам сигнальные ракеты; об'яснили значение ракет разного цвета. «А вот эту, сказал один офицер, Вы будете пускать, когда будет совсем плохо». «Например?» спросила кн. Вяземская. «Когда Вы будете наполовину мертвая» — был ответ. При этом офицеры полезли с кн. Вяземской на чердак Лондонской гостиницы, что ы выбрать окно, с которого она должна будет пускать ракеты, когда будет «наполовину мертвая».

6 декабря. Пятница.

С Киевом трудно сговориться по радио — в Одессе станция в руках французов, в Киеве — немцев. Тем не менее сведения проникают. Киев продол-

жает держаться. Военных сил в нем мало, хотя офицерских организаций хоть отбавляй; только ленивый не достает откуда то фондов и не вербует для кого то офицеров. У самого Гетмана — меньше всего войска; реальная сила, конечно, немцы. Как не скептически относятся одесситы к «прокламациям» Энно, пугающего немцев союзническим возмездием, они все же имеют сдерживающее значение, так как немцы не могут определить реального значения этих угроз. Правда, благодаря оттяжке петлюровцев от Киева, увеличивается опасность для Одессы, но ведь десант не сегодня, завтра начнется. Одесский скептицизм — болезнь глубокая, неизлечимая. Как то говорю я председателю Одесского О-ва фабрикантов и заводчиков С. И. Соколовскому, смеющемуся над нашим «провалом» в Яссах. «Ведь мы вызвали интервенцию». — «Где она?» «А разве вы не видели итальянской миноноски в порту?» «Такой крошечный миноносец — отделяет указательным пальцем правой руки последнюю фалангу указательного пальца на левой — и это интервенция!» И каждый день толпятся мои земляки в конце Николаевского бульвара перед порталом Городской Думы, ожидая транспортов с войсками; вид франко-итальянской эскадры, грозно направляющей свои пушки на город, мало их успокаивает: ведь из пушек расстреляют наши дома, наше добро, нас самих, — а большевикам на это наплевать.

В низах населения полное равнодушие к приходу петлюровцев; в городе среди прислуги, мелких служащих и торговцев, после численно преобладающих евреев, большинство малороссы. Правда, националистического чувства в их среде нет и в помине, но естественно, что приход «хохлов» их ни в какой мере

не смущает. Большевиков, после шестинедельного их хозяйничания в начале года боятся, но что такое петлюровцы — понимают слабо; местных петлюровцев совсем не чувствуем, но глухое наростание большевизма — чувствуется с каждым днем отчетливее. Немцы ведут какую-то подпольную работу — это несомненно; повидимому они снабжают большевиков оружием, до сих пор у них неотнятым, пулеметами и даже пушками, как говорят в осведомленных кругах. Разоружить их некому — войск у генерала Бискупского, считая и добровольцев, тысячи две, а немцев — тысяч 5—6. Просим генерала Рауха передать немецкому обер-командованию, что лишим немцев продовольствия, если не прекратится их подпольная работа — сознаем, что угроза пустая.

К Бискупскому обратились члены Одесской Городской Управы двух последних выборов — требовали скорейшего созыва Городской Думы, роспущенной Гетманом в ноябре. Обещано на 10—12 декабря.

Приехал из Ясс В. В. Шульгин. Он оправился от болезни и тяжелой утраты, понесенной им в лице его постоянной спутницы, секретарши и переписчицы, заболевшей воспалением легких на ужасном пути от Екатеринодара до Ясс и умершей в чуждых Яссах. Бледен, худ; из высоких воротничков с отогнутым большим треугольником, тоскливо вытягивается худая длинная шея; маленькая голова, темные глаза, плоский — в части, что над губою — нос. Последний раз видел его на Московском Государственном Совещании, более года назад. Из многих десятков речей, там произнесенных, лучшей по форме, по манере говорить, по содержанию, по юмору — была его. Его крупная талантливость

(она ведь всегда связана с повышенной восприимчивостью) делает его политически неровным. Непонятно его участие в принятии от царя акта отречения. «Нарочно не брился, надел самый грязный пиджак, когда ехал к царю, чтобы резче подчеркнуть свое издевательство над ним», — говорила как то Н. С. Брасова, — «а ведь, как искренний монархист, не может не понять, что свержение монарха в известных условиях равносильно свержению монархии».

7 декабря. Суббота.

Из Киева трагические известия. Немцы открыли северную границу Украины; большевики ворвались и беспощадно режут население, расстреливают и грабят.

Барон и гр. Каннист едут на «Мирабо» передать наш привет французам.

Приглашен завтракать к Гришину-Алмазову. Завтракаем вчетвером с бароном и В. В. Шульгиным. Гришин, повидимому, нащупывает почву для решения вопроса, стоит ли ему бросить якорь в Одессе. До сих пор не удается узнать, кто он, собственно, такой. Только одного артиллерийского офицера встретил, вспомнившего, что в Михайловском Артиллерийском училище был юнкер Гришин, но не Алмазов. По возрасту, повидимому, это одно и то же лицо, сделавшееся Алмазовым, вероятно, по случаю министерского стажа в Сибири. Говорим о Деникине. Оба — Гришин-Алмазов и Шульгин сходятся на честности, прямоте, работоспособности, мужестве и простоте Деникина. Гришин-Алмазов замечает (я это слышал уже и от других генералов): «только уж

очень он копается в мелочах — делает сам всю ту работу, для которой у нас десятки штабных». — «И в гражданской работе, добавляет Шульгин, та же у него черта: добросовестно перечитывает всякую бумажку и кладет резолюции; времени на это уходит масса, так как в гражданском управлении он мало смыслит». (Такую же черту подчеркивал в характере покойного генерала Алексеева А. И. Гучков: «сидит в Ставке Верховного Главнокомандующего, где решаются важнейшие вопросы, будущее России и часами высчитывает, делая длинные выкладки, максимальную нагрузку пехотинца, кавалериста»). — Говорим об Энно, все сходимся на том, что надо его всячески подкреплять. Его минус — слишком агрессивная энергия М-me Энно: она не выходит из кабинета консула, какие бы вопросы там ни обсуждались и даже тогда, когда говорят по французски, а между тем обычное оправдание ее присутствия — незнание русского языка г-ном Энно. Не знаю, кто из них на кого повлиял, но Энно и его жена монархичны и империалистичны много выше средней меры.

Считаем безнадежным дело набора на Юго-Западе; говорю, что наша ближайшая задача создать наемную армию, хотя бы и с варяжским большинством...

Ничего не слышу в ответ.

Совещание по обороне (в Лондонской гостиннице, в номере кн. Ю. И. Трубецкого). Приехавший из Севастополя к. адм. Покровский сообщает об отказе Канина от звания командующего Черноморской эскадрой; правда, и эскадры нет, так как она уже интернирована в Мраморном море. Канин занят теперь выработкою положения об управлении портом, что крайне важно, так как в порту на верфях и в ма-

стерских работает несколько тысяч рабочих. К пропаганде русских большевиков присоединилась еще и пропаганда немецких. Если не будут даны средства для продолжения работ в порту — рабочих не удержать от большевизма. Среди морских офицеров нет единения; образовались три группы: Колчаковская, Деникинская и Украинская, враждующие между собой.

Генерал Бискупский докладывает, что сутки прошли спокойно. Из Херсона и Николаева требуют помощи. Особенно критическое положение в Николаеве, куда требуется полк. В Одессе сейчас грузятся для от'езда на родину полк сербов. Решили предложить по 1000 рублей каждому солдату, если согласятся завтра грузиться на Николаев и продержаться там 7 дней. В Одессе, по предположениям полиции и разведки, большевиков несколько десятков тысяч человек (?!). Петлюра обещает, что не тронет в Одессе ни людей, ни имущества, если ему сдадут город добровольно; предложение соблазнительное, но он не хозяин у себя и скоро будет захлестнут большевиками. Из Киева идут подкопы под Бискупского — он уже телеграфировал о своей готовности уйти с занимаемого им поста.

Виделся вечером со Степановым, уезжающим сегодня обратно в Новороссийск. Прошу поговорить с Лукомским о сотрудничестве Ц. В.-П. К-та, отделения которого в Ростове, Одессе, Херсоне, Николаеве еще могут работать. Говорю о необходимости осведомить Деникина о слабом авторитете Добрармии на Юге, о необходимости для него приехать сюда и серьезно сорганизовать здесь армию, если он хочет, чтобы притязания Екатеринодара на власть и на Юго-Западе представлялись бы чем либо

обоснованным. Говорю, что и Шульгин не считает необходимым скрывать от Деникина, что левые элементы Одессы требуют Директории, как и левые элементы Екатеринодара. «Пусть Деникин сам решает, пойдет ли он на Директорию или нет, — сказал нам Шульгин, — ведь, это в конце концов не столько принципиальный вопрос, сколько вопрос личный для Главнокомандующего». Деникин по своему демократическому, мало авторитарному характеру, согласится, пожалуй, на Директорию, если будет решать вопрос без советчиков. Степанов обещал все передать, — но ведь он один из советчиков, к тому же ка-детского толка, следовательно приверженец диктаторского символа веры «Национального Центра»!

8 декабря. Воскресенье.

Совещание у Энно: жена его, В. В. Шульгин и я. Сербы отказались идти в Николаев — в наказание приказали им немедленно очистить казармы и ждать в порту погрузки. Из Елисаветграда отчаянная телеграмма о помощи — вокруг города бродят крестьянские банды, грабящие и жгущие все, что попадается на пути. Спрашиваю у В. Шульгина, что из себя представляют Винниченко и Петлюра. «Винниченко — это мразь, моральное дно, способен на все, а Петлюра, — ну, этот много лучше, как бы вам сказать, ну, второе издание Керенского, что ли». Энно просил поддержать его в Бухаресте — решаем послать от С. Г. О. Р. письма Сэнт Олэру и генералу Бертело; составляю проекты, которые тут же одобряются. Бискупский телефонирует, что занята Раздельная, а вице-адмирал Ненюков, сообщает сведения о том, как она была взята: петлюровцы под-

ходили, добровольцы встретили их огнем, но немцы стали стрелять в тыл добровольцев; тогда те ушли, предоставив петлюровцам взять Раздельную. Любопытно, что при всех этих операциях у важнейшей южной станции не оказалось ни одного убитого и даже раненого. Шульгин мрачнее тучи; повидимому, только теперь реально чувствует возможность окончательной победы большевиков через голову петлюровцев.

В 11¼ приходят к Энно петлюровцы: Павловка — член Украинской национальной народной партии, и Любарский — член нац. Укр. демократической партии. Прежде чем их принять для переговоров, Энно говорит, что он согласился их принять для того, чтобы переговорами оттянуть взятие Одессы петлюровцами на несколько дней — авось подойдут десанты; что он думает послать с этими украинцами своего служащего, чеха Виктора Черкаля, в ставку Петлюры. Мы с Шульгиным одобряем. Энно принимает Украинцев и предлагает им остановить дальнейшее продвижение войска до получения ответа от Петлюры на посылаемые ему через Черкаля предложения; предложение это Павловкою и Любарским отвергается, так как они не имеют соответственных полномочий; надо де сперва с'ездить на Раздельную и там переговорить с военными начальниками. Предложение, которое везет Черкаль — предоставить союзникам мирно оккупировать Украину, как это было при австрийцах. Если мы стараемся выгадать время, то ясно, что и петлюровцы озабочены только тем, чтобы не упустить времени.

В 2¾ собираемся в номере Трубецкого. Барон неожиданно сообщает, что сегодня в 12 часов утра уехал пароход в Ялту с А. В. Кривошеиным, Сави-

чем, Демченко и Капнистом; что вопрос об от'езде в Ялту всего Бюро С. Г. О. Р. для продолжения работы там, в виду неизбежного взятия Одессы петлюровцами, был решен, когда стало известным, что взята Раздельная. Звали де вечером на совещание меня и Н. Ф. Дитмара, чтобы и нам сообщить об этом, но не дозвонились — барон решил ждать нас, почему и не уехал с другими.

На совещание по обороне приходят к. адм. Ненюков, к. адм. Покровский, ген. Раух, ген. Бискупский, б. тов. мин. Глинка, В. В. Шульгин, Энно.

Бискупский докладывает, что немцы согласились защищать Одессу. Энно не верит искренности немцев и предлагает ввести в каждую немецкую часть по французскому или польскому офицеру. Командир «Мирабо» получил приказ поставить в городе французского коменданта (до сих пор моряки держались на рейде, а в городе был один Энно) — в Лондонской гостинице, на Николаевском бульваре и завтра, по прибытии второго дредноута высадить на берег 300 матросов, которые будут поселены в доме Воронцова (в конце бульвара, противоположном Городской Думе). Далее из Ананьева ждут прихода тысячи волонтеров. Сербы ничего не хотят делать, поляки — слабы, добровольцы ни к чему не пригодны. Надежда только на немцев. Все это Бискупский докладывает спокойно, плавно, безукоризненно строя фразы, говоря свободно, словно заправский адвокат.

По сообщению Ненюкова рабочие, ожидая союзников в среду, готовятся устроить манифестацию, требуя созыва Городской Думы, уничтожения военной цензуры и свободы собраний. Ненюков полагает, что нужно рабочим предоставить манифестировать;

Бискупский против; Шульгин вяло соглашается с Ненюковым — лучше допустить, авось предупредим на несколько дней взрыв большевизма. Бискупский приказал разобрать рельсы на протяжении 20 верст, не доходя Раздельной.

Советуемся с бароном, ехать ли нам вслед за Кривошеиным и другими или нет. Барон того мнения, что раз большинство Бюро С. Г. О. Р. уехало, то нам вообще здесь делать нечего; кроме того накануне вечером в моем и Дитмара отсутствии было решено, что все уедут. Разумеется, имеет значение и наша позиция в Петлюровском вопросе — если мы попадем петлюровцам в руки, то нам, как руководителям антипетлюровской политики, пощады не будет.

Прошу английского офицера Н..., состоящего при кап. Рево, командире «Мирабо», узнать, можно ли нам в случае надобности рассчитывать на гостеприимство его. Н... напился, избил стеком часового у входа в гостиницу, поручения не исполнил, жалуется, что солдаты пьяны, шляются по городу с ручными гранатами за поясом — а пьян пока он один. Гр. Ланжерон утверждает, что десант придет 15-го, Энно не верит, точных сведений ни у кого нет.

Звонит Бискупский — говорит, что поставленный им в вестибюле Лондонской гостиницы караул — ненадежен; какой-то генерал послал за караульным офицером; тот отказался идти, заявив, что стоя на охране иностранного консула, он не обязан повиноваться всякому генералу. Энно ответил: «уберите караул, мне он не нужен». Жена Энно говорит: «в случае чего перейдем на «Мирабо». Энно отказывается.

Генерал Раух верит, что немцы будут защищать Одессу и что мы в полной безопасности, но... на всякий случай просит мест для семьи на пароходе, который я просил Директора Ропита (Рус. О-во Пар. и Торг.) в случае надобности отправить с нами в Крым.

Какие то фигуры шныряют по коридору гостиницы, в котором номер Коростовца (одесснт, бывший посол наш в Корее, сопровождавший Витте в Портсмут, назначенный Скоропадским Украинским послом в Константинополь); по словам М-me Энно, давно уже к нему ходят петлюровцы.

А в городе тревога растет не по дням, а по часам.

ГЛАВА V

ПРЕД ОТ'ЕЗДОМ В КРЫМ

Доклад полк. М. П. Новикова о Бертело и Франше д'Еспере. — Доклад ген. Гатиевского и ген. Эрдели. — Сведения о посланной из Ясс делегации. — Добровольцы накануне прихода петлюровцев. — Переговоры с союзниками о десанте. — Подготовка к от'езду в Крым. — «Лондонская» гостинница. — Накануне ожидаемого прихода петлюровцев.

9 декабря. Понедельник.

Из Константинополя на миноносце приехал полковник М. П. Новиков, бывший с нами в Яссах и посланный нами с генералом Гатиевским к Франше д'Эспере. Два дня назад, 7-го, адм. Сеймур сообщил Новикову в Константинополе, перед самым его от'ездом (на миноносце), что 7-го же дан приказ в Салоники сажать на суда одну французскую дивизию, которая стоит сейчас вне Салоник; значит она придет в Одессу дней через 10.

Русский консул в Салониках получил телеграмму из Вашингтона, что власть в Омске захвачена Колчаком, разогнавшим Уфимскую Директорию. Кадетам, исповедующим теперь диктатуру, остается, конечно, только благодарить Колчака за то, что испра-

вил сделанную ими летом ошибку, когда они согласились в Москве с Союзом Возрождения на создание Директории.

Совещание у Трубецкого. 16 миллионов из Ананьева благополучно пришли в Одессу. Я предлагаю перенести средства Государственного Казначейства (около 500 миллионов) на «Мирабо». Бискупский согласился. Решено просить ф.-Дитмара, как члена Совета Государственного Банка, принять меры, так как распорядиться о деньгах некому — ближайшее начальство (?) в Екатеринодаре. В Киеве, по словам Рауха, перехвачен приказ Петлюры брать из банков при взятии городов 50% содержимого. На станции Долинской получен ультиматум, подписанный атаманом Григорьевым городу Николаеву: передать все оружие, имеющееся в городе, Городской Управе в 18 часовый срок, выпустить всех арестованных из тюрем; добровольцам уйти из города, а делегации от всех демократических организаций ждать на ст. Долинской; на все это дается 48 часов. На этот ультиматум Бискупский ответил приказом разрушить железнодорожный путь между Долинской и Николаевым; просил командующего союзническими миноносками взять с берега на борт тяжелую артиллерию, на что последовало согласие; уведомил Григорьева, что дает ему 6 часов на размышление — дальнейшие военные действия петлюровцев будут сочтены военными действиями против союзников (а ведь Григорьев действует независимо от Петлюры). С Долинской телеграфируют в Николаев: Гетман пал, у республиканских войск много кавалерии, предлагается созвать немедленно демократическую Думу, разоружить самооборону и офицеров, которые должны немедленно сесть на

суда и ехать в Одессу. Немецкий отряд, посланный на Долинскую из Николаева, разоружен повстанцами. Немцы, конечно, разыгрывают комедию, продают повстанцам и населению оружие, поддерживают большевиков. В Одессе на двух заводах собрали до 2000 рабочих, предлагали им вооруженное выступление, рабочие отказались.

Адмирал Покровский сообщает, что портовые рабочие, узнав, что топливо на исходе и поэтому надо срочно послать за ним транспорты, потребовали прибавки, угрожая забастовкой.

Пришел слепой присяжный поверенный с.-р. Кулябко-Корецкий с угрозою, что если к трем часам не будет положительного ответа о созыве Городской Думы, то будут приняты крайние меры. Бискупский ответил, что не в его полномочиях решать этот вопрос, но, что у него есть три отряда, рвущихся в бой, он не будет их удерживать. (Если бы такой же азарт он проявил против петлюровцев!)

В 2 часа поляки пришли на ст. Выгоду, после того, как вчера «партизаны смерти» (как страшно!) совещались от 2 до 8 часов, выступать или нет. Ночью был случай ограбления обывательских фургонов польскими офицерами.

Генерал Леонтович отдал под суд добровольцев, бежавших без боя со ст. Раздельной; а на Бискупского послано донесение Деникину, что он проповедует самостийность (меня все продолжает беспокоить спокойствие Бискупского, которому мог бы позавидовать Сократ, когда, окруженный друзьями, принимал смертельную порцию цикуты). И последняя новость — немцы требуют письменной гарантии союзников в том, что, если город будет охранен немцами, то им гарантируют перевод, накануне при-

бытия французского десанта в колонию Лустдорф (в 12 верстах от Одессы, на берегу моря), где они и останутся до восстановления железнодорожного сообщения, когда свободно будут выпущены за-границу. Хорошо было бы. Да кто эти союзники, которые могут дать гарантию — Энно с капитаном дредноута Рево?

Вечером в Ясской делегации слушаем доклад генерала Галиевского о теперешнем составе большевистской армии по данным русской и союзнической контр-разведок, и дополнительные данныя, сообщаемые генералом Эрдели. На первое ноября с. г. у большевиков считают около 450 тысяч штыков, при 1000 орудиях и 28 тысячах конницы. Северным фронтом, от Петрограда до Перми командует генерал Парский (ген. штаба); восточным — от Перми до Волги — полковник Каменев (ген. штаба); Южным (против Харькова) до Кубани — ген. штаба арт. генерал Сытин; западным — по Днепру до Пскова — ген. штаба генерал Снесарев. Главнокомандующий Вацетис (полковник генерального штаба, латыш). В составе армий около 20 дивизий организованных — остальные без строгой организации; войска начинают приобретать строевой облик. Дисциплину поддерживают зверскими мерами. Устав Внутренней Службы и Дисциплинарный — прежние. Комитеты почти упразднены; в ротах ими сохранены полномочия только по вопросам продовольствия; избрание командного состава тоже понемного исчезает. Общее мнение — с этой армией придется больше считаться, чем это было принято до сих пор. Техническое снабжение слабо, военные заводы работают мало. Главный источник снабжения — немцы.

Доклад полковника Новикова. Генерал Бертело, которого он с генералом Галиевским застали в Журжево, заявил, что полномочие на интервенцию он получил, но сейчас у него нет свободных войск; предложил с'ездить переговорить с Франше д'Эспере в Салониках. Поехали туда. Не застали Франше. Его начальник штаба генерал Шарпи сообщил, что франко-английская эскадра отправлена в Севастополь, одно судно в Одессу и что по его инициативе 3 декабря будет отправлена пехотная дивизия из Салоник. На следующий день — менее определенное сообщение: дивизия будет отправлена из Салоник, когда будут транспорты; еще через два дня Шарпи заявил, что ничего нельзя отправить без разрешения Парижа, что он дважды уже запросил Париж и ответа до сих пор нет; и только в Константинополе Новиков узнал от Сеймура, что дивизия отправлена. Надеется, что через неделю она будет здесь, так как для нагрузки нужно три дня, да четыре дня пути в Одессу. Кроме этого, обещано отправить две дивизии из Рени на Днестр, но не сразу. Шарпи был резок: — союзники не возьмут на себя работу по воссозданию России — обеспечен будет лишь порядок; офицеры должны, наконец, перестать кутить и пьянствовать, надо встряхнуть с себя лень.

1 декабря их принял сам Франше д'Эспере: русские не должны думать, что союзники будут своими силами восстанавливать Россию; Россия изменила Франции, которая вступила в войну из-за России; Франция потеряла 1.200.000 своих сынов из-за России. Русские офицеры имеют скверную репутацию; были случаи, когда приходилось арестовывать офицеров десятками за неприличное поведение. Офицеры пьянствуют, дебоширничают, получают зря жалованье,

ничего не делая; на Салоникском фронте русские офицеры вели себя постыдно, изменили французам.

Генерал Эрдели тоже слышал от этого генерала о позорном поведении русских офицеров в Салониках. Когда Франше спросил его, как восстановить Россию, Эрдели сказал — восстановление России есть дело русского войска; от союзников ждут не боевой помощи, а лишь материальной и создания покрова, за которым можно формировать русскую армию. Присутствовавший при этом английский генерал Бриджес пожал Эрдели руку и сказал, что так и он смотрит на это дело. В Екатеринодаре составлена подробная программа того, чего ждут от союзнических войск — она уже отправлена в Салоники. Схема такова: союзники оставляют сперва неподвижные гарнизоны в портах и городах; в районе этих городов и портов делается набор; при продвижении составленной таким образом армии продвигается и гарнизон, чтобы занять следующие пункты. (План хорош, но как быть в таком случае, когда на город с неподвижным гарнизоном идет неприятель, а армия русская еще не готова?)

Полковник Новиков во все время своего путешествия от Ясс до Константинополя не видел серьезных союзнических масс — все войска союзников рассеяны и это очень затрудняет посылку нам помощи. Характерна разница в отношении к нам англичан и французов. Для отношения французов показательны приведенные речи генералов; англичане же чрезвычайно радушны и любезны — от солдат и до командиров. Правда, они любезностями и ограничиваются, так как ничего на юг Деникину послать не могут; демобилизация началась, а кадровые войска нужны на Западе. Французы могут послать

в Россию много, но боятся большевистского влияния на солдат, так как эти последние считают войну оконченной. По словам Эрдели, французские офицеры устраивают беседы с солдатами, убеждают, что в России 17 миллиардов французских денег и что в России огромные богатства, но плохие техники — надо придти в Россию, навести порядок, и тогда французы получат не только свои деньги с процентами, но и много сверх того. У французского правительства другие соображения: надо, чтобы Россия сделалась реальною угрозою для Германии, которая проявила себя такою блестящею и сильною в эту войну, что несомненно скоро оправится.

Англичане говорили генералу Галиевскому, что Англии стоило большого труда отговорить Америку от признания Советского Правительства; американцы же сказали Новикову, что хотя свободное войско у них и есть, но не может быть и речи о посылке его в Россию. Напротив, в Яссах американский военный агент говорил генералу Галиевскому, что американцы хотят, чтобы одною из дивизий, отправляемых в Россию была американская дивизия. Впрочем, удивляться этим противоречиям нечего, так как и Шарпи говорил, что междусоюзническая конференция еще не высказалась о плане интервенции: определенных указаний из Парижа еще нет. В Одессу приезжает генерал Д'Ансельм, милый старик, лишенный всякой инициативы, сам ничего решить не способный. Утешительно, если принять к тому же во внимание, что его начальство, которое должно будет за него решать, будет сидеть не то в Бухаресте, не то в Константинополе.

Любопытные данныя о нашей делегации. Когда во время беседы с Шарпи, Новиков назвал Милюко-

ва в числе членов делегации, посланной в Париж, Шарпи воскликнул: «Неужели Вы, русские, не нашли другого человека, кроме бывшего за одно с нашими врагами; ведь он старался перетянуть к немцам всю свою партию и причинил нам огромный вред!» В Константинополе адмирал Амэт дал обед делегации, но Милюкова не пригласил. Перед тем, как делегации надо было уехать, Амэт запросил Париж, можно ли ее выпустить.

У союзников твердое впечатление, что русское общество способно лишь разговаривать.

Союзные войска никогда не подчинятся русским генералам. Это элементарно и можно было предвидеть заранее. А как кипел в Яссах М. М. Федоров, требуя, чтобы мы в нашу ноту союзникам включили требование о подчинении союзнических войск, которые придут нам на помощь, Деникину. «Хоть бы вы требовали подчинения их великому кн. Николаю Николаевичу, — тут была бы какая-нибудь иерархическая логика», заметил Н. В. Савич.

Привезено Новиковым письмо от В. П. Гурко; впечатление от союзников в Константинополе — слабое: надежд на них строить не приходится, на Юг надо поставить крест.

После докладов, барон сообщил мне конфиденциально со слов Эрдели, что добровольцы пришлют войсковые части в Одессу и поставят их под командование Бискупского; если Гетман оставит за ним и командование Украинскими частями, то тем лучше — командование всей армии будет в одних руках. Деникин в Одессу не приедет, так как Бертело сюда не собирался. В Новороссийске ждут Франше д'Эспере.

М-me Энно предупредила гр. Ланжерона для со-

общения эскадре о петлюровско-гетманской суете в коридорах нашей гостиницы — Коростовец, Шемет, Шереметьевский (секретарь Коростовца) — центр какой-то работы. Ланжерон добросовестно ничего не понимает. Энно пытается раз'яснить ему, почему надо повернуться спиной к Украине — Ланжерон задумчиво курит.

Сегодня встретил казацкого полковника из штаба Деникина; говорил, приезжали как-то парламентеры от Красной армии, наши офицеры генерального штаба. Деникинцы стали их стыдить — «Мы создаем единую Русь», — с гордостью ответили новоиспеченные красноармейцы.

10 декабря. Вторник.

В Русском О-ве Пароходства и Торговли предлагают нам пароход в Крым на четверг, но может быть дадут его и завтра.

Совещание по обороне. Были схватки между немцами и поляками, которые напали на немецкий военный фургон и хотели его ограбить. Убиты — один немецкий офицер и 2 фельдфебеля, ранено 2 поляка. Немцы осадили дом занятый поляками и арестовали несколько поляков; французы потребовали от немцев снятия осады, сдачи им арестованных поляков и подачи рапорта о происшедшем консулу Энно.

Вчера получена от генерала Долгорукова из Киева телеграмма: все спокойно (!), питает уверенность в благополучном исходе, предлагает не делать никаких уступок петлюровцам, дает Бискупскому неограниченный кредит на военные надобности.

Николаев еще не взят. На линии железной дороги к Одессе — без перемен. В Беляевке (где водопроводная станция Одессы) — полная анархия; требуют присылки отрядов; ничего послать не можем.

В Николаеве немецкий батальон пошел против петлюровцев. Против Одессы действуют отборные части петлюровцев. С военной точки зрения — никаких перемен, но возможен глубокий обход — он вне поля нашего наблюдения за отсутствием серьезных сторожевых постов и разведки.

Мне телефонирует директор Ропита (Р. О-во П. и Т.), что нельзя наполнить цистерн нашего парохода водой из за отсутствия напора; анархия в Беляевке делает работу Одесского водопровода случайною и непостоянною. Пришлось распорядиться через Городскую Управу, чтобы закрыли часть кранов в городе и тем усилили напор в гавани. Градочальник Богданович убеждает студентов-дружинников (в Одессе несколько студенческих дружин: украинская, еврейская, великорусская, несущих полицейскую службу) в числе 150 человек пойти со ста конными полицейскими (варта) в Беляевку для наведения там порядка.

Бискупский просит меня повидать Энно, у которого сейчас адмирал Лежэ (с дредноута «Жюстис») и просить этого последнего сделать десант матросов поскорее и назначить французского коменданта. Прихожу к Энно — адмирала нет, а сидит градоначальник Богданович, получивший только что известие от конного полицейского, что петлюровцы заняли ст. Дачную (15 верст от Одессы) и продвигаются дальше 5 поездами по 40 вагонов; добровольцы даже и не стреляли. Богданович считает сведение вполне достоверным; сообщаем его входя-

щему адмиралу Ненюкову; хватается за телефон, вызывает генерала Бискупского — тот еще ничего об этом не знает. — Общее недоумение — неужели и по железнодорожной линии не организована разведка?

Гр. Ланжерон приносит сведение о десанте; Франше д'Эспере телеграфирует: дивизию из Салоник грузят 10-го, приедет в Одессу 16 или 17; сегодня 10-ое, значит дессант будет через неделю, а петлюровцы уже в 15 верстах от Одессы — задача для детей младшего возраста: кто будет в Одессе раньше — петлюровцы или французы?

От Деникина также пришла телеграмма в ответ на телеграфную просьбу Гришина-Алмазова, В. Шульгина, В. Степанова и др. о присылке подкреплений: батальон поляков уже послан (давно здесь и ничего не делает), грузят польскую конницу; с теми добровольцами, которые в Одессе — достаточно для ее защиты. Славны бубны за горами.

Звонок в телефон генерала Бискупского: сведения о приближении петлюровцев подтверждаются; опереться не на кого, войдут вечером в город, буде пожелают. Очевидно, надо готовиться к самоэвакуации.

Приходят ген. Эрдели и Гришин-Алмазов. Эрдели на всякий случай просит у Энно французского покровительства; Гришин-Алмазов заявляет, что останется в Одессе, но уйдет в подполье.

Энно и Ланжерон решают устроить на бульваре, на котором помещается гостиница quartier français; над гостиницей будет водружен французский флаг; на двух концах бульвара — будут французские заставы. Днем Энно просил у французского адми-

рала десанта матросов, назначения коменданта, убежища для нас — во всем получил отказ.

В 7¼ часа — оглушительный взрыв где то внизу в гостиннице, от которого пол в номере заходил ходуном, и второй за ним — более слабый. Бросаюсь из номера к лестнице — узнаю, что какой то офицер, в одном из номеров первого этажа, уронил ручную гранату. Спускаюсь в вестибюль — полон дыма; изо всех номеров выбегает встревоженная публика, офицеры, прислуга, взволнованый Ланжерон; молодой офицер, уронивший гранату (поляк) смотрит недоумевающе-бычьими глазами на публику, кровь струится по его лицу, а старший офицер, начальник караула, в виде компресса на раны, обкладывает обалдевшего коллегу трех'этажными словами...

Подымаюсь наверх; на площадке перед номером Энно горячая беседа градоначальника Богдановича с теми типами, которые в последние дни шныряют к Коростовцу и присным; у Энно — вице-адмирал Ненюков и генерал Леонтович. Ненюков — тяжелая рыхлая масса на стуле перед письменным столом Энно; смотрит в землю; генерал Леонтович стоит, сердито глядя на говорящего консула.

Энно: Вы мне говорили, генерал, три недели тому назад, что в Ваших руках 1500 добровольцев. Где они, что Вы с ними сделали?

Леонтович: Но что ж могут сделать эти 1500 человек?

Энно: «Qu'est ce qu'ils peuvent faire? Leur dévoir, Monsieur!» (Что они могут сделать? Исполнить свой долг, милостивый государь!) и гневно стучит по столу.

Леонтович (пожимая плечами): Господин Энно, долг офицеров — защищать их родину, кото-

рая называется Россией (очевидно, Одесса — не родина).

Вмешивается Ненюков; говорит, не поднимая глаз: эти 1500 не подготовлены еще, недавно только набраны; он хочет немедленно их посадить на «Саратов» и отправить в Новороссийск.

Энно негодующе молчит, бледный, с сжатыми губами. Ген. Леонтович делает обиженный вид и уходит.

Энно к Ненюкову: Зачем Вы привели мне этого Леонтовича, я его ненавижу, он позорит добровольческий шеврон.

Ненюков: Я извиняюсь, но все же ответьте мне, увозить ли добровольцев в море или нет?

Энно: Я Вам не скажу ни да, ни нет, (je reste neutre) я остаюсь нейтральным.

Вмешивается бегающий по комнате, красный от волнения Ланжерон, в гусарских рейтузах на стройных ногах: «что касается меня, я позволил бы им (добровольцам) сесть на корабль, я бы выпустил их в открытое море, пока не пришел бы французский десант и тогда я отвел бы в одну сторону тех, которые желают сражаться и в другую тех, кто не желает. Последних я оставил бы в море с наведенными на них французскими пушками, а первым бы позволил сойти в город — и если они не будут драться, то у нас довольно пулеметов, чтобы их заставить идти вперед».

Энно сочувственно кивает головой. Ненюков угрюмо слушает, не подымая глаз и молча уходит. «Эх, говорит, обращаясь ко мне, Ланжерон, была бы у меня сотня французских офицеров, никогда стены одесских домов не увидели бы петлюровцев».

Тяжелая сцена прерывается приходом С. Ф. Штер-

на, редактора «Одесскаго Листка», к.-д. Сообщает, что Городская Дума только что открыла заседание криками «ура» по случаю самооткрытия. Ка-деты предложили резолюцию не продолжать занятий, пока открытие Думы не будет санкционировано подлежащею властью — резолюция провалилась, но к.-д. остались.

Приходят местные самостийники (та четверка, что шепталась с градоначальником Богдановичем); их вызвал генерал Бискупский; Энно отказывается их принять. А, любопытно, о чем беседовал с ними глава военных сил города?

Немецко-польская распря продолжается: генерал Раух сообщает, что днем в 5½ часов на одной из главных улиц города, немецкий солдат бросил ручную гранату в польского офицера — сошло благополучно, офицер успел во время провалиться в траншею лестницы соседнего погребка.

Ужинаем в Лондонской гостинице в 11 часов вечера. Большой зал ресторана пустоват; лампы не все зажжены, прислуга с тревожными лицами. Заходит ужинать Энно; к нему подходит Ярошинский (брат Карла Ярошинского, известного Киево-Петроградского дельца с широким размахом); говорит, что поляки еще не вернулись с Раздельной, что еще защищаются. А тут же начальник польского отряда просит у Энно письменного удостоверения, что поляки, начальники и солдаты их — авангард французов; потому они неприкосновенны, как и союзники. Энно — подписывает.

Появляется в столовой — всех скорбящих убежище — весь синклит военных и гражданских защитников города: генерал Бискупский со штабом, градоначальник Богданович с приставом Горно-

стаевым. Удручены, но едят. Есть еще порох в пороховницах!

А в передней — военно-оборонческий Бэдлам. Отряд каких-то добровольцев — не то польско-литовский, не то татарский.

На площадке подле первых ступеней лестницы — пулемет; подле него десять кругов пулеметных пуль и две ручные гранаты; рядом с ним раскачивается на стуле молодой офицер, с руками в карманах и зажженой папироской в зубах. Он «на страже» при средствах обороны.

В ресторане появляется какой-то тип в кожаной куртке и говорит: идут на Одессу не петлюровцы, а банды крестьян-грабителей, будут резать всех вместе с местным хулиганьем. Проклятый провокатор — смотрю на сына, сидящего подле меня, и чувствую, как страх леденит мне кровь.

Не унывает Ланжерон: весел и беспечен — есть у него две винтовки, револьвер, сотни две патронов — жизнь дешево не отдаст.

Бискупский мрачен — ни на кого не рассчитывает, а Богданович все еще с кем то, о чем то ведет переговоры, для бескровной сдачи города, очевидно. А сколько идет петлюровцев? спрашиваю. Никто не имеет ни малейшего представления.

Начальник варты Горностаев говорил кн. Вяземской перед от'ездом: «Все погибло, чувствую веревку у себя на шее».

Расходимся в крайне мрачном настроении. В коридоре наталкиваюсь на Шереметьевского, секретаря Коростовца; сияет — только что закончились переговоры с петлюровцами; убедили их (кто?) не входить в город завтра раньше 11—12 часов; войдут 10.000 человек в полном порядке, гарантируют

полный порядок и в городе, никаких насилий. Сообщение подтверждает и подходящий суб'ект, представляющийся: «полковник Блаватный — флигель-ад'ютант Гетмана Скоропадского». Тоже участвовал в переговорах с петлюровцами, убеждая, что в свое время ведь и Гетман мирно договаривался с ними.

Ну, значит, все в порядке, раз еще можно договариваться — а все же лучше подальше от греха.

ГЛАВА VI

В КРЫМУ

От'езд из Одессы. — Петлюровцев нет. — М. М. Винавер. — С'езд Земств и городов Юга России. — В погоне за сведениями. — Рассказ Сорина. — Крымские встречи. — Адмирал Канин. — О б. великом князе Николае Николаевиче. — «Гостинница для чинов первых трех классов». — В Морском Офицерском Собрании в Севастополе.

11 декабря. Среда.

Встаю в 8 часов. Схожу вниз в вестибюль гостинницы — пустыня; нет татарских орд стражников-добровольцев, нет ручных гранат и пулеметных кругов; только два бледных офицера-мальчика. Они говорят мне с тоской: «Вот все офицеры добровольцы уехали на пароходе, мы остались одни, не знаем, что нам делать. Стража тоже разошлась». Стараюсь успокоить бедняг: пароход «Саратов» еще не ушел, я слышал, что он только сегодня уйдет. Какие сведения за ночь? — «К утру видели разведку петлюровцев у первой заставы, вероятно уже вошли в город».

Звоню в Ронит — пойдет ли сегодня наш пароход? Дело неблагополучно: кочегары не пришли,

а между тем вчера они получили месячное жалование. Если не придут через час, значит — забастовка, так как на рядом стоящий «Потемкин» тоже не пришли. Решено в крайнем случае ехать на «Саратове» с офицерами-добровольцами; ф.-Дитмар берет для всех нас пропуск у адмирала Ненюкова.

Встречаю Глинку (он был назначен Гетманом министром земледелия, но так и не успел вступить в должность); не советует ехать сегодня, боится пароходной команды, насторожившейся, вследствие того, что пароход с нами должен отойти не в обычный день.

Дальше, старик кн. Кочубей (б. Управляющий Уделами); советует ехать на «Саратове», бежит туда устроиться.

У гостинницы кн. Ю. Трубецкой с шифрованной телеграммой в руках; едет к Рауху советоваться; получил предложение представлять Гетмана при Бертело, думает принять (!).

Иду к Энно в 10 часов; — только что звонил ему С. Ф. Штерн, чтобы сообщить, что городские делегаты, поехавшие навстречу петлюровцам, чтобы предотвратить кровопролитие (а в Городской Думе ведь гласные всех видов и разновидностей: и петлюровцы, и большевики, и сочувствующие), телефонируют со ст. Выгода (30 верст от Одессы), что петлюровцев нигде не видно, ни на ст. Дачной, ни на Выгоде; говорят, нет и до самой Раздельной; спрашивают, ждать ли их на Выгоде, или отправиться на поиски петлюровцев дальше к северу. «Sal pays, говорит Энно, quelle panique idiote, personne ne sait rien» (поганая страна, какая идиотская паника, никто ничего не знает). А тут телеграмма от посланца Энно, чеха Черкаля из Раздельной — сидит

там и ждет пропуска от одесских властей, чтобы выехать в Одессу!

Нет, уже теперь — наверное надо уехать, в таком Бэдламе оставаться страшно.

Иду проститься к В. Шульгину; в его номере — Н. А. Хомяков, вице-адмирал Ненюков, генерал Гришин-Алмазов. Хомяков говорит: «Вам надо ехать из города, а мне некуда» — бедный старик одинок. Тепло прощаемся. М-me Энно удерживает — обещаю скоро вернуться. Хоть и Бэдлам, а вне его и совсем делать нечего.

Едем на пароход в 11½ часов. В городе тишина и порядок, о Петлюре и не слышно.

В 12½ часов все налаживается: и машина разведена, и шатавшийся руль — цепи ослабли — укреплен, и команда на местах, и воды накачали достаточно; собираемся отойти — в последнюю минуту под'езжает кн. Ю. Н. Трубецкой — решил ехать, так как Бискупский уже успел сдать командование третьим украинским корпусом — самостийникам; они раз'езжают уже в его автомобиле, штаб его разбежался, варта тоже исчезла. А петлюровцев все еще и на далеком горизонте не видно. Город сейчас могут взять 10 баб с рынка, вооруженных метлами.

Справка для будущих историков: в городе 800.000 человек населения, следовательно, мужского около 400.000, а способных носить оружие около 200.000 (при чем сочувствующих петлюровцам или большевикам вряд ли более нескольких тысяч, но и те пока пассивны, выжидая, чья возьмет); в городе 1500 добровольцев офицеров и солдат (офицеров много больше, чем солдат), да тысяча другая поляков; на рейде несколько союзнических броненосцев. Чудеса.

Идем мимо дредноутов, команда которых провожает нас равнодушными взорами; наш пароход трижды им салютует украинским желто-голубым флагом — ответного салюта нет.

На пароходе — семья Гетмана Скоропадского: две дочери и сын. Сопровождает их тот самый полковник Блаватный, который вел вчера переговоры с петлюровцами (любопытно, что это за шутники были). Спасается от петлюровцев на том же пароходе генерал Климович, б. керченский градоначальник, притча во языцех всей русской либеральной прессы — его выписал, разумеется, Кривошеин на место ушедшего Мустафина; он, бедняга, только сегодня приехал вступить в должность и сегодня же «отбывает обратно по независящим причинам».

Едущий на том же пароходе М. Н. Могилянский, назначенный Гетманом послом в Париж, но еще туда не попавший, рассказывает нам о Петлюре: недоучка-семинарист, служил в земских учреждениях, во время войны служил в Земском Союзе на Западном фронте. Невежественен, но упрям. А я думаю — все это так, а вот чудом, именующимся «революция» превращен в вершителя наших судеб, ибо его милостью мы сидим сейчас в кают-компании, без особенного восторга следя за однообразно бегущими волнами.

Решаем с бароном ехать в Новороссийск, лично выяснить положение дел у Деникина.

12 декабря. Четверг.

Севастополь в 11 часов утра. Первый кого встречаю на набережной — М. М. Винавер, крымский министр Иностранных Дел — по здешнему скромно:

«иностранных сношений». Длинная шуба покрывает до земли его маленькую фигуру; вид твердый, деловой. Он торопится к английскому адмиралу на пароход; с адмиралом отношения хорошие; убедил его высадить на берег 600 человек для охраны складов; просил у него охраны для правительственных учреждений в Симферополе — адмирал отказал.

Днем Винавер заходит в гостиницу Киста поговорить с бароном и мною. Английский адмирал ничего не знает об Одессе (не знает, вошли ли туда петлюровцы), хотя он значится командующим всем союзническим флотом на Черном море. Винавер убеждает меня и барона не ехать в Новороссийск — там де делать нечего. Ждут в Крыму французского десанта в 3000 человек. В Ялте немного добровольцев — дают уже себя чувствовать. Винавер живет три дня в Симферополе, три — в Севастополе, где редактируется листок на французском и русском языке и поддерживает связь с союзниками, представляемыми пока что — несколькими военными судами.

Адмирал Канин тоже ничего не знает об Одессе; да ничем, кроме работ в порту, не интересуется. Крымское правительство обещало ему на эти работы один миллион.

На пароходной пристани встречаю Фундаминского. Встревожен сообщениями из Одессы; тоже просит нас с бароном не уезжать в Новороссийск — надо еще много сделать здесь; приедет с Винавером к нам в Ялту поговорить о дальнейших планах. Симферопольский с'езд Земств и Городов Юга России проходит в умеренных тонах: соглашаются на Деникина, как на единственного кандидата в главнокомандующие и принимают его ex officio в будущую трехчленную Директорию. С'езд, как я и предвидел, исклю-

чительно социалистический; демократическим его делают к.-д. Брайкевич и три или четыре беспартийных; из 71 члена с'езда — 65, кажется, партийные социалисты. От земств, кажется, два человека; от городов, главным образом представители городов Крыма — лишь двое из Одессы. И тем не менее, конечно, будет выбран орган «Комитет демократического с'езда Земств и Городов Юга России», который будет говорить от имени десятков земств, сотен городов... А впрочем все представительства, до держателей Верховной власти, Верховного командования и т. д. включительно, в таком же роде!

На пароходе офицер Терещенко, бывший у французского адмирала, сообщил кучу новостей: вчера вечером в Одессе был десант французского полка, направляющегося в Севастополь; петлюровцы не вошли в город — остановились в 6 верстах от него; по поручению союзников Маклаков телеграфировал Сазонову, что они признают правительство Колчака — всероссийским, предлагают Сазонову ехать к Колчаку министром Иностранных Дел.

Выйдя из Севастопольской бухты, видим огромный Гамбургский пароход «Гуго Стиннес 2»; вдоль бортов — цепь прижавшихся друг к другу немецких солдат; застывшие, неподвижные фигуры, как то вросшие в палубу, борты, снасти — одно целое с пароходом.

Решили остановиться в Ялте, чтобы вернуться в Одессу, как только прибудет десант.

13 декабря. Пятница.

Из Одессы — никаких сведений; на телеграммы, посланные Энно и В.-П. К-ту, ответа нет; телеграмма Канину в Севастополь — тоже без ответа.

Ф. Дитмар видел А. В. Кривошеина. Живет у Ф. А. Иванова в Чепре, имении б. великого князя Петра Николаевича, купленном Ивановым. Заявляет, что считает работу свою в С. Г. О. Р. оконченной; ой-ли?

Телеграмма от Винавера; зовет в Симферополь; барон исчерпал поездкою всю свою энергию, ехать не хочет; одному мне не удобно из-за возможности постановки ряда принципиальных вопросов.

Сидим с Дитмаром и полковником Новиковым (тоже эвакуировался с нами) на Ялтинском бульваре; слушаем созвучный нашей душевной сумрачности монотонный плеск волн. Дитмар вынимает из кармана рукопись и читает нам написанную им сказку о русском народе. Сказка в религиозно-мистическом тоне; язык приподнятый. Что случилось с этим реальным, гибким, ловким, приспособляющимся человеком, сумевшим угодить крупным промышленникам и из секретаря, а потом и председателя с'езда Горнопромышленников Юга России, сделаться крупною фигурою в Государственном Совете? какая тайна коснулась его давно заснувшей души?

Приехали из Чепра Кривошеин, Савич, Иванов. Совещаемся в гостинице «Россия». Дитмар возбуждает вопрос об открытии в Ялте отделения С. Г. О. Р. Кривошеин и Иванов поддерживают, барон и я отбиваем.

Решено возвратиться в Одессу после десанта.

У Савича петлюровцы разграбили имение.

По сведениям симферопольских газет — в Одессе тюрьмы открыты, митинги рабочих с требованиями: вся власть — Советам.

15 декабря. Воскресенье.

Телефонограмма по станциям: «Гетман отказался от власти 14 декабря». Хотя и призрачная власть, но все же что то такое значилось на Юго-Западе; теперь полный хаос. Кто захватит ее в Одессе — будет хозяином (на час)?

Барон поехал «на разведку» в Чепр к Ф. А. Иванову; там гостит П. Л. Барк — гостинница для чинов первых трех классов.

16 декабря. Понедельник.

Говорю по телефону с адмиралом Каниным. Сведений из Одессы никаких; но телеграммы, получаемые частными лицами — спокойного характера. Что за чертовщина?

Днем кн. Репнин сообщает со слов Директора Ялтинского Отделения Государственного Банка, что в Одессе французский десант.

Звоню С. С. Крыму — он тоже в Чепре, у Кривошеина; оказывается, генерал Лукомский приезжает в Симферополь. Какая то сеть плетется — надо разузнать.

В 5 часов телефон лейтенанта Мезенцова из Севастополя — ничего нового; полное противоречие между крымскими газетными сведениями об Одессе — «открытие тюрем, Советы Рабочих Депутатов» и частными телеграммами: «все спокойно». Что это — случайность или планомерная ложь газет? Из Одессы циркуляр — не принимать телеграмм из Крыма: борьба украинских самостийников или просто белиберда?

Художник Сорин рассказывает мне об эпизодах последнего года в Крыму. Когда немцы оккупи-

ровали Крым, немецкие офицеры — обер-командование — приехали в имение б. вел. кн. Николая Николаевича засвидетельствовать ему свое почтение. Николай Николаевич не принял их. Рассказывал и о том, как раз вечером к даче, где гостил Н. Д. Соколов у наших общих друзей, приблизилась группа офицеров навеселе и стала требовать, чтобы Н. Д. Соколов вышел к ним; с трудом Сорину и инженеру П. Н. Квилю, гостившему там же удалось убедить офицеров, что их поведение некорректно, так как Соколов гостит у дам; встретить его они могут в любой день в городе. На следующий день Соколов уехал из Крыма в Грузию.

17 декабря. Вторник.

В 10 часов телефонирует лейтенант А. М. Мезенцев: вчера к Одессе подошла на судах союзническая дивизия; сошла ли на берег, еще не известно. В Севастополе ждут десант через 5—6 дней.

Разговор с Н. В. Савичем: «нужно, чтобы вел. кн. Николай Николаевич успокоил евреев, для привлечения их на свою сторону: он должен им гарантировать отмену ограничительных законов, дать гарантию, что не будет погромов (?). Помещикам он должен обеспечить выкуп за землю, крестьянам — владение этой землей. Офицерам он должен гарантировать личную безопасность. Все это может сделать лишь великий князь; те, кто видел его в последнее время, говорят, что он на много ушел вперед. Он бодр, рвется в работу, готов в любой форме отречься от претензий на престол, чтобы ясно было, что работает только для спасения России». Сам Савич его не видел.

При разговоре этом присутствует гр. И. И. Капнист. Смотрит очень мрачно на ближайшее будущее: все помещичьи хозяйства разорены, скот зарезан; следующий год даст значительно меньше хлеба — даже крестьяне будут голодать. Надо скорее наводить порядок. Согласен на Петлюру, если бы он был способен создать нечто прочное, но за ним ведь по пятам придут большевики.

Подходит А. В. Кривошеин; ставим в курс разговора. Кривошеин не согласен с Савичем: великий князь хотя и сильно полевел и высказывается против диктатуры и даже монархии, но вопрос о нем преждевременен; (в Яссах голосовал за б. великого князя, как за диктатора). О приезде генерала Лукомского в Симферополь дает уклончивые ответы. Заявляю, что хочу видеть Лукомского, и что если он приедет завтра или послезавтра в Симферополь — поеду и я; если же он не приедет, то буду торопить барона ехать со мною немедленно в Одессу. Нехотя Кривошеин соглашается.

Савич говорит мне: «хорошо, что Вы едете в Симферополь, а то Лукомский говорил бы со мною только о военной стороне дела».

Встречаю Сергея Маковского; он устраивает Академию Художеств в Крыму; заявляет себя республиканцем «старая аристократия, поддерживавшая монархию — гниль». С. Я. Елпатьевский (член управы в Ялте) предлагает ему пригласить президентом Академии гр. С. В. Панину. Маковский в восторге от этого предложения. Согласие Крымского Правительства на Академию есть, но нужно получить еще согласие партии с.-д. и с.-р. — без них к.-д.-ское правительство ничего сделать не может.

Мария Федоровна всех уверяет здесь в Крыму, что царская семья жива, она де получила письмо, извещающее о приезде Николая II с семьей за-границу; что расстрел и сожжение симулированы, за что заплачены большие миллионы. В этом убеждены и придворные круги в Крыму.

Сегодня в 2 часа дня собрание земельных собственников у кн. Волконского; земельные собственники написали союзникам жалобу (!) на большевиков, прося заступничества; выбирают делегатов для отправки за-границу к союзникам. Для этой же цели организуются промышленники; орудует Ю. Поплавский (управляющий делами Московского Торгово-Промышленного Союза); промышленники собираются ехать с чады и домочадцы, человек 40—50; наивно думают, что получат визу.

18 декабря. Среда.

Барон приехал из Чепра. Кривошеин приглашает всех войти в состав Ялтинского отделения Ясского Совещания, поддерживает отношения с Николаем Николаевичем.

Решили с бароном ехать в Одессу. Просили Н. Ф. ф. Дитмара побывать у генерала Краснова, чтобы поддерживать связь с Донской армией.

19 декабря. Четверг.

Едем из Ялты в Севастополь на автомобиле. При в'езде в город видим английские караулы: спокойные, равнодушные лица, трубки в зубах, руки в карманах; создают атмосферу уверенного спокойствия.

Отправляюсь за сведениями к адмиралу Канину; контры добровольцев с Красновым продолжаются; союзники настаивают на соглашении, угрожая в противном случае, что не будут помогать Краснову. Денег для портовых работ нет, а вести их надо во что бы то ни стало, иначе рабочих легко завербуют большевики; и сейчас уже 4000 рабочих без работы, того и гляди будет большевистский взрыв извнутри. Денег нет и у Добровольческой Армии. Беспорядок в частях этой армии здесь, в Крыму, — полный; вчера армия получила 300 лошадей, а ночью из них кто-то (?) угнал 90 штук. Угля в Севастополе нет, его ниоткуда нельзя получить, так как весь уголь забрал в свои руки Екатеринодар, откуда и идет распределение его.

Канин уже сорганизовал весь свой штаб, но денег на содержание его не имеет; правда, ему прислали из Екатеринодара свидетельства Государственного Казначейства с Украинскою печатью, но здесь в Севастополе никто их не принимает. Из Одессы он никаких сведений не имеет; прежде сведения давали французские моряки, стоящие в Севастопольском рейде — они перехватывали радио французских разговоров между Одессой и Константинополем; а теперь адмирал Амэт в Одессе, так что разговоров с Константинополем по радио нет.

Выношу впечатление безнадежной беспомощности и, что хуже, абсолютного равнодушия к этой беспомощности.

Сведения адмирала Канина дополняются лейтенантом А. Мезенцевым: вчера на болгарском транспорте в Севастополе матросы убили одного офицера, покушались на другого; установлено участие в убийстве местных большевиков. Англичане арестовали всю

команду и отвезли ее в Варну. В англичан из-за углов ночью постреливают. Никаких мер против местных большевиков еще не принимают — для этого пока не располагают реальною силою.

Ночую в Морском Офицерском Собрании. Матрос, заведующий комнатами для приезжающих сетует, что постельного белья дать мне не может: немцы перед уходом из Севастополя забрали с собой все богатое белье Морского Офицерского Собрания; укладывали его в ящики, которые сбивали из выдвижных ящиков письменных столов из красного дерева; матрос демонстрирует столы, зияющие пустотой в колонках, поддерживающих верхнюю доску. Посылаю матроса за бельем в гостинницу Кистера — и там белья нет: три года не ремонтировалось, одно тряпье.

20 декабря. Пятница.

Пришел из Одессы пароход «Николай»; капитан сообщает, что французская эскадра бомбардировала город, посылая снаряды за город к петлюровцам. Город занят французским десантом. Генерал Гришин-Алмазов назначен кем-то военным губернатором. М. В. Брайкевич — городской голова Одессы.

Едем в Одессу на «Марии». На пароходе офицер Деникинской армии везет тюк прокламаций, напечатанных в армии. Так и пестрят словом «жид». «И это Вы везете в Одессу, город с огромным еврейским населением, деятельным и богатым, поддержка которого для армии крайне необходима?» — спрашиваю я. Молчит; где ему понять!

ГЛАВА VII

СНОВА В ОДЕССЕ

Ген. Гришин-Алмазов, А. И. Пильц и В. В. Шульгин у власти. — Попытки реорганизации власти в Одессе. — Городская Дума и М. В. Брайкевич. — Требование социалистов о реорганизации Ясского Совещания. — В. М. Пуришкевич. — Работа С. Г. О. Р. — Вопрос о создании Юго-Западного Правительства ...

21 декабря. Суббота.

Приходим в Одессу в 4 часа.

Устраиваемся с бароном в Лондонской гостинице, где нас встречают холодно: почему де бежали из Одессы?

Отправляюсь за сведениями к г-же Энно; застаю там редактора С. Ф. Штерна. По его словам, Городская Дума требует, чтобы при генерале Гришине-Алмазове состояло два комиссара: городской голова Брайкевич и присяжный поверенный Либерман (популярный выходец из немецких колоний Херсонской губернии, бывший Одесским комиссаром при Временном Правительстве), так как местная «демократия» относится отрицательно к военной диктатуре.

М-me Энно говорит, волнуясь: как смеет одесская

демократия пред'являть какие бы то ни было требования к военной власти? Эта жалкая, трусливая демократия, беспомощная, сдавшая Одессу петлюровцам без сопротивления, в то время, как одной молодежи в рядах этой демократии во сто раз больше, чем было петлюровцев под Одессой! А теперь, когда усилиями добровольцев и французов, город очищен от петлюровцев, эта демократия повылазила из-под кроватей, из чуланов и чердаков, где она пряталась и заявляет трафаретные требования...

Штерн молчит...

Расспрашиваю М-me Энно, какая власть теперь в Одессе и кто ее организовал. Смущенный ответ: «Ах, зачем Вы уехали из Одессы? Вы так были нужны! Власть организована так: генерал Гришин-Алмазов — военный губернатор, А. И. Пильц — гражданский; при нем правительство из 8 лиц, список которых составлен В. В. Шульгиным совместно с... В. Я. Демченко». Нужно помешать тому, чтобы этот порядок окончательно установился, так как ясно, что популярности такая власть иметь не будет; М-me Энно предлагает созвать вечером совещание по этому предмету.

Тут же у Энно встречаю Черногорчевича — б. сотрудника «Русского Слова», приехавшего из Бухареста; он видел генерала Бертело, вынес о нем хорошее впечатление; генерал Краснов писал генералу Бертело, пытаясь дискредитировать в его глазах генерала Деникина; в ответ ему Бертело потребовал полного подчинения Деникину.

В 12 часов ночи собираемся у Энно — барон, В. В. Шульгин, А. И. Пильц, кн. М. А. Куракин и я. Консул Энно предлагает приступить к созданию местного правительства, поручив это Ясской кон-

ференции, которая должна составить это правительство из своих членов, ибо иначе генералу Бертело будет совершенно непонятно, как и из кого создалась местная власть. Оглашает список лиц намеченных до нашего приезда: военный министр — генерал Гришин-Алмазов, морской — вице-адмирал Ненюков, внутренних дел — А. Пильц, торговли и промышленности — В. П. Литвинов-Фалинский, финансов — Суфчинский, продовольствия — Стерлигов, юстиции — старший председатель одесской Судебной Палаты, народного просвещения — ректор Новороссийского Университета.

Я расспрашиваю о лицах этого списка, кто, собственно, знает их поближе и почему предложены именно они. А. И. Пильц не знает большинства из них, но Шульгин его уверял, что они вполне подходящие. Шульгин отклоняет от себя инициативу указания именно этих лиц — большинство из них указано ему Демченко. Не стерпел и спрашиваю: «почему, однако, такой важный пост, как министерство финансов, предоставляется молодому чиновнику кредитной канцелярии Суфчинскому, занимавшему в ней неответственный пост?» — «Собственно, он только ширма, — поясняет В. Шульгин, — за ним будет стоять Демченко, плохая репутация которого среди деловых кругов Юга России не позволяет ему взять на себя открыто управление финансами».

Заметив выражение недоумения на лице барона и моем, Шульгин говорит: «Ведь, это узко местная власть; в Киеве и Харькове должны быть созданы такие же местные правительства, чтобы в Киеве не вздумали опять создавать Правительство на весь Юг, — ведь опять размечтаются об Украине».

Вижу, что дело организации местной власти без

нашего участия зашло далеко; всего уничтожить нельзя, оставит в таком виде — невозможно, пойдет в Одессе полный кавардак. Предлагаю пока местного правительства не организовывать и свести предложенную организацию с намеченными лицами на положение Губернского Правления. Расходимся, ничего не решив.

22 декабря. Воскресенье.

Из Киева приехали кн. Е. Н. Трубецкой и А. С. Хрипунов. Привезли благословение оставшихся в Киеве членов С. Г. О. Р. на перенесение всей организации в Одессу и на кооптацию новых членов в Одессе. Согласны с нами, что предложенная Шульгиным схема власти на юге не приемлема; решаем пересмотреть вопрос.

Днем — на похоронах офицеров Добровольческой Армии, убитых в Одессе в среду во время выбивания из города петлюровцев, французский десант потребовал, чтобы сперва сошли на берег добровольцы, плававшие на «Саратове» в виду города в течение нескольких суток и поджидавшие прихода союзников. Добровольцы исполнили это требование и пошли в город первыми, за ними шли французы. Во время перестрелки с петлюровцами было убито несколько десятков человек с обеих сторон. Французы не понесли никаких потерь.

Настроение среди присутствовавших на похоронах — тревожное; опасаются демонстраций против добровольцев. Искренней жалости к погибшей офицерской молодежи не вижу; спрашиваю знакомых — говорят, слишком памятно бегство из города 1500 добровольцев, севших на корабль, когда к городу

подходили петлюровцы, числом, как оказалось, меньше тысячи человек.

Пильц говорит мне: из-за вчерашнего разговора у Энно не спал всю ночь.

В 3 часа совещание С. Г. О. Р. Решаем сохранить Ясскую делегацию в ее теперешней форме; С. Г. О. Р. считать перешедшим из Киева в Одессу; кооптируем в его состав В. В. Шульгина; решаем пригласить ряд лиц с совещательным голосом.

Возвращаемся к вопросу о создании власти. Я настаиваю на необходимости создать теперь же южно-русскую власть. Мы отрезаны и от ближайшего севера и от востока; сношения с Деникиным могут происходить только путем поездок по морю из Одессы в Новороссийск, так как телеграф, идущий в Одессу из Новороссийска проходит через Таврию, где скитаются большевистские и петлюровские банды, все время угрожающие перерывом телеграфных сообщений. Да и пребывание союзнического командования в Одессе делает ее центром, зависимость которого от другого центра (Екатеринодарского), стоящего в других условиях и не имеющего непосредственного соприкосновения с союзниками, может породить массу недоразумений. Последние могут гибельно отразиться на общем деле. Связь с добровольцами предлагаю установить самую тесную, об'единив всю армию под руководящим командованием Деникина; но предоставить армии гражданскую власть, а особенно предоставить армии руководить гражданскою работою по телеграфу из — пункта, отдаленного на тысячу верст, — считаю просто глупостью, своего рода большевистским экспериментом, за который поплатится и население, и от которого пострадает престиж добровольцев.

Предложение мое не встречает поддержки: барон, кн. Трубецкой и кн. Куракин считают более рациональным сразу же поставить вопрос о всероссийской власти. Как его разрешить — никто не указывает.

Иду к барону с Куракиным; очень долго развиваю им мою точку зрения; соглашаются со мною; указываю, что в таком случае надо тотчас же принять соответствующее решение — вижу усталые глаза, осевшие фигуры, ленивые движения ко рту руки, держащей папиросу, слышу спокойное попыхивание папиросой — дело безнадежное. Стоим перед совершившимся фактом захвата власти случайным, никому не ведомым генералом Гришиным-Алмазовым с благословения В. В. Шульгина.

23 декабря. Понедельник.

В 11 часов утра совещание С. Г. О. Р. Городской Голова Брайкевич сообщает о решении городских деятелей: необходимо приставить к Гришин-Алмазову двух архангелов: его, Брайкевича, и председателя Губернской Земской Управы. Словом, повторяется схема Союза Возрождения и Национального Центра, выработанная в Москве для будущей Директории.

Я предлагаю вместо этой схемы, которая приведет лишь к прикрытию действий генерала — вынужденною санкциею двух представителей местного самоуправления — другие две: либо усиление до максимума власти городского головы, либо создания при военном губернаторе большого Совета под его председательством с двумя товарищами председателя из представителей города. Меня поддер-

живает Хрипунов; Брайкевич возражает, остальные далеки от понимания важности правильного разрешения вопроса о власти и молчат. Решаем поговорить с Гришиным-Алмазовым и Пильцом.

Вечером Пильц сообщает, что на завтрашний день назначено поголовное разоружение населения; он, Пильц, хотел уже три дня назначить его, но французы воспротивились; не порядок де так сразу требовать оружие — сперва надо дать срок на добровольную его сдачу. Пришлось согласиться, хотя ясно, что это на руку тем, кто захочет припрятать оружие. Был уже случай расстрела французами большевистского агитатора.

Застал у барона Демченко. По его словам белого хлеба в городе хватит на 11 дней, ржаного на 20; дальше можно будет получать зерно только с Кубани — придется попытаться получить его в обмен на сахар, так как Кубанская Рада не дает ни одного пуда зерна за Украинские деньги. — Вот, если бы взять Раздельную, Николаев и Херсон — тогда можно было бы хорошо снабжать город, зажатый тесным кольцом петлюровцев, отошедших лишь за городскую заставу. Французский генерал Бориус не решается расширять зоны французской оккупации, ждет прибытия своего начальника, генерала д'Ансельма. Средства в Одесском казначействе еще большие; до прихода петлюровцев в его кладовых было до 500 миллионов карбованцев; петлюровцы успели вывезти лишь 50 миллионов.

Барон сообщает приятную новость: Пильц соглашается отпустить крупные суммы на издания и агитационную работу Ясского Совещания; просит меня составить смету.

Встретил вечером генерала Бискупского. Не сму-

щен сдачею Одессы петлюровцам; критикует организацию одесской администрации, предлагает прочитать нам доклад о событиях в Одессе. Говорит о возможности скорого переворота в Киеве, направленного против Директории.

Был у генерала Гришина-Алмазова; холоден, величественен, милостиво соглашается на участие в заседании С. Г. О. Р. на завтра. Мы медлим, болтаем — момент упущен.

24 декабря. Вторник.

Совещание членов Ясской делегации по вопросу об ее дальнейшем существовании по настоянию «левых». Барон настаивает на необходимости сохранения status'a quo в виду посылки в Париж представителей Ясской делегации; пока посланные не выполнят возложенного на них поручения, орган, пославший, должен оставаться на лицо. Гр. П. М. Толстой от имени Союза Возрождения, требует преобразования Ясской делегации на паритетном начале (в десятый раз — еще не устал?), половину Национальному Центру и С. Г. О. Р. — половину Союзу Возрождения и С'езду Земств и Городов.

А. И. Пильц приветствует делегацию от своего и генерала Гришина имени и обещает всяческое содействие; лично — он очень дорожит Ясской делегацией, как нейтральной почвой, на которой мирно работают социалисты и буржуа. Эта работа нужна и в дальнейшем, так как надо создать связь между новой властью и населением. С авторитетом Ясской делегации одесская демократия будет считаться (?).

И В. В. Шульгин стоит за сохранение делегации; в его глазах — оно зародыш Русского национальной

ного совета; когда консул Энно его приглашал на совещание в Яссы, целью совещания он указывал создание именно такого совета.

Решено созвать в среду в 3 часа заседание для дальнейшего обсуждения вопроса.

В. Шульгин рассказывает, что в начале января 1918 года к нему в Киеве пришел от Петлюры некто Маркотун и заявил, что Петлюра и он — «младуки» — младо-украинцы, признающие только одного друга — Россию и имеющие только двух врагов — немцев и социалистов; а пока что — захлестнуты большевиками, с которыми работает Винниченко.

В 4 часа заседание бюро С. Г. О. Р. Докладываю смету и программу работы по агитации и поддержке союзнических войск: газета на русском и французском языках; листовки на обоих языках; организация курьерской службы между Букарестом — центром французского командования и Одессою, а также между Одессою и Екатеринодаром; устройство для французских солдат и моряков дешевых ресторанов — «popote» с докладами там о текущих событиях в России и раз'ясненнем их значения; потребительские лавки для них же; бюро для осведомления и связи с незанятыми большевиками местностями и ближайшим Западом и т. д. Программа принята; деньги барон возьмет у Пильца.

Опять приходит С. Ф. Штерн; предупреждает о готовящейся забастовке протеста рабочих на городских предприятиях против организовавшейся в Одессе власти; требования рабочих все те же: власть генерал Гришин должен делить с городским головой Брайкевичем и председателем Губернской Земской Управы Бутенко. Кто утюжит рабочим го-

ловы? Почему именно это нужно рабочим — секрет изобретателей. Настаивает на необходимости уступить городу; обещает поговорить с Гришиным на предстоящем совещании, хотя не думает, чтобы вышло что путное из такой комбинации.

В 8¼ вечера у генерала Гришина-Алмазова — бюро С. Г. О. Р., А. П. Пильц и В. В. Шульгин. Гришин позирует; рассказывает, что вчера, когда он вечером возвращался с Бульвара к себе домой, из темноты раздался выстрел. Он знает, что на него и Пильца организована охота. Наше предложение уступить требованию Городского Управления и делить власть с двумя другими лицами он считает для себя неприемлемым: демократические привески только умалили бы власть, авторитет которой и так не велик, а город — кипит. Он сторонник туго натянутых вожжей; зря дергать ими не станет, но и выпустить из рук не находит нужным. Говоря, все время поглядывает на Шульгина, ища его сочувствия; из нас всех ему важно лишь мнение Шульгина, состоящего членом Совещания при Деникине, рекомендовавшего уже Деникину утвердить Гришина военным губернатором. Его кандитатура в Екатеринодаре, по словам гр. С. А. Игнатьева, особенного сочувствия не встречает. Ясно, что Гришин без Шульгина — ни шагу!

Расходимся, не солоно хлебавши — от Гришина можно ждать сюрпризов: авантюрист, осекшийся в Сибири, полусамозванец, решительно навязавший себя Одессе. Что-то дальше?

Вернулись из Киева сотрудники Энно Черкаль и Василиади: большевики крепнут в Киеве; отряд петлюровцев, взявших Киев — ничтожен, человек 500. Гр. Келлер, назначенный недавно Деникиным глав-

нокомандующим северо-западным фронтом и принявший на себя командование киевскою добровольческою армиею — убит выстрелом в спину (как и два его ад'ютанта) одним из конвойных, ведших его в штаб петлюровцев. Добровольно обрек себя на смерть, так как немцы предлагали ему выехать, гарантируя полную безопасность... По общим отзывам — мужественный и честный офицер, крайний монархист.

Между членами Директории идет борьба: Винниченко стоит за союз с большевиками, Петлюра — за связь с союзниками.

Демченко торопит поездкою в Букарест к Бертело, так как приезд генерала д'Ансельма затягивается; Энно колеблется — и хочется ехать, чтобы укрепить свою позицию, сильно пошатнувшуюся после прихода французского десанта, и боится, что французское командование в его отсутствие сведет его на нет. А он еще полезен — человек решительный.

Пильц доложил о результатах вчерашнего разоружения населения: никаких столкновений, но нашли лишь 80 винтовок, пару револьверов и один пулемет. А город в низах начинен оружием.

25 декабря. Среда.

Обсуждаем с Энно поездку в Букарест; я настаиваю на том, чтобы он поехал так как рассчитываю, что он привезет от Бертело и бо́льшую ясность в вопросе об отношении высшего французского командования к добровольческому и определенные инструкции о сформировании, при содействии французского командования, чего либо более практического,

чем эфемерное губернаторство Гришина-Алмазова. M-me Энно поддерживает меня; оба требуют, чтобы и я поехал.

Черкаль настаивает на моем свидании с Галипом, петлюровским агентом в Одессе; репутация у него австрийского шпиона, затесавшегося в русские дела, благодаря пребыванию в русском плену. Отказываюсь видеться с ним.

В 12 часов совещание С. Г. О. Р. Не соглашаются на мой от'езд из Одессы.

П. Н. Крупенский, думская «красная шапка», и тут забежал вперед: устраивает в субботу раут в Лондонской гостинице для союзников. Барон, не мудрствуя лукаво, записался. Корю его, указываю, что его присутствие санкционирует в глазах французов официозный характер той публики, которую натаскает Крупенский. Барон соглашается со мною, но... разумеется, пойдет.

Приехал из Киева Пуришкевич — его еще не доставало! А ведь здесь, в родной Одессе, он для меня не «Володька» со свистком, скандальничающий в заседаниях Государственной Думы, а скромный студент филологического факультета, один из усерднейших в кружке профессора европейской литературы Кирпичникова, посетитель устраивавшихся у меня на дому самообразовательных бесед студентов разных факультетов нашего Новороссийского университета. Вспоминаю, как он начинал свою земскую карьеру в одном из уездов Бессарабии, лидером оппозиции, от которой скоро отказался под натиском нескольких десятков Крупенских, невенчанных королей Бессарабии, забравших в свои руки земство, города, дворянство, администрацию. Потом вспоминаю дуэль друга моего, покойного О. Я. Пер-

гамента с Марковым 2; Пуришкевич был секундантом Маркова 2; помню, как друзья Пергамента — мягкого, как воск человека, доброты неземной, никому никогда ни в чем не умевшего отказать — корили его за то, что, возвращаясь на пароходике по Неве с места, где была дуэль, он чокался бокалом шампанского с Марковым 2 и Пуришкевичем. И следующая картина в моей памяти — Пуришкевич во френче; фуражка с предлинным козырьком, закрывающим лоб почти до глаз; во рту большая сигара, в руках стек; выходит из Военного Министерства и садится в ждущий его автомобиль Красного Креста, на дверце которого (автомобиль казенный) девиз Пуришкевича — semper idem. А потом вижу на Северо-Западном фронте, между Двинском и Штокмансгофом грандиозную рекламу на народном горе: на всем протяжении этой части фронта, на дорожных столбах, на стенах железнодорожных станций, на стенах вагонов, на открытках — везде Владимир Митрофанович Пуришкевич.

Поезд Красного Креста — организован в числе многих десятков других Красным Крестом; на стенах его написано маленькими буквами «Поезд Красного Креста» и огромными «Владимир Митрофанович Пуришкевич». И статистика его — такая же.

Помню в 16 году в окрестностях Двинска, в трех верстах от окопов, два пункта: один Пуришкевича, другой отряда Марии Федоровны. Первый — наскоро сколоченная чайная, второй — образцовый, блестяще поставленный санитарный поезд со всеми новейшими приспособлениями. Первым заведует сестра милосердия Маркова. Как то к ней наведывается главнокомандующий и спрашивает, сколько солдат проходит в месяц через ее чайную. Назвала

дикую цыфру с пятью нулями. Главнокомандующий в ужасе восклицает: «да что же это такое? Значит, весь фронт покидает окопы, чтобы пить у Вас чай?»

И этой бесцеремонной ложью были напичканы все отчеты; а результата все же Пуришкевич добился — попал в исключительные, особенно энергичные благодетели фронта. На что его натура суетливая, жаждущая саморекламирования, гибкая до проведения за нос большевистской стражи в Петропавловской крепости, натолкнет его в Одессе?

В 3 часа совещание с Союзом Возрождения. Теперь уже не П. Толстой, а В. А. Мякотин требует перестройки Ясской делегации на паритетном начале, угрожая в противном случае уходом всех членов — социалистов. Барон спрашивает: «А члены парижской делегации социалисты — А. А. Титов, М. К. Кровопусков и И. И. Фундаминский, выйдут ли из состава Парижской делегации, если мы откажемся перестроить Ясскую делегацию?» Получив ответ, что не выйдут, барон заявил, что мы сохраняем Ясскую делегацию в ее теперешнем виде, хотя бы из ее состава и вышли социалисты.

Решаем параллельно сорганизовать другой орган по паритетному началу: половина от Союза Возрождения, Земско-Городского С'езда Юга России, кооперативов и профессиональных союзов и половина от Национального Центра и С. Г. О. Р. Кроме этих групп в совещание входит и один представитель от Добровольческой Армии. У всех сознание, что это совещание должно играть роль с одной стороны того избирательного органа, которому придется решать вопрос о диктатуре, ее построении (единоличная или тройственная) и ее персональном

составе, а также, в случае положительного решения первых вопросов, играть роль аппарата, выражающего общественное мнение, хотя бы и в его кустарно-самозванном виде, и тем самым несколько обуздывающего произвол диктатуры. В комиссию по выработке технического плана вибираются: А. С. Хрипунов, П. М. Толстой, В. В. Шульгин; земства и города наметят своего кандидата.

Был у Энно, застал там Пильца. Энно решил ехать в Букарест, да генерал Борнус не отпускает; приходится отложить поездку; Демченко задержал для этого на день очередной пароход «Русь», идущий в Галац. Более трудный вопрос, как быть с местными петлюровцами. Под предлогом нежелания бороться с демократической Директорией в местных добровольческих частях нет твердости. С другой стороны, и в местной администрации немало украинцев. Но для всех нас совершенно ясно, что, перейди власть в руки петлюровцев, через несколько недель они будут с'едены местными большевиками, а эти последние — большевиками Севера.

Энно того мнения, что пока не будет произведен местный набор, который даст в помощь французам стойкие антибольшевистские элементы, рассчитывать не на что. Для местного набора элементы русские и еврейские — безнадежны: ни те, ни другие не пойдут, а если пойдут, то при первом случае разбредутся по домам. Единственно надежный элемент — немецкие колонисты, которых так много вокруг Одессы и которые прекрасно организованы и незаменимы против всякого большевизма — центрального, локального и Винниченковского. Но сумеют ли французы подняться в этом вопросе выше формулы «pas de Boches»?

Градоначальник Марков (он же ротмистр Модль, известный Питеру и Москве по своей жандармской работе, а мне лично — по обыску у меня в 1905 году и ввержению меня в Кресты) подтвердил Пильцу, что на него, Пильца, Гришина и Маркова местные террористы готовят покушение. Не есть ли это обычный охранный фортель на предмет устрашения колеблющихся и усиления власти держателей оной?

По моей смете решили взять у Пильца пол миллиона на работу Ясской делегации и миллион на расходы на французскую армию. Опасаясь противодействия Шульгина, барон говорит с ним; Шульгин против новой газеты, советует использовать орган Южно-русского О-ва — еще не осуществившийся, но располагающий типографией, а главное — находящийся в руках нескольких близких к Шульгину, реакционно настроенных профессоров. С. Штерн предвосхитил нашу мысль о пропаганде среди французских солдат путем газетки на французском языке и выпустил уже французский номер, в виде приложения к «Одесскому Листку». Он рассчитывал на то, что французское командование, заинтересованное в поддержании должного настроения среди солдат и матросов, обеспечит ему покупку газеты, хотя бы по себе стоимости. Ясно, что мы должны принять на себя расходы по пропаганде среди французов — поймут ли это Гришин и Шульгин?

Почему-то расселением в Лондонской гостинице заведует гр. Ланжерон, щеголяющий в гусарских рейтузах, часто навеселе, всерьез убеждающий, что он потомок гр. Ланжерона, сотрудника герцога Ришелье — строителя Одессы при Екатерине. Ланжерон — в виде особого благоволения к веселым

дамам, раздает им номера в Лондонской гостинице; это не мешает ему свысока относиться к работе русского коменданта гостиницы — полковника Писарева (кто этого посадил в коменданты гостиницы, такая же тайна, как и власть над нею Ланжерона). «Какого чорта Вы сажаете полковника, говорит мне Ланжерон, на должности, на которые у нас при оккупации ставят унтер-офицеров?»

Пришел Пильц — говорит, что началась каша; Екатеринодар уже отстранил телеграммой вице-адмирала Ненюкова от заведывания морским делом, назначив на его место контр-адмирала Покровского; назначил инженера Наумова заведывать железными дорогами, вместо Костецкого, приглашенного Шульгиным. Все прочие «министры» ничего не делают, в ожидании смещения и их, а надо готовить хлеб, мясо и уголь для Одессы и оккупационной армии. Назначения из Екатеринодара, не имеющего понятия ни о теперешних условиях жизни Одессы и Юго-Запада вообще, ни о людях, наиболее приемлемых в этих условиях, так как из близких Деникину никто сюда давно уже не заглядывал, обусловливаются, очевидно, собственными соображениями Екатеринодарцев. Скорей бы сорганизовать что либо целесообразное; но пройдет ли здоровая, организационная мысль через толщу инерции правых и полной оторванности от реальной жизни — левых?

Пильц настаивает на поездке в Екатеринодар, чтобы на месте договориться о построении власти на Юго-Западе; придется это сделать, но толк какой будет?

Телеграмма почтою от генерала Д. В. Филатьева; собирается с А. И. Гучковым в Одессу поговорить со мною о Ц. В.-И. К-те.

Наши все и Пильц против моей поездки с Энно в Букарест.

У Энно сегодня забавный визит: барон Петр Бюлер, просит содействия Энно от имени монархических организаций. «А сколько Вас?» — спрашивает Энно. — До 30.000 человек. — «А штыков сколько?» — От 8 до 10 тысяч. — «Где же эти тысячи были, когда республиканцы-петлюровцы входили в Одессу?» — Барон обиделся и ушел.

В городе глухое брожение; с наступлением темноты стрельба на окраинах, в порту. Работы нет, продукты на исходе; на базаре глухие толки — предтечи погромов и большевистского и еврейского. Власти не чувствуется. Городская Дума разбита на десяток политических фракций и просиживает стулья, вырабатывая идиотские компромиссные резолюции. Французское командование теряет голову в хаосе противоречивых течений, ходатайств, взаимных попреков, общей инерции. А Екатеринодар шлет из-за три девять земель никчемные телеграммы.

26 декабря. Четверг.

В 3 часа совещание С. Г. О. Р. Шульгин, как и надо было ожидать, против денежного пособия на агитацию и пропаганду; по слухам, он все это организует сам и, несмотря на полное отсутствие сотрудников, не хочет это предоставить другим. Гришин, конечно, колеблется идти против Шульгина. — В выигрыше, как всегда — большевики. Барон обещал насесть на Пильца.

Настаиваю на продвижении вопроса об организации в Одессе и вообще на Юге-Западе более разумной власти, чем Гришинско-Екатеринодарский ка-

вардак. Нужно немедленно ехать договориться, с одной стороны, с Деникиным, с другой, — с французским высшим командованием. На этот раз соглашаются со мною и постановляют: кн. Е. Н. Трубецкому и С. А. Хрипунову ехать к Деникину, а кн. Куракину и мне — в Букарест к генералу Бертело. В общих чертах принимают мою схему: Деникину будет предложено согласиться на образование Южно-русского правительства, причем министры военный и иностранных дел будут общие с Деникинскими; на месте же в Одессе будут товарищи министров военного и иностранных дел с широкими полномочиями и правом самостоятельного решения неотложных вопросов совместно с местным правительством. (Такая самостоятельность будет мотивирована частым перерывом телеграфных сообщений — нередко 3—4 раза в неделю и трудностью сообщения морем — рейс в два конца отнимает 10—12 дней.) Эта же схема должна быть предложена и ген. Бертело.

Энно просит переговорить с Бертело о средствах для него, Энно. Он уже задолжал 35 тысяч рублей, так как два месяца не получает ничего на содержание себя и своей канцелярии. Просил также более точно выяснить его положение, ставшее непрочным, со времени прихода французского оккупационного отряда, отнимающего понемногу у Энно консульские и дипломатические функции; в городе уверены в скорой отставке Энно. К русской неразберихе присоединяется еще и французская.

На днях, уступая настойчивым просьбам киевлян, жалующихся на неистовство петлюровских шаек, Энно телеграфировал немецкому командованию, оставшемуся в Киеве, что союзники считают немцев

ответственными за беспорядок в Киеве и на пути между Киевом и Одессою, так как им и сейчас очень легко поддержать порядок — войска у немцев еще достаточно, а сопротивления петлюровцы не могли бы им оказать никакого. Сегодня Энно получил от немцев ответ телеграммою; тон вызывающий; немцы делают де все усилия, чтобы сохранить порядок; они приняли под свою защиту Гетманских офицеров и солдат от насилия над ними Украинцев. Подпись — Совет Немецких Солдатских Депутатов.

Садимся с Куракиным в 3½ часа ночи на пароход «Русь» — едем через Галац в Букарест.

ГЛАВА VIII

ПОЕЗДКА В БУКАРЕСТ

В пути. — Народные волнения в Букаресте. — Переговоры с французами о скорейшей присылке войск и об организации Совета при французском командовании. — Подполковник Фредамбэр. — Поклевский-Козелл о заключениях делегации в Париже. — Военная помощь союзников: «Сферы влияния». — Мнения представителей Франции: за соглашение с социалистами, против диктатуры Николая Николаевича. — Русские склады с военным снаряжением. Французский посол граф де Сэнт Олэр о Сазонове. — Обратный путь в Одессу. — Дорожные встречи. — Сношения Деникина с Николаем Николаевичем. — Рассказ о нем кн. Куракина.

27 декабря. Пятница.

Туман, качка, едва плетемся.

Едущий с нами бельгийский офицер Лежэн (женат на кн. Гедройц, почему-то путается в русских делах, устраивает какие-то гешефты с представителем генерала Краснова в Одессе, вечно кутящим в Лондонской гостиннице) рассказывает, что на Украине растет неудовольствие против евреев, и серьезно ставится вопрос о трактовке их, как иностранцев. Он был в Киеве, когда его взяли петлюровцы. Гетман спасся бегством к немцам, которые благопо-

лучно спровадили его за-границу; кн. Долгорукий, командовавший войсками, — а Киев оборонялся офицерскою молодежью из Добровольческой Армии, — дал в последний момент, когда уже было поздно, приказ, смысл которого — спасайся, кто может. И много молодежи легло под Киевом, вследствие небрежности командования, в лишний раз доказавшего, как оно мало дорожит человеческими жизнями. На высоте был один гр. Келлер. Когда все уже разбежались, он, оставшись с 35 офицерами, взял в свои руки командование, прошел во главе этого маленького отряда по Крещатику, чтобы показать, что город не оставлен военными и умер, отказавшись спрятаться у немцев.

Для переговоров с Петлюрой был послан французский офицер Мулэн, один из многих авантюристов, присосавшихся к политике на Юге. О чем он договаривался — Аллах ведает.

На пароходе встретил Зборовского — одного из обвиняемых по делу Сов. Раб. Депутатов в 1905 году. Он меньшевик, фактически выдвинувший Носаря-Хрусталева, проведши его в председатели Профессионального Союза Рабочих Печатного Дела; скромная фигура, деловой, охотно остающийся в тени, человек. В 1905 году он был приговорен к ссылке на поселение одновременно с Хрусталевым, Троцким, Авксентьевым и др. Напрашивается параллель: сейчас Хрусталев где-то в полузабвении доживает свою жизнь больным, полусумасшедшим (анемия мозга от хронической голодовки в Париже, куда он бежал из Сибири [1]), Авксентьев возглавляет

[1]) Помню, с какой поспешностью он, получив как то в Париже взаймы несколько франков, бросился к продавцу pommes frites и тут же на месте стал жадно поедать картофель.

в эфемерной Директории в Уфе мишурную Всероссийскую власть, Троцкий — реальный диктатор России, а Зборовский служит инженером у Нобеля и едет в Букарест обменять нефть на нужный нам хлеб.

28 декабря. Суббота.

Приехали в Галац в 11 часов утра; при прохождении через Дунайские гирла нигде нельзя было приставать в портах; румыны, из-за боязни проникновения большевиков, устроили этот своеобразный карантин; в одном месте румынский миноносец навел на нас пушки, заметив, что наш капитан замешкался у какого-то порта.

Сошли на берег после полицейско-таможенной волокиты. Чтобы ехать дальше на Букарест нужна местная полицейская виза; идем к полицейскому комиссару — нет его. Добрые люди говорят: пойдите в табачную лавочку, что напротив; там укажут, что сделать; идем туда, платим бакшиш; через 10 минут является комиссар с печатями и визирует нам паспорта в табачной лавочке.

Садимся в поезд; состояние вагонов ужасное — tout comme chez nous: стекла выбиты, сукно ободрано, клозеты поломаны, грязь, вши, толчея, публика на крышах, буферах, на ступеньках, что идут вдоль вагонов. В купе знакомлюсь с сербским капитаном Поповичем. Он служил в Москве у большевиков в службе связи. Сообщает данныя из докладов Вацетиса о состоянии большевистской армии 40 дней назад.

Капитан Попович считает Петлюру национальным вождем и советует протянуть ему руку помощи. Может быть и прав.

29 декабря. Воскресенье.

Ужасных 29 часов до Букареста (а расстояние от Галаца всего то 260 километров). Останавливаемся часто в поле — локомотив оставляет поезд и бежит десятки километров за водой. Грязные станции с дрянными буфетами, нефтяные цистерны, взорванные немцами при вынужденном уходе армии Макензена, похожие на спустившиеся и выдыхающиеся воздушные шары. Румыны любезны и предупредительны.

В вагоне жандармский офицер из Аккермана — румын, женатый на француженке, едет в отпуск на несколько дней в Букарест; убежден в неизбежности большевизма в Румынии. Хлеба в Букаресте мало, агитация большевиков сильна и рабочие 25 декабря уже выступали — (около 1500 человек) с красным флагом и криками «долой династию». 26 декабря — человек тысяч пять пыталось прорваться ко дворцу; толпа стреляла, солдаты отвечали, в солдат стреляли из окон — в толпе раненых и убитых 22 человека; среди солдат также немало. 30-го ожидается железнодорожная забастовка.

В Букаресте узнаем, что 26 декабря по случаю беспорядков, была арестована украинская делегация, приехавшая просить поддержки у французского командования. Сидят и по сей день — Прокопович, Сокольский, Мациевич, Коваленко и Чеботаренко. Очевидно, и румыны считают представителей Винниченко и Петлюры большевиками.

Главная причина беспорядков — отсутствие хлеба: по заявлению военного министра — хлебных запасов хватит на три недели; в Галаце хлеба нет уже 5 дней, а в Хотинском уезде — девять дней уже не едят хлеба. Вторая причина — неурядица из-за от-

сутствия транспорта и топлива. Французы обещали пригнать в Букарест 150 паровозов. Во всей Румынии теперь около 84 паровозов (при норме в 860) — остальные угнаны немцами.

В Румынии еще много русских военных запасов б. русской армии на Румынском фронте; вывозом их для нужд добровольческой армии заведуют уполномоченные вице-адмиралом Ненюковым полковник Ковальков и капитан Драхусов. А теперь генерал Щербачев, живущий здесь, в качестве представителя Добрармии при союзниках, вмешивается в распоряжения Ненюкова — получается путаница и вывоз грузов приостановился.

В 7 часов вечера в Athené Palace (лучшая гостиница в центре города, отведенная под штаб Бертело), нашел Гокие (секретарь Пети в бытность его правителем канцелярии у Мильерана, затем состоявший при французской миссии при Добрармии), приехавшего в Яссы одновременно с Шульгиным, к которому он относится с большим уважением, будучи однако, политически более близким к левым. Теперь он служит в русском отделе штаба Бертело. Рассказывает мне о провале нашей делегации в Париже. В день ее приезда явились полицейские и передали приказ о немедленном выезде всех из Парижа; мотив — немецкие симпатии П. Н. Милюкова и черносотенство В. И. Гурко. Гокие этим крайне смущен, склонен винить Энно; он де должен был понимать, что Милюков неприемлем для Франции (бедный Энно это чувствовал и возражал против посылки Милюкова, решенной в Одессе).

Гокие едет в Париж в среду, пробудет там 2 недели, потом приедет в Одессу. В Париж едут через Будапешт, Фиуме, Венецию — всего 7—8 дней.

В Бухаресте военное положение; к 10 часам вечера по домам. В магазинах товару много, цены — за франк то, что в Одессе за рубль. Город грязен, запущен.

30 декабря. Понедельник.

Утром узнал от Л. Д. Черногорчевича, что Энно получал до сих пор по 50.000 рублей в месяц, что полномочия у него очень широкие; что его политическая программа (кем ему дана?) следующая: борьба с большевиками, единая Россия, долой Петлюру.

Положение в Бухаресте — тяжелое; два дня уже стреляли в проходящие войска, которые отвечают тем же. Спасти положение могут 2000 тонн хлеба из России. Теперь спешно проводят аграрный закон.

В Трансильвании, которую союзники присоединили к Румынии, тоже скверно — румыны Трансильвании не хотят идти к своим братьям.

Генерал Бертело спешно вызван в Трансильванию, где неспокойно.

В 11 часов принимает нас с Куракиным начальник штаба генерала д'Ансельма, назначенного в Одессу, подполковник Фредамбэр. Небольшой рост, горбатый нос с вечно сползающим пэнснэ, лицевой тик. Беседуем до 1 часа в присутствии Гокие. Я даю подробный отчет о положении вещей (кн. Куракин, как и всегда, спокойно молчит, куря папиросу за папиросой и принимает участие в беседах лишь тогда, когда ему задают вопрос); говорю о необходимости создания Южно-русского правительства. Гокие вмешивается в разговор: не видит надобности в создании его теперь же, хотя в принципе признает идею правильной. Фредамбэр сперва скепти-

чески относится к идее Южного правительства, а потом загорается. Он требует тотчас же списки, заявляя, что правительство крайне необходимо, что французское командование, не зная местных условий, без поддержки местного правительства, обречено на непоправимые ошибки, что отношения с Добровольческой Армией будет трудно наладить, в виду крайней отдаленности центра ее и что, по сведениям, приходящим к французам из Одессы, трения с нею неизбежны. Заявляем с Куракиным, что мы не имеем списка правительства, вопрос о котором только теперь дебатируется, но обещаем представить список членов Ясского Совещания и С. Г. О. Р., из состава которых и придется, повидимому, заимствовать кандидатов в правительство.

Фредамбэр приедет в Одессу с генералом д'Ансельмом дней через 5—6; ехать не торопятся — ничего хорошего не ждет их. Послать больше французских войск не могут — неоткуда взять. Дан приказ о взятии у петлюровцев Николаева. Мы просим поторопиться взятием Херсона, Аккермана, Беляевки (где днестровский водопровод, снабжающий Одессу водою) до ст. Раздельной. Обещал.

Высказывается за необходимость соглашения с социалистами. Говорит о пробольшевистской агитации в Одессе «des juifs». Я поправляю «israelites»; насторожился, избегает говорить дальше «juifs». Говорю, что еврейский вопрос крайне важный на Юге России, особенно в Одессе с ее многочисленною еврейскою интеллигенциею, еврейским торговым и финансовым аппаратом. Просит зайти завтра, чтобы поговорить об этом специально.

Днем был с Куракиным у нашего румынского посла Станислава Альфонсовича Поклевского-Ко-

зелл; был там и генерал Геруа (начальник штаба генерала Щербачева). Посол сообщил нам, что Колчак прислал телеграмму Сазонову такого содержания: Колчак становится во главе Всероссийской власти, желал бы координировать свои действия с действиями Деникина, просит указать, как это сделать. Сазонов ответил: единая, неделимая Русь и необходимость координации действий Колчака с общим планом Деникина (значит подчинение Колчака Деникину, комментирует посол).

Далее посол рассказывает нам со слов французских кругов о непринятии нашей делегации в Париже; общие мотивы: германофильство Милюкова и Гурко, крайняя реакционность Гурко и Н. Н. Шебеко, да и вообще неприемлемость делегации, как реакционной (бедные Фундаминский и А. А. Титов!); далее указывалось на то, что в Риме виза была получена нашими делегатами от французского посла, вследствие недоразумения — он не знал индивидуального состава и личных особенностей членов делегации, а действовал, доверяя визам, поставленным в Одессе каким-то («soit disant consul») Энно, неизвестным правительству. Предположение посла — наша делегация послужила Клемансо козлом отпущения, в виду сильной оппозиции в парламенте против вмешательства в русские дела. О размере этой оппозиции можно судить по двум фактам: предложение Клемансо о необходимой помощи антибольшевистским русским силам прошло лишь 45 голосами (было опасение, что Клемансо, получив такое слабое большинство, подаст в отставку); Пишон (министр Иностранных Дел), давая об'яснение в парламентской комиссии о политике Франции в русском вопросе, отрицал военное вмешательство

Франции (это после посылки десанта в Одессу!) хотя и говорил, что задачею французов должно быть — «extirper le bolchevisme» (вырвать с корнем большевизм).

Планы Бертело, по словам генерала Геруа, такие: 12 дивизий из добровольцев, набранных во Франции, на хорошем окладе с огромным снабжением и снаряжением, которого у Франции так много — пулеметы, танки, артиллерия. На все это нужно три месяца срока. Геруа в общем подтверждает цыфры, сообщенные мне капитаном Поповичем, хотя, по его сведениям, в Южной Армии большевиков не 34.000, а около 50.000 (а в Яссах он докладывал нам, что на Южном фронте у большевиков 192 тысячи человек); Геруа едет в Одессу к д'Ансельму. Для чего, от кого?

Посол указывает еще на то, что англичане собираются сделать десант на Мурмане и оттуда идти на Петроград (получено даже какое-то радио, что англичане вошли в Петроград!). Бертело предложил англичанам и американцам, через здешних их представителей, пересмотреть вопрос о сфере влияния (слава Богу) и ждет помощи от них на юге. Американцы еще путаются в вопросе о большевизме и действуют крайне вяло. Здешний американский посол Вопика принимает всех, в том числе принял и петлюровцев. Вопика после Ясской конференции потребовал от своего правительства присылки 200.000 человек. Ответа еще нет.

Наконец последняя новость — Чернов с другими членами б. Учредительного Собрания бежал из Уфы. Французскому послу телеграфировали по этому поводу: «cela laisse entrevoir la consolidation».

В отношении Энно — здесь общее неудовольствие,

особенно из-за второй декларации, выпущенной им в Одессе, после возвращения из Ясс, где содержится косвенное признание власти Гетмана; Энно этим превысил полномочия (это верно, декларация и нас удивила, когда мы ее впервые увидали в Тирасполе); Энно оправдывается тем, что надо было противопоставить какую-нибудь власть натиску петлюровцев и большевиков. А о Добровольческой Армии на юго-западе, как о власти, серьезно говорить не приходилось. Английский посол Барклей уже получил нагоняй от своего правительства за обещанную Киеву устами Энно помощь союзников «в пределах, в каких понадобится». Вопрос этот еще только рассматривается английским правительством и предрешать его в положительном смысле — преждевременно. На французов тоже надежда плоха: в восточной французской армии число больных очень велико, да к тому же 2 возраста уже отпущены по домам.

Был у маркиза Белуа, французского агента по речному транспорту; очаровательно любезен, искренне привязан к России, которую знает десятки лет, готов всячески поддержать... но, кажется, никакого значения не имеет.

Обедаем с П. В. Мариновичем — сербом, помощ. начальника русского политического отдела при штабе Бертело. Советует отнестись с доверием к Гокпе, который едет в Париж, чтобы наладить правильное отношение к русским делам (поддерживает Добрармию, увлекается Шульгиным, не знает Юга России). Говорит о получении от Колчака телеграммы о перевороте в Омске. Слова телеграммы «разогнал Уфимскую Директорию» толкует в том смысле, что Колчак арестовал Авксентьева. Говорит, что Сазонов телеграфировал Маклакову протестовать

против попытки генерала Маннергейма взять со шведами Петроград. Советует меньше говорить французам о большевиках, которых они не боятся, чем о немцах, которым они всячески готовы мстить.

В ресторане встретил Вопику — этот американский посол плохо говорит по английски. Хотел бы знать, на каком языке он умудрился обласкать петлюровских послов, которые в восторге от него. Вечером доклад Черногорчевича о состоянии наших складов в Румынии и о наших военнопленных.

Узнаю, что французы решили устроить отдел пропаганды среди французских войск на юге; назначен офицер Савольер с большими средствами (?) — он служил 2½ года в Мадриде, где заведывал политической частью. Конечно, о большевизме в Мадриде он не много слышал, о русском языке понятия не имеет, значит пригоден.

Забавно сведение Черногорчевича — французы, давшие нашей делегации 24 часа на выезд из Парижа, теперь очень озабочены тем, что англичане хорошо встретят изгнанных.

31 декабря. Вторник.

В 10½ часов мы в Athené Palace и составляем вместе с Мариновичем и Гокие список членов Ясской Делегации и С. Г. О. Р. для ознакомления с ним штаба Бертело.

В 11 часов мы у полковника Капюс (начальника штаба Бертело); серьезный, холодный, вдумчивый человек. Сообщает нам о приказе занять Херсон; повторяю и ему о необходимости занять Беляевку, где Одесский водопровод, а также близ лежащие Маяки. Указываю на то, что одни лишь немцы мо-

гут навести порядок в Киеве и между Киевом и Одессою и помешать большевикам захватить Киев. Предлагаю ему то, что безуспешно предлагал пять недель назад на Ясском совещании — вызвать сюда немецкое обер-командование и представителей Немецкого Совета Солдатских Депутатов в Киеве и поставить им ультиматум, взявши у них заложников. Капюс заинтересовался, обещал рассмотреть вопрос, но, разумеется, ничего не выйдет, так как гордость не позволит французам дать возможность немцам оказать им услугу. Говорю осторожно о желательности пересмотра сфер влияния — даю понять, что англичан боятся в портовых городах больше чем французов, вследствие репутации английского флота. От разговора на эту тему уклоняется — не его, дескать, дело.

Говорю о желательности образования Юго-западного правительства, хотя бы сперва в форме совета при французском командовании (на этой форме мы с кн. Куракиным остановились, как на наиболее приемлемой для французов). В принципе одобряет, советует привлечь социалистов в Совет. Когда говорю о денежных затруднениях и о неизбежности для будущего правительства печатания новых денежных знаков, возражает, предлагает уничтожить все существующие знаки и ввести новый денежный знак, гарантированный союзниками.

В 1 час завтракаем с С. А. Поклевским-Козелл. Рассказывает, что делегация генерала Краснова предложила здесь генералу Щербачеву стать во главе всех русских армий; генерал Щербачев, верный своему вотуму на Ясской конференции в пользу Деникина наотрез отказал, заявив, что подчиняется генералу Деникину. Бертело предложил Щербачеву

ехать в Одессу. Щербачев предпочел послать в Одессу генерала Геруа, а сам решил ехать в Екатеринодар и поговорить с Деникиным, чтобы выяснить свою роль, как лица аккредитованного Деникиным перед союзниками.

После завтрака идем к послу. Знакомимся с последними телеграммами: Колчак одержал победу в Перми — взято 18 тысяч пленных, 60 пушек, 4000 вагонов. Сообщает нам текст телеграммы Колчака о перевороте в Омске.

Интересно, что ни Колчак не пишет Деникину, ни Деникин не спрашивает Колчака на основании каких полномочий и прав он произвел себя в носителя верховной власти; подлинно, кто палку взял, тот и капрал.

Любопытно еще и то, что верховную власть Деникин признал за Колчаком постольку поскольку.

Могу себе представить, что на этих «юридических» основах понастроят впоследствии.

Едем с визитом к французскому послу графу де Сент Олэр. Он переезжает сегодня в здание Австрийского Посольства, принять нас не может; любезно соглашается приехать к нашему послу, чтобы переговорить с нами.

В 6½ идем опять к маркизу Белуа. Читает нам вчерашние радио. В Николаеве 2.000 петлюровцев; французское командование в Одессе просит прислать военные суда; отсюда посылают офицера на миноноске для выяснения возможности десанта одного из одесских французских полков.

Выражает крайнее сожаление по поводу инцидента с Милюковым в Париже. Очень одобряет идею Южно-русского правительства, обещает поддержать Энно. Говорит, что с каждой телеграммой из Па-

рижа становится яснее и яснее, что на вооруженное вмешательство в русские дела особенно рассчитывать не приходится: идея вянет.

Ставлю ребром вопрос: «а не уйдут ли из Одессы союзнические войска?» — «Надеюсь, что нет. Франция захвачена колесом — она будет идти вперед». Нужно во всяком случае работать, послать во Францию новую делегацию с Сазоновым во главе. Сам Белуа для той же цели отправляет в Париж Гокие. Одобряет наш план работы во французских войсках в Одессе. Предлагает войти в соглашение с социалистами.

В 7½ — беседуем с французским послом у Поклевского-Козелл. Посылка Милюкова и Гурко в Париж — крайняя неосторожность, знай он, де Сент Олэр, состав делегации заранее, он бы его не допустил (!). (Напоминаю ему, что ведь Милюков получил персональное приглашение на Ясскую конференцию, это ведь означало, что союзники не очень то ставят ему в укор его немецкую ориентацию.) Во всяком случае теперь никому не разрешит виз в Париж без предварительного запроса. О Сазонове он уже запросил. Ответ благоприятный. Находит, что Сазонов n'est pas un homme politique, il faut l'entourer (не политический человек, нужно дать ему сопровождающих). Следует послать с ним левых и даже социалистов. Если же Сазонов не согласится на такую компанию, то пусть останется один на первом плане, а другие будут за кулисами. Он, посол, берется получить разрешение для социалистов. Сазонов для них приемлем не как homme politique, а лишь потому, что не запачкан сношениями с немцами и внушает личное доверие. Одобряет совет, на правах правительства, при французском коман-

довании, настаивает на включении в него социалистического элемента и исключении всех неприемлемых для Франции по реакционности или из-за германофильства. Сам уходит от русских дел — все сосредоточится в руках генерала Бертело, который обещал сохранить и Энно, и весь старый аппарат.

Обедаем в 7½ часов с Гокие. Будет в Париже пропагандировать Сазонова; хорошо бы с ним послать социалистов — вот, например, Фондаминского. Спрашиваю, что это за оказия, что все французы, словно сговорились — и Сент-Олэр, и Белуа, и Капюс, и Фредамбэр — все говорят о необходимости привлечения к делегации и в правительство социалистов, а выпроводил же Клемансо из Парижа, заодно с Гурко и Милюковым, социалистов Фондаминского и А. А. Титова. Говорит, что в парламенте группа социалистической оппозиции беспокоит Клемансо, готового при всяком случае дать ей взятку людьми.

Гокие просит передать Кривошеину и Савичу, что их агитация за б. вел. кн. Николая Николаевича известна французам и что генерал Бертело никогда не согласится на переход военного командования к великому князю.

По словам полковника Капюс, в Марселе погружены в Россию две дивизии; отходили от берега с криками «ура». Крайне необходим список лиц, уполномоченных ответственными организациями для бесед с французами; а то ходит много народа, сбивает их с толку; вот на днях Мария Павловна младшая прислала к ним дворянина Павлова. В связи с еврейскими погромами, которые поляки учинили во Львове, в штабе Бертело поднят вопрос о том, чтобы убрать поляков из Одессы.

1 января 1919 года. Среда.

Бертело не приезжает сегодня. Решаем выехать обратно в Одессу.

Выезжаем в три часа; вокзал — клоака, поезда и того хуже; на крыше нашего вагона около 40 человек.

Говорил с Куракиным об упрощенном понимании французами подоплеки большевизма: Куракин крепко верит в существование жидо-масонских организаций.

2 января. Четверг.

В Барбоше на станции какой-то лейтенант втискивает большой чемодан сквозь толпу, облепившую ступеньки у входа в вагон и заполнившую площадку; стоящий на площадке еврей протестует; жандарм вырывает у него из рук чемодан, отшвыривает его и кричит о «жидовской амбиции». Еврей молчит, публика тоже.

В Галаце узнаем, что пароходов в Одессу нет и неизвестно, когда будут. Стоит в порту лишь «Христофор» — канонерка с Дона, прибывшая с делегацией от Краснова. Взять нас на борт не может — маленькая кают-компания переполнена.

Приходится застрять в грязном городишке. Едем смотреть город. Кучер — старый скопец. Любопытствуем, как он себя чувствует в скопческом состоянии. «Да, что, барин, мало ли нас — вот и Кутузов и Суворов, ведь тоже скопцы были». О большевиках говорит — «когда приедет наш Николай Николаевич (участвовал в Турецкой войне, смешивает старшего Николая Николевича с младшим), вот

и прогонит этих проклятых жидов, что губят Россию». — «Каких?» — «Да вот Ленина». — «А ведь Ленин православный и дворянин». — «Как же он тогда может мучить бар?» — Другой скопец, молодой, слушая нашего кучера, говорит: «Что наш старик волнуется, нам все равно, что в России делается, лишь бы здесь хорошо было».

4 января. Суббота.

Еще два дня безделия в гостиннице, — а парохода из Одессы нет. Нет и парохода в 6.000 тонн, которого давно ждут из Одессы для погрузки снарядов из складов. В гостиннице капитан 2-го ранга Финшау (б. паж.); был с генералом Эрдели у б. вел. кн. Николая Николаевича. Великий князь обо всем осведомлен, готов бы взяться за дело, но находит это еще несвоевременным. Сношения у Деникина с Николаем Николаевичем, по словам Финшау, тесные. Финшау с генералом Эрдели направлялись собственно в Яссы на конференцию, чтобы ее «корректировать»; кто их посылал, для чего — так и не выяснил; не попали в Яссы — застряли в Одессе. Потом поехали в Болгарию где взяли из наших складов все, что годилось — 20.000 ружей и 40 миллионов патронов. Остальное, что было получше — раскрадено. В Галаце неожиданно румыны об'явили, что все русские должны иметь французские визы; а за отсутствием их заарестовали в гостинницах всех русских офицеров, в том числе и занятых погрузкою русского снаряжения из складов Румынии.

Тут же в гостиннице знакомлюсь с капитаном Щербачевым; несколько месяцев тому назад он

встретился с английским полковником Бойл, который приехал из Англии снаряжать экспедицию для «спасения» членов б. императорского дома, живших в Крыму. Щербачев и полковник Казнаков соблазнились и поехали с ним. Николай Николаевич не принял их, потребовал предварительно письменных полномочий от союзников, а Мария Федоровна, Ксения, Ольга и Александр Михайлович, приняв, отказались ехать.

5 января. Воскресенье.

Садимся наконец на пароход, который должен отойти в Одессу в 12 часов дня; вместо отхода, сперва ждем приезда из Браилова 180 офицеров, скопившихся там путем просасывания из Австрии, Германии; а потом едем за ними в Браилов, куда приходим в 6 часов дня. Там офицеров этих нет — приходится ждать их до утра. А пока что на рейс за ними израсходовали весь уголь; где достать новый запас — неизвестно.

6 января. Понедельник.

Стоим в Браилове; на берег не выпускают; угля не дают. Кн. Куракин едет к префекту просить угля. В ожидании беседуем с генералом бароном Майдлем, который прислан сюда Красновым; служит у генерала Щербачева. Соглашение между Красновым и Деникиным состоялось — Краснов подчинился Деникину с условием сохранения права производства в чины на Дону. Все снаряжение для Краснова пойдет впредь через Деникина. Генерал Эрдели до сих пор нагрузил в Варне лишь 5 мил-

лионов патронов. Из Румынии не вывезено еще ничего. Нужны тут деньги, но неоткуда их достать. Представительство Добровольческой Армии (генерал Щербачев) в Румынии бесправное; пути сообщения в Румынии ужасные, все дело стоит.

Вернулся кн. Куракин; достал уголь у англичан. Прибывшие офицеры, за которыми мы поехали в Браилов, в ½ часа нагрузили уголь на пароход, таща большие куски в руках, малые — в плетеных корзинках; работают весело, дружно, радуясь, как дети, что вот де офицеры, а работают, как грузчики, все до полковников генерального штаба включительно. Офицеры из б. пленных говорят, что по Германии и Австрии проезжали повсюду даром, часто получая и еду в буфетах бесплатно. В Вене полный порядок, а Берлин похож на Петроград после февральской революции. Русских офицеров встречают повсюду с распростертыми об'ятиями.

За обедом кн. Куракин рассказал, что он был у б. вел. кн. Николая Николаевича в ставке в 1916 году по поручению генерала Н. И. Иванова в день, когда высочайшим указом Николай Николаевич устранялся от должности верховного главнокомандующего. Николай Николаевич горько при нем жаловался на обиду и плакал, плакали и все присутствующие. В это время пришел офицер, посланный Николаем II и сообщил, что государь приедет на вокзал провожать б. великого князя. Николай Николаевич сказал Куракину: «забудьте мои слезы и рассказывайте всем, что государь меня провожал; это нужно для его престижа».

Перед отходом — неожиданное развлечение. Пароход наш причален не к берегу, а к барже, от которой сходни идут на берег. Все мы стоим вдоль

борта и ждем не дождемся отхода. По барже прогуливается румынский полицейский в коричневой шинели, при палаше, с высокою, остроконечною смушковою черною шапкою; он слегка пошатывается. В нескольких шагах от него — двое в штатском: таможенный чиновник и полицейский комиссар. Таможенный делает какое-то замечание городовому, тот размахивается и отпускает звонкую пощечину чиновнику; подбегает полицейский пристав и кричит на городового — в ответ и ему удар наотмашь по лицу. Пристав обалдевает, смотрит на нас, как бы ища защиты; видит не скрывающие удовольствия по поводу происшедшего, улыбающиеся лица наших офицеров; быстро выхватывает палаш из ножен, прикрепленных к поясу городового и бьет его им плашмя по лицу; кровь течет по лицу городового, он кидается на защищающегося палашем пристава; два часовых с ружьями бегут на баржу, хватают городового; тот бьет кулаками, как молотком; получает дикие удары в ответ, шатается, падает, вскакивает, опять бьет. Офицеры входят в азарт, кричат: «здорово, сыпь». — Через несколько минут городового, залитого кровью солдаты волокут по набережной в портовый сарай.

Отходим.

7 января. Вторник.

Стоим в молочном тумане на якоре, в 50 верстах от Одессы, где начинаются минные поля. Качает, в ресторане все с'едено.

ГЛАВА IX

ВОКРУГ ОРГАНИЗАЦИИ ЮЖНО-РУССКОЙ ВЛАСТИ

Совещания С. Г. О. Р., Национального Центра, Союза Возрождения и Земско-Городского Союза. — «Советы» ген. Лукомского. — Неудачные попытки создать печатный орган С. Г. О. Р. Доклад П. П. Новгородцева о принципах организации власти: ориентация на Деникина. — Хаос, создаваемый Екатеринодарским Правительством на Юго-Западе. — Ночь под Новый Год в Одессе.

8 января. Среда.

В 10 часов утра в Одессе после одиннадцати дневного отсутствия. Из Киева приехали члены С. Г. О. Р. — С. Н. Маслов, гр. В. А. Бобринский, гр. Гейден, кн. А. Д. Голицын, П. П. Менделеев, А. М. Масленников, М. А. Нарожницкий, кн. Н. Б. Щербатов, проф. П. П. Новгородцев.

За время нашего от'езда в Одессу приезжал от Деникина его правая рука, генерал Лукомский. По словам барона, он произвел в Одессе скверное впечатление; держался надменно, настаивал на полной централизации власти в Екатеринодаре, на лишении

генерала Гришина-Алмазова всякой инициативы, боится пуще огня образования Южно-русского правительства, требует передачи всего Коммерческого флота в распоряжение Деникина: сообщил, что в конце января или начале февраля, Деникин переезжает со всем штабом в Симферополь. Никакого понимания шаткого положения Екатеринодарского правительства в Одессе.

В 5 часов — заседание 4 организаций: от С. Г. О. Р. — барон В. В. Меллер-Закомельский, кн. Е. Н. Трубецкой, гр. В. Бобринский, А. М. Масленников, С. Н. Маслов, А. С. Хрипунов и я; от Национального Центра — П. П. Юренев, Н. К. Волков; от Союза Возрождения — В. А. Мякотин, гр. П. М. Толстой, И. И. Фундаминский и от Земско-Городского Союза — М. В. Брайкевич, В. В. Руднев, Я. М. Рубинштейн, С. Я. Елпатьевский и Н. В. Макеев.

В. В. Руднев предлагает 4 темы на обсуждение: составление обращения Добрармии к населению, обращение французской армии к населению, организация Южно-русской власти и организация местной власти в Одессе.

Мякотин сообщает, что третьего дня три организации (кроме С. Г. О. Р.) послали делегацию к Лукомскому, настаивая на передаче управления Одесскому триумвирату из Гришина-Алмазова, Брайкевича и Бутенко. Лукомский предложил обождать проезда через Одессу Деникина, дней чрез 15—20 по дороге в Букарест. Пришлось согласиться.

Далее Мякотин предложил включить в декларацию Добрармии заявление, что армия не предрешает формы правления, что форму должно наметить Всероссийское Учредительное Собрание, что армия

будет уважать одинаково права всех национальностей, что она будет защищать общегражданские свободы. В. Руднев прибавил — «и восстановит земские и городские самоуправления на принципе всеобщего избирательного права». Я. Рубинштейн требует включения свободы стачек и профессиональных союзов.

Опять шпаргалка становится впереди жизни. Фундаминский чувствует это и опрокидывает настроение коллег: все это не нужно, важно только установить, как будет создана Всероссийская власть; все остальное будет логически вытекать из этого основного положения.

Вопрос решено обсудить по организациям.

В 8 часов вечера делаю доклад о поездке с Куракиным в Букарест; присутствуют члены С. Г. О. Р. — генерал Гришин-Алмазов и Пильц. Подчеркиваю необходимость, по мнению французов, демократического курса и соглашения с социалистами; если бы не присутствие правого кн. Куракина, мои сообщения о том, как все французские представители напоминали нам о необходимости приобщения к делегациям и правительственным комбинациям социалистов — сочли бы за пристрастное истолкование заявлений французов.

Генерал Гришин-Алмазов делает доклад о военном положении. С добровольцами в Одессе плохо: офицеры настолько недисциплинированы, что придется расстрелять несколько человек — другого средства нет. Набор, об'явленный Добрармией ничего не дал: полный провал; авторитет Екатеринодарского правительства — нулевой. Для отвоевания Украины от петлюровцев — достаточно 25.000 французов.

В 11 часов вечера зашел Демченко: с приездом Лукомского, одесское «правительство» и без того малодеятельное, вследствие неопределенности своего положения, впало в окончательное бездействие; Лукомский, принимая заведующих отделами, говорил, чтобы они ничего не предпринимали без разрешения из Екатеринодара; «а для поддержания тесного контакта, сказал он, пусть заведующие отделами, ездят по крайней мере, раз в месяц в Екатеринодар». Махнули рукой — с этакими администраторами далеко не уйдешь в спасении России.

9 января. Четверг.

Встречаю утром гр. Ланжерона. Генерал Борщ хотел закрыть «Одесские Новости» и «Одесскую Почту» — Энно воспротивился. Тоже думает, что с 25 тысячами французов можно отвоевать Украину, но генерал Борщ боязлив и нерешителен.

В 12½ часов — заседание С. Г. О. Р. Решаем, наконец, что необходимо приступить к созданию Южно-русского правительства. Плоды талантливого управления Югом России из Екатеринодара уже очевидны даже для Гришиных-Алмазовых. Для об'яснения Деникину мотивов нашего решения С. Н. Маслов, кн. Е. Н. Трубецкой и Хрипунов поедут от нас к Деникину. Опять я предлагаю свой план организации Южно-русской власти с общими с Добрармией министрами военным и иностранных дел. Маслов предлагает и общего министра финансов. Возражаю — соглашаются со мной. На завтра будет приглашен М. В. Бернацкий, приехавший из Екатеринодара, для доклада нам о финансах Добрармии и ее финансовых проектах общего характера.

В 3 часа — заседание С. Г. О. Р. с приглашенными лицами для заслушания доклада А. Оцупа о результатах переговоров делегаций промышленников Юга России с генералом Лукомским. Результаты нулевые, впечатление скверное — никакого понимания нужд края, никакого желания их понять, солдатское подтягивание и ревнивое оберегание своих «прав».

В дебатах выясняется необходимость успокоения еврейского населения Юга России относительно намерений Добрармии; говорят речи о заслугах евреев пред Добрармией А. М. Масленников и гр. А. А. Бобринский — одни евреи вносили в Киеве крупные суммы на поддержание Добрармии. Единогласно решаем требовать от Деникина декларации по вопросу о евреях.

После заседания барон сообщает мне, что, получив от Пильца миллион рублей на работу Ясской делегации и во исполнение решения С. Г. О. Р. о создании печатного органа (дело поручено было мне пред моим от'ездом в Букарест), он, желая ускорить дело и не зная, когда я вернусь, передал дело создания газеты А. А. Пиленко и М. М. Горелову (Гаккебушу). Только этого не доставало! И так физиономия нашего С. Г. О. Р. искривлена вправо, как человеческое лицо при левостороннем параличе, а тут еще печатный орган с видным сотрудником «Нового Времени» во главе. Пытаюсь об'яснить барону всю дикость его затеи — растерянно отвечает: «ведь, талантливые люди, чего Вы хотите?» Собираю на вечер экстренное заседание Бюро С. Г. О. Р. Решаем образовать издательскую коллегию из Хрипунова, Нарожницкого и меня и Редакционный Комитет из барона, кн. Щербатова, кн. Е. Трубецкого, проф. Новгородцева, Хрипунова и меня. А пока что,

барон успел уже выдать сотни тысяч на аренду типографии, авансы сотрудникам, бумагу и т. п. Говорю барону: «Вы увидите, сколько у нас будет неприятностей от того, что прикоснулись к осиному гнезду «Нового Времени». Оказался пророком — приходит вечером Пильц и спрашивает: «Кто такой Л. Гольштейн из «Нового Времени»? — Об'ясняю. «Сегодня пришел ко мне он с жалобой на А. Пиленко, что тот использовал фирму «Нового Времени», якобы ему, Гольштейну, принадлежащую. А какой-то Охотников был у Гришина и заявил ему, что раз он дал деньги А. А. Пиленко на «Новое Время», то он должен привлечь и других сотрудников «Нового Времени». И это только начало.

10 января. Пятница.

В С. Г. О. Р., кроме обычного состава бюро, — Ф. И. Родичев, Бурышкин (б. товарищ Московского Городского Головы). П. П. Новгородцев делает доклад по вопросу о создании Южно-русской власти. Гетман Скоропадский опирался на иноземцев, и мы хотим сделать то же самое. Конец Гетмана требует от нас сугубой осторожности. Гетман созидал государство на Украине до завершения революционного цикла — мы в таком же положении. Способ создания Гетманской власти на Украине был не государственный, а полицейский; забыли, что скороспелое обращение к Гетману, как к царю, могло привести к тем же результатам, что избрание Василия Шуйского в 1606 году — это было не концом смуты, а новым поводом к ней: усилением власти большевика того времени — Тушинского вора. События подтвердили неподготовленность Украины к принятию новой

власти: по словам гр. Келлера, у Гетманского правительства была только одна пушка. Движение Петлюры имеет две основы: национальную — галицийские шовинисты (Коновалик, Мельник и часть офицеров), и социальную — с лозунгом «большевизм без большевиков», проводимого Винниченкою и Шаповалом. Движение это серьезное, но преувеличивать его значения не надо. Создание самостийной Украины — давнишний план немцев, откуда ведется агитация. С другой стороны — Украинское движение будет поглощено большевизмом; так, две недели тому назад было заседание социалистов в театре, в присутствии Винниченко и Чеховского; были там и большевики. Правительство обещало разрешить полную свободу пропаганды с условием, чтобы большевики не пропагандировали вооруженного восстания; большевики отказались давать какие-то бы ни было обещания. Выводы: 1. ожидая иноземной помощи, мы не должны полагаться на нее, должны думать прежде всего о самопомощи; взоры должны быть обращены не на Париж, а на Екатеринодар и Ростов; 2. надо строго заранее определить, чего требовать от иностранного вмешательства, чтобы не запугать их чрезмерностью требований; престиж иностранцев так велик, что и малыми силами можно с ними достигнуть больших результатов; 3. бесполезно надеяться взять большевиков измором; 4. необходимы новые формы соглашения с социалистическими группами. И как вывод: опыт сохранения Украины не удался Гетману потому, что хотели ее спасать без содействия России; нужно делать, обратное. Только общая с Россией работа спасет Украину.

Значит ехать в Каноссу, в Екатеринодар; все от-

дать военным и терпеливо ждать результатов их неизбежных ошибок. Я не раз задумывался над психологией ка-детов, особенно ее многочисленного профессорского состава, неудержимо толкающей их в об'ятия военной диктатуры — нет ли тут типичного русско-интеллигентского (особенно подчеркнутого у профессионалов мозговой работы — профессоров) отвращения к физической борьбе, поддерживаемого полным пренебрежением к спорту в нашем воспитании? Сквозь знамя ка-детского «Национального Центра», на котором начертано: «военная диктатура» — вижу худосочные мышцы, тысячи просиженных на заседаниях стульев, катарральные желудки и мучительный геморрой.

Пытаюсь через Фундаминского подготовить социалистические группы к организации Южно-русской власти на следующих началах: правительство на б. Гетманской территории избирается собранием из представителей четырех организаций, которые теперь работают в Одессе. Все министры назначаются по соглашению этих 4-х организаций, кроме военного и иностранных дел, которые назначаются по соглашению с Деникиным. Обещает работать в этом направлении.

Проф. Бернацкий делал у нас доклад. Начал с беспощадной критики бездарности всех наших проектеров; говорил с пафосом о неприемлемости обычных методов создания средств и кончил открытием Америки: надо усиленно печатать денежные знаки.

11 января. Суббота.

Отделение Государственного Банка получило телеграфное приказание от Деникина — ничего не

платить без приказа из Екатеринодара. Конец даже той жалкой автономии, которую имел край, отстоящий от Екатеринодара на тысячу верст. Войстину quem Jupiter perdere vult — dementat.

Ипьц в отчаянии: Екатеринодар не дает развить местной работы, канцелярски сух, далек от жизни, ревнив только к своей власти — остального как будто не понимает, либо не интересуется им. А в городе хлеба нет, угля почти нет, цены на припасы растут. Французы бездействуют, полиция — Украинская варта — сущие разбойники. Шульгин забирает в свои руки все — взял к себе политический отдел и отдел пропаганды; оттолкнет от борьбы с большевиками и умеренно-левые элементы. План Екатеринодара — назначить по Украине несколько генерал-губернаторов, правящих по указке из Екатеринодара... Ипьц будет писать Деникину, что все это только на руку большевикам, но на успех не рассчитывает.

В С.Г.О.Р. принимаются большинством тезисы доклада Новгородцева; решают разработать практический план, вытекающий из них — а работать некому. Большинство оживляется только за столом; вне еды — мертвая спячка. Все же по одному вопросу намечаем комиссию с С. Н. Масловым во главе: по вопросу о замене провалившегося на практике принципа воинской повинности принципом вольного найма за хорошую плату. Разумно, но безнадежно. Екатеринодар провалит: не доросли до широкого размаха. Поручают мне представить проект образования Южно-русской власти, как я ее понимаю.

Встречаю старого Н. А. Хомякова; не видел его давно — бедняга осунулся, похудел под ударом

беспощадной судьбы (единственный сын, приехав после бесконечных мытарств в Одессу, умер от воспаления легких; любимые племянница и племянник убиты при нападении на родовое имение, ограбленное до чиста).

Узнаю, что в Одессе во главе охранного отделения состоит знаменитый Логвинский, сотрудник не менее знаменитого генерала Батюшина, приговоренный к арестантским ротам за вымогательство. Указываю Пильцу на весь ужас работы с такими людьми в крае, захваченном щупальцами большевизма. Говорит, что уже сообщил об этом Гришину-Алмазову, а тот сказал: «А где я возьму других охранников?»

12 января. Воскресенье

М. В. Челноков делает сообщение о Киеве: вывески на русском языке срываются — большевики фактически хозяйничают.

Барон сообщает телеграмму, полученную Гришиным от Деникина: он требует полного подчинения, у Гришина нет права назначений на должности от IV класса и выше, никаких ассигновок без предварительного разрешения Екатеринодара, немедленное увольнение всех 8 «министров». Единственная уступка — соглашается на совещание Гришина по принципиальным вопросам гражданского характера с городским головою и председателем Херсонской Земской Управы.

Телеграмма поражает даже правоверных: Шульгин заявляет, что выходит из Особого Совещания при Деникине, а Гришин-Алмазов и Пильц подают в отставку. Решаем протестовать пачкою телеграмм: Шульгин и Энно уже отправили свои, я с Пильцем

составляем телеграмму от С. Г. О. Р. за подписью барона. Настаиваем на нелепости управления Юго-Западом из далекого Екатеринодара, требуем пересмотра вопроса.

Все устали, все надоело, ерунда невылазная. Заранее ясно, что ничего не выйдет. И как хотелось бы цукнуть всех этих недотыкомок, недотеп, головотяпов и прочих специфических продуктов российской политической истории. На что был жидок искусственно подогреваемый авторитет Деникина от которого скоро следов не останется, а в Екатеринодаре ведут себя с уверенностью династии, за которой числится десяток Людовиков XIV и Петров Великих.

13 января. Понедельник.

В 11 часов — бюро С. Г. О. Р. Новгородцев предлагает текст декларации Деникина к населению; включено в нее и предоставление Учредительному Собранию определить форму правления в России — принята; проходит в бюро и сговор с социалистами для создания власти.

В 3 часа заседание четырех организаций для рассмотрения Новгородцевского проекта декларации. Социалисты требуют прямого указания на всеобщее избирательное право, прямое и равное и на Учредительное Собрание, которое некоторые из правых предлагают заменить, чтобы не испугать мракобесов в Екатеринодаре, выражением «всенародное волеизъявление». Споемся.

Вечером приехал М. М. Федоров из Екатеринодара. Там сейчас мало кто остался из членов Особого Совещания; правительственный аппарат плохо налажи-

вается, ибо никто из приглашенных не приезжает. Н. И. Астров и В. А. Степанов в Крыму, чтобы устранить нелады между Крымским правительством и Добрармиею; там те же причины неладов, что и у нас: Добрармия, ничего не давая взамен, хочет забрать в свои руки все; С. С. Крым, В. Д. Набоков и М. М. Винавер противятся этому. Деникин, очевидно, в Крым, как предполагалось, не переедет.

Был у нас М. Бернацкий. Решительно высказывается против сугубо централизаторской политики Екатеринодара; едет туда и будет протестовать (?).

14 января. Вторник.

Гр. И. И. Капнист получил письмо от Н. В. Савича из Ялты; Савич в отчаянии от того, что делается у Деникина — он в руках кадет, никакого плана, никакого порядка, никакой государственности. Любопытно было бы знать, кому угодил Деникин?

Заходил кн. Х...; узнав, что М. Федоров — один из заправил Особого Совещания при Деникине, всплеснул руками: «Ведь это живое воплощение анархии». Напомнил, что в Петроградской Городской Думе М. М. Федорова называли — «общественное бедствие»; к чему он ни подходил — с добрыми и честными намерениями — все, даже самое прочное, начинало терять начало и конец и трещало по всем швам.

Сазонов выехал уже в Константинополь, откуда едет в Рим, где захватит Гирса и с ним и Маклаковым будет защищать русские интересы на Конференции Мира. Сазонов имеет полномочия от Деникина, Краснова, Колчака и Крымского Правительства. Забавное государственно-правовое попури.

Был у меня Ксюнин, которого А. Пиленко привлек к участию в будущей нашей газете «Вперед»; он привлекает сотрудников также из «Речи» и «Биржевых Ведомостей». Если его имя слишком ярко, как нововременца, он готов устраниться. Ну и заварил же кашу барон!

Вчера под Новый Год по старому стилю, ушел от брата (на Троицкой, у Александровского сада) в 12½ часов ночи, чтобы вернуться в Лондонскую гостиницу. Шел по Екатерининской до самого Бульвара. Город во тьме; кое-где мерцают газовые фонари. А со всех концов — из центра, с окраин, из подворотни, где-то тут в нескольких шагах — пальба одиночными выстрелами, пачками, дружным хором. Словно город берут приступом. На улицах ни души, не встречаю ни одного стреляющего; на углу Дерибасовской, хорошо освещенной — первый прохожий; прежде чем окунуться во тьму, из которой я вынырнул, спрашивает: «А много там убитых?» — «Никого, кроме меня», — утешил я его и иду дальше, Считаю число выстрелов; на протяжении 12 минут,— насчитываю 122. А в Лондонской гостинице — пир горою. За всеми столами — шампанское; женщины в бальных туалетах, все киевские аферисты и дельцы в смокингах, а генералитет, особенно орудующий «по снабжению», в мундирах. Метр д'отель с широкой рябой физиономией в десятый раз тоскливо спрашивает меня: «А что не бросят нас французы? Уж больно забирают большевики». — А в самом деле, ведь кончится тем, что бросят!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

ГЛАВА I

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА

Полк. Фредамбэр и ген. д'Ансельм в Одессе. — Проекты организации Южно-Русской власти: мой, кн. Е. Н. Трубецкого и С. Н. Маслова. — Попытка свидания с д'Ансельмом. Французские планы организации управления в оккупированных районах. — Переговоры с социалистами. — Депутация у Фредамбэра. — Планы хлеборобов.

15 января. Среда.

Явилось наконец французское начальство — ген. д'Ансельм и полковник Фредамбэр.

Встретил Фредамбэра на улице; осматривает квартиры, отведенные французским штабным учреждениям. Говорит, что будет прислано много больше двух дивизий, а когда — не знает. Пока что сговорился с петлюровским военным министром, генералом Грековым, о пропуске в трехдневный срок с'естных припасов в Одессу (молока уже нет, яйцо — три рубля штука). Его эти переговоры с петлюровцами не смущают. — «Мы их прогоним, когда нужно будет». — «А пока Вы работаете с австрийцами из Галиции?» — «Лишь бы только не жертвовать жизнями наших солдат», — говорит Фредамбэр. Многообещающее начало вооруженной интервенции.

Секретарь Коростовца, Шереметьевский спрашивает, приму ли я Галипа? Вторично отказываюсь.

В 3 часа заседание Ц. В.-П. К-та. Рабочие уже согласны изготовлять все, что понадобится для Добрармии. Боюсь только, что с малыми средствами, которые в нашем распоряжении, а, главное, при отсутствии правильно налаженного аппарата у Добрармии, ничего не выйдет.

В 5 часов заседание бюро С. Г. О. Р. Читаю мой проект образования Южно-русской власти; никому не угодил. П. П. Новгородцев для вящего уничтожения моего проекта говорит: «Да Вы нам предлагаете власть на принципе федерации». Я не убит этим аргументом, подтверждаю, что защищаю федерацию с 1906 года, когда начал выпускать недолговечного «Радикала»[1]) и до сих пор остаюсь при мнении, что Россию мог бы спасти федералистический строй, без которого и в будущем ей не обойтись. С. Н. Маслову и кн. Е. Н. Трубецкому, которые так же, как и Новгородцев решительно отвергают мой проект, поручаем изготовить контр-проект.

После скандалов нововременцев у Пильца и Гришина — денег на газету не получим.

Заходил в Думу к Брайкевичу и передал ему жалобу Фредамбэра: французские учреждения уже 2 недели ждут обещанных городом дров и до сих пор — ни полена; нет и мебели для бюро и канцелярий. А ведь мы сами союзников к себе зазвали.

16 января. Четверг.

Х... и С. П. Варшавский предлагают мне помочь им восстановить «Русское Слово». Мы даем деньги,

[1]) П созидал радикальную партию.

поддерживаем их ходатайства (о привозе бумаги и т. д.) у союзников, передаем им типографию; они издают сами, но в редакционный К-т входят от нас кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Новгородцев и я. Нахожу вполне приемлемым. Барон категорически отказывается — дескать направление от нас ускользнет и будет газета говорить не нашим языком.

Энно сообщает мне свою беседу с украинским генералом Грековым; в его армии до 80% — большевики. Первый вопрос, который генерал д'Ансельм задал Энно по своем приезде в Одессу был: видел ли уже Энно генерала Грекова? Очевидно, результат работы Украинской миссии в Букаресте. Надо это учесть в дальнейшем.

Вечером сидим с бароном и Куракиным в моем холодном номере (не больше 6°) в теплых пальто и мечтаем, в глубокой мерехлюндии, ехать, не то в Сибирь, не то на Северо-Запад — на французов надежда слабая.

17 января. Пятница.

Утром у генерала д'Ансельма; прошу его принять С. Г. О. Р. — уклоняется, направляет к Фредамбэру. А этот откровенно сказал мне вперед, что до нашего разговора с ним, Фредамбэром, д'Ансельм нас все равно не примет, так как его де со всех сторон теребят. Я заметил, что хотя бы и теребили — французам ведь надо познакомиться с русским общественным мнением. Фредамбэр однако особого желания с ним знакомиться не выразил и лишь после моего настояния, просил притти к нему в 2 часа. Я не утерпел и говорю: «Ведь не забудьте, что у нас люди крупного положения, и они имеют право требовать,

чтобы их принял высший чин французского командования». Обиделся, но отходчив, обещал, после того, как сам с нами познакомится, представить и генералу. А в сущности он прав. Генерал — никчемный, по отзывам других и по моему впечатлению в Бухаресте.

В 12 часов в Бюро С. Г. О. Р. — Маслов и Е. Н. Трубецкой читают их проекты управления Юго-Западным краем: военный генерал-губернатор, назначенный Деникиным; при нем управляющий гражданской частью и заведующие отделами. Говорю, что не стоило и писать проекта — взять просто из I тома Свода Законов положение о генерал-губернаторах; да толку от них в смутное время никакого. Решили, что Деникину представить оба проекта — Маслова и мой.

Хрипунов не едет в Екатеринодар. Должен остаться, чтобы парализовать агитацию Союза Земельных Собственников, входящего в состав С. Г. О. Р. против его, Хрипунова, левизны.

Брайкевич был у д'Ансельма; генерал сказал, что вопрос о расширении зоны французской оккупации решен. А заведующий снабжением города полков. Эсаулов рассказывает, что когда он жаловался помощнику Фредамбэра, что из-за узкой зоны оккупации десяток яиц стоит 40 рублей, — офицер ответил: «Не кушайте яиц».

18 января. Суббота.

Барон пошел к Фредамбэру требовать свидания с генералом д'Ансельмом. Опять сорвалось. Фредамбэр заявил, что д'Ансельм депутации не примет — он солдат и политикою не занимается. С петлюровцами

никакого соглашения нет и скоро будет продвижение в радиусе 100 верст; просит дать списки старшин и городских голов для «постепенно очищаемых местностей».

А одесситы начинают подсмеиваться над французами; их грозный военный престиж быстро тускнеет, вследствие их бездействия — один маленький успех большевиков и от престижа французов ничего не останется. Не сознают ли это и сами французы?

19 января. Воскресенье.

Заходил — некто П. А. Вангааз, рассказал, как убили, повидимому добровольцы, несчастного Гужона в Крыму. Любезность англичан по отношению Н. С. Брасовой беспредельна — по ее просьбе послали из Константинополя в Ялту миноносец «Нереиду», чтобы вывезти оттуда ее подругу.

В 5 часов — заседание бюро С. Г. О. Р. по поводу напечатанной в газетах речи адмирала Колчака, как верховного главнокомандующего всех русских сухопутных и морских сил. Предлагаю в виду этого пересмотреть инструкции, данные Е. Трубецкому и С. Маслову; ведь раз верховный глава адмирал Колчак, то притязание Деникина на подчинение его власти таких территорий, как Юго-Запад, на котором фактически материально власть его вооруженного кулака не распространилась, теряет всякое основание. Единогласно решаем: требовать от генерала Деникина, либо переехать сюда для фактического осуществления власти, либо не вмешиваться в наши дела и предоставить Юго-Западу самому устроиться согласно требованиям элементарного здравого смысла; тем более, что и соседний с Де-

никиным Крым, обходится без него. Решаем ускорить образование Совета при французском командовании, как более простой формы организации власти на месте. Я все же настаиваю на Южно-русском правительстве — возражают, но уже меньше.

Вечером — на открытии кабачка «Веселая Канарейка»; у входа надпись: «Студенты — стражники провожают домой, плата по соглашению».

20 января. Понедельник.

В 3 часа совещание четырех организаций об организации власти. Я предлагаю местное правительство по типу Крымского. Все возражают; социалисты заняты экзаменом бужуазии и интересуются лишь нашим ответом на вопрос: диктатура или директория, и В. Руднев, требуя немедленного ответа от С. Г. О. Р. и Национального Центра, угрожает разрывом с ними социалистических групп. А. В. Пешехонов совсем не интересуется вопросом о местной власти — ему нужно теперь же обсудить, как соединить Дон, Кубань, Крым и Юго-Запад России.

Я в отчаянии: да ведь пока Вы будете об'единять Дон с Кубанью, да Крым с Кавказом, нас с'едят большевики. Тщетно, — реальное отскакивает от них, как пуля от аршинной стальной брони. Спасает сообщение барона о разговоре д'Ансельма с Гришиным по поводу расширения зоны оккупации; Гришин предложил Ансельму свои услуги для организации управления очищаемой от петлюровцев территории — д'Ансельм сказал: сами все сделаем.

Угроза хозяйничанья либо одних французов, либо одного Гришина приводит социалистические группы к сознанию действительности и решаем обсудить в

пятницу проекты организации местного управления и Южно-русской власти, которые социалисты обязуются изготовить. Опять Руднев угрожает, что если в полторы недели не закончим работы, никакой дальнейшей совместной работы наших четырех организаций не будет.

Утром Ланжерон просил меня передать председателю Союза Возрождения, чтобы он зашел переговорить с Фредамбэром, ибо этот последний, показав Ланжерону список членов Бюро С. Г. О. Р. сказал: тут не хватает социалистических элементов. Обещаю поговорить с Мякотиным и Фундаминским; настаиваю на одновременном совещании с Фредамбэром представителей всех прогрессивных партий — намечаем: Мякотина, Фундаминского, меня, Родичева, барона Меллер-Закомельского.

Кн. А. Д. Голицын сообщает о каком-то плане создания Украинской власти, зарождающемся среди групп, провозгласивших в свое время Гетмана. Будет нас информировать. А для того, чтобы остановить попытки французов управлять без нас (очевидно договорились с петлюровцами), прошу Х..., служащего во французской разведке, держать нас в курсе затей французов и сообщить, в чьих руках нити всей французской работы.

Энно в полном загоне; у него в комнатах (рядом с моею) — где прежде толпилась публика — пустыня; никто к нему не ходит, французы его игнорируют.

Пришли греческие войска.

Говорю с Берэнжером, сотрудником агентства «Рейтер», выехавшим из Лондона лишь три недели тому назад — в Англии идея вмешательства в русские дела непопулярна.

Градоначальник Марков (Модль) начал кампанию против картежных клубов — их уже 110 в Одессе. Пильц говорит — Марков честный человек, а потому свихнется в этой борьбе; а вот его помощник — тот уцелеет.

21 января. Вторник.

Утром у Фредамбэра. Французы послали батальон на ст. Раздельную и другой на Колосовку. Во главе управления очищенной территории будет генерал д'Ансельм (читай Фредамбэр). А пока территория еще мала, он будет управлять через генерала Гришина; когда территория расширится, Гришин, как слишком молодой генерал, будет замещен генералом покрупнее, в роде Щербачева. «А намерены ли Вы совещаться с общественными деятелями по поводу вопросов, связанных с оккупацией?» — «Да (показывает данный мною Ланжерону список приглашаемых на совещание лиц), вот, прежде всего надо будет решить аграрный вопрос». И начинает нести какую-то околесицу на аграрные темы. Останавливаю, предлагаю не вносить на совещание никакого проекта с французской стороны, — совещание-де само сообразит; но важнее всего на совещании выработать проект обращения к населению от французской армии; при обсуждении его наметится общая программа по всем вопросам, в том числе и по аграрному. Решаем собраться у него завтра.

При мне звонок в телефон. Фредамбэр отвечает: «Вот что! Значит петлюровцы не хотят уйти?» Делаю движение, чтобы удалиться — удерживает меня. Из дальнейшего разговора узнаю: к французскому офицеру на ст. Одесса-Главная явился представи-

тель Петлюры и сообщил, что требования французов неприемлемы. — «Скажите ему, что это неважно, — говорит Фредамбэр, — я ничего подобного не предлагал; пусть придет ко мне в 7 часов». Обращаясь ко мне: «А я, конечно, в 7 часов дома не буду».

Это называется «продвижением вперед французских воинских частей».

Генерал д'Ансельм уехал в Николаев заменить там греками, уходящий на родину немецкий гарнизон. Немцы петлюровцев в город не пустили и поддерживали в городе полный порядок. Умнее всего было бы заплатить им, чтобы они и дальше остались, но говорить с французами о «boches» еще нельзя.

Барон для составления списка административных лиц для зоны оккупации пригласил гр. Стенбока-Фермора, самого реакционного из российских председателей Губернских Земских Управ (того, что в ноябре 1904 года отказался подписаться под единогласным требованием конституции всех председателей Губернских Земских Управ). Получив этот список, Фредамбэр сказал барону: «Я надеюсь, что он составлен по соглашению с левыми».

Зашел ко мне Фундаминский; я укорял его, что он не поддержал меня вчера в требовании скорейшей выработки проекта организации Южно-русской власти. Говорит, что социалисты требуют прямой постановки вопроса о диктатуре Деникина и наше заявление, что этот вопрос второстепенный, так как он поглощается вопросом об организации власти на Юго-Западе России, который может решиться и вне всякой связи с Деникиным — считают увертюрою с нашей стороны. Говорю, что социалистическая позиция — экзамен буржуазии на невыдвигаемые

жизнью вопросы, стремление захватить в сферу обсуждения в десять раз больше, чем реально требует жизнь и решать вопросы в масштабе, который может осуществиться лишь чрез значительный промежуток времени — это все та же непрактичность, непонимание элементарных требований жизни, которое в эпоху Керенского достаточно нас наказало. Соглашается, как всегда, но...

22 января. Среда.

Заходил Фундаминский; Мякотин уехал из Одессы, а без него Фундаминский не пойдет к Фредамбэру, опасаясь нападок партии; поехал по моей просьбе приглашать Пешехонова.

В 12½ приходит Родичев; закидывается, не о чем де разговаривать с Фредамбэром, а просто требовать невмешательства французов в дело организации порядка (а для чего мы звали их сюда?). Потом предлагает мне (барон его поддерживает) пойти сперва без социалистов и высказать буржуазную точку зрения. Отказываюсь — указываю, что французов мы одни мало интересуем, что все свидание потому только и устраивается, что французы хотят выслушать социалистов.

Французы заняли ст. Раздельная без выстрела; о Колосовке нет еще сведений. Предлагаю Фредамбэру следующую тему для общей беседы: нужно теперь уже подготовлять организацию местной администрации до Киева и Харькова включительно, так как занятие этих городов и территорий может произойти быстро и без предупреждения, о декларации по аграрному вопросу нужно немедленно сговориться. Фредамбэр произносит тут же примерную речь, ка-

кую он скажет совещанию. Схватил правильно. Фредамбэр хвалит Пильца, я поддерживаю: пока что, надо ему предоставить при продвижении вперед организацию сельской и городской полиции, а до выборов органов сельского и городского самоуправления — и приглашение управ. Сажать сельскую полицию, для авторитетности ее, придется смешанным комиссиям из русских и французов.

Родичев за завтраком читает мне выдержки из письма Н. И. Астрова из Екатеринодара. Астров был в Крыму, старался наладить отношения Крымского правительства к Деникину — ничего не выходит. Ка-деты в Крыму в руках социалистов, которые не хотят Деникина. С другой стороны в Екатеринодаре тоже неладно — правительственный аппарат слаб, а настроение в армии реакционное.

Замечаю Родичеву: любопытно, что ка-деты, создавшие «Национальный Центр» с военной диктатурой на знамени, легко забывают об этом, когда власть уже в их руках: С. С. Крым, В. Д. Набоков, М. М. Винавер, Н. И. Богданов и прочие ка-деты Крымского правительства ведь и набор сорвали Деникину в Крыму, когда он его назначил без их предварительного согласия. Не есть ли девиз кадетского «Национального Центра» — «все через армию» лишь кратчайший путь к власти?

Вечером Пильц, Гришин-Алмазов и Энно обсуждали вопрос о своевременности отставки Энно — решили подождать приезда Бертело.

Гр. Ланжерон просит составить краткую характеристику русских политических партий. Он, Ланжерон, временно состоит начальником контр-разведки, а как только приедет заместитель — он будет шефом политического отдела при Фредамбэре. Энно

говорил вчера, что для него единственный выход из теперешнего его положения — это быть назначенным именно на этот пост. Для того, чтобы устроить это назначение для Энно, вчера поехал в Букарест живущий в Одессе брат французского министра финансов Клоц. По мнению Энно, про-петлюровская политика Фредамбэра — последствие влияния на Бертело серба Петровича; а кто сей муж — так и не узнал. Не Попович ли, которого я встретил по дороге в Букарест?

23 января. Четверг.

Заезжал к Пильцу; просил распутать дело о газете. Пильц согласен дать еще тысяч 300. Просит выяснить, как левые смотрят на последнего Херсонского Губернатора при царе — Пищевича, которого хочет теперь назначить на этот же пост.

Было заседание бюро С. Г. О. Р. Предлагаю внести в предстоящее заседание четырех организаций по вопросу о Южно-русской власти — мой проект, доложенный Совету; не соглашаются, будут ждать представления проекта Союзом Возрождения.

Фундаминский просит прибавить к списку лиц, приглашенных к Фредамбэру — Я. Л. Рубинштейна от Земско-Городского Об'единения, тем более, что он единственный с.-д. в наших совещаниях; Фредамбэр соглашается.

Заходил А. М. Масленников и предложил такой проект организации власти: Деникин назначает и увольняет министров, но кандидатов «подсказывают» общественные организации. Чего только россияне не придумают?

Все более подтверждаются какие-то соглашения

между французами и петлюровцами: Масленников привел ад'ютанта генерала кн. Долгорукова из Киева, который сообщил со слов полковника Святловского, приехавшего ночью из Киева, что между Раздельной и Дачною на станциях стоят французы вместе с петлюровцами, делающими при французах обыски, отбирающими письма. Доведем до сведения Фредамбэра — вот будет вилять!

В 9 часов промышленники: Бурышкин, Крестовников, Баханов и Оцуп делают предложение передать им издание газеты с тем, что они принимают на себя и пассив. Газета все равно уже загублена, большая сумма уплыла зря. — Соглашаемся.

Зашел А. Пильц; сегодня получена от Деникина телеграмма: так как первого января истек срок гласным, выбранным в Думы и Земства по закону Временного Правительства, то распустить существующие Думы и Земские Собрания, оставив одни лишь управы, которые будут посылать все свои постановления на утверждение губернаторов; в скором времени будет прислан разрабатываемый в Екатеринодаре закон о земских и городских самоуправлениях на принципе всеобщего избирательного права. Пильц крайне смущен, не знает, что ему делать с телеграммой. И без того все держится на волоске, а тут еще распускать Одесскую Думу, без которой Управа, разумеется, откажется работать. Явная нелепость. И французы тоже неожиданно выкинули колено: сегодня в вечерней газете заметка, что новых периодических изданий нельзя разрешать без согласия французов. В 11 часов вечера Гришин звонит Пильцу, что в связи с этой заметкой д'Ансельм был у Гришина и между прочим сказал ему, что на Юго-Западе Деникин не может осу-

ществлять власти. Пильц опять говорит об отставке; убеждаем остаться.

По словам Демченко, хлеборобы, готовящие coup d'Etat по типу Гетманского, сговариваются с французами. Почва благоприятная — французы бродят как в потьмах между Добрармией, петлюровцами, хлеборобами, олицетворяющими для них пейзан и нашими организациями, против которых их возбуждает и Добрармия, и петлюровцы. А Екатеринодар делает все, чтобы убедить и глухих и слепых в своей административной бездарности.

24 января. Пятница.

Утром зашел Е. П. Ковалевский; подтверждает, что хлеборобы всерьез замышляют нового Гетмана; собираются завтра выбрать представителей по губерниям — для чего, не знает, или не хочет сказать; французы дали, якобы, полное согласие под условием, однако, чтобы переворот был одобрен церковью, академической группой, торговопромышленниками и чтобы государственным языком оставался русский язык. С другой стороны полковник М. И. Новиков сообщил, что набирают офицеров в Гетманский полк; в Гетманы прочат не то Сагайдачного, не то Кочубея.

У французов неблагополучно: на «Мирабо» был митинг матросов о невмешательстве в русские дела; французские солдаты грабили ночью в порту австрийские склады.

Городские служащие и рабочие об'являют забастовки не то протеста против убийства в Берлине Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не то на экономической почве: требуют 15% прибавки. Брай-

кевич в ответ им угрожает отставкой всей Управы и отказом от работы Городской Думы.

На совещании четырех организаций. Уныние среди социалистов. Я. Л. Рубинштейн говорит нам: «удалите из своей среды земельных собственников, на что они вам, ведь вы и без них скоро будете хозяевами положения». Что это — намек на Гетманский переворот? П. П. Юренев, председатель здешней группы «Национального Центра», долженствующего выяснить свою позицию в вопросе о диктатуре, заболел; от его имени П. А. Бурышкин просит отложить заседание. Да и заседать не стоит; все трещит по всем швам, только решительные действия решительного человека могли бы отвратить катастрофу, а у нас: охолощенная власть Гришина и Ипльца, не смеющих ничего предпринять без разрешения из Екатеринодара, злополучная фикция — Деникин со своим советом и социалистические лидеры, занятые неотложно-очередными мыслями о способе об'единения в неведомое время и неведомом месте Дона с Кубанью, Крыма с Кавказом и всех вместе с Одессой. Есть еще Бог у большевиков!

Докладываю бюро С. Г. О. Р. написанную мною для французов краткую характеристику русских политических партий. Родичев просит прибавить к моей характеристике, ка-дет, как партии конституционно-монархической, следующее: «... которая однако допускает демократическую республику». Сам он очень хотел бы для России республики. Далее он и В. А. Бобринский протестуют против отнесения мною Пуришкевича к группе черной сотни с Марковым II. «Пуришкевич многому научился во время войны и вел себя не так, как Марков», — об'ясняет свой протест Родичев.

25 января. Суббота.

В 2½ часа беседа у Фредамбэра: барон Меллер-Закомельский, Ф. П. Родичев, В. А. Мякотин, И. П. Фундаминский, Я. Л. Рубинштейн и я. Фредамбэр говорит вступительное слово о невмешательстве французов во внутренние дела (путает, тянет). Инициативу в дальнейшей беседе берет на себя Рубинштейн и на хорошем французском языке (жил эмигрантом в Париже, где учился на юридическом факультете) начинает буквально допрашивать Фредамбэра. Родичев плохо слышит, держит руку резонатором у уха, Мякотин не знает французского языка, Фундаминский и я от времени до времени вмешиваемся в беседу и вставляем замечания. Рубинштейн говорит: необходима декларация союзников о неподдержке реакции, нужно успокоить крестьян заявлением, что не будет карательных отрядов.

Фредамбэр: Мы сделаем лучше, мы об'явим, что в политику совсем не вмешиваемся.

Табло.

Фредамбэр: И о каких карательных экспедициях в деревнях вы говорите? Французам, разумеется, и в голову не придет карать за что бы то ни было крестьян.

Я об'ясняю, что речь идет о том, закрепить ли за крестьянами на праве собственности то, что они награбили или отобрать награбленное?

Фредамбэр: Никогда мы не будем санкционировать грабежа. Это все ерунда, а вот неотложная задача: дайте мне не позже завтрашнего дня списки сельских старост на весь Юг до Киева и Харькова.

Опять табло.

Рубинштейн: Мы в ближайшие две-три недели

сговоримся с Николаевым и Херсоном о городовом положении для всех городов Юга России.

Фредамбэр: Две-три недели! Ждать нельзя, время военное; а что это будет за городовое положение? Кто издал этот закон?

Рубинштейн: Временное Правительство.

Фредамбэр: То, которого уже нет? Почему вы так дорожите этим законом?

Я: Мои коллеги не очень им дорожат, так как считают нужным изменить возраст избирателей, установить обязательное проживание в месте выборов в течение нескольких месяцев, устранить от участия в выборах солдат. (О необходимости этих изменений в законе Временного Правительства мы условились с социалистическими группами в совещании четырех организаций, о чем я и предупредил Фредамбэра, относившегося с понятным недоумением к 18-летним избирателям, к праву выборов за случайным элементом, за казармами и т. д.)

Рубинштейн (неожиданно): Да эти незначительные и маловажные изменения мы бы сделали, но кто уполномочен изменить закон?

Фредамбэр (с негодованием): Как незначительные изменения? По Вашему, право голосовать, предоставленное малограмотным мальчишкам, бродягам, случайным прохожим — это мелочи? И вы, революционеры, не можете, когда революция еще продолжается, посягнуть на закон, изданный к тому же несуществующим правительством, раз вы его считаете вредным? Я не понимаю таких революционеров; скажите прямо, что этот закон вам выгоден.

Рубинштейн: Он не страшен и для буржуазии. Вот в Евпатории перезбрали недавно Думу по этому закону — прошло 90% буржуазии.

Фредамбэр: Эти эксперименты недопустимы в полосе военных действий; но даже и вне ее — если сельская или городская коммуна неблагонадежна, то надо назначить над нею куратора.

Я обращаюсь по-русски с упреком к социалистам; говорю, что французы пришли в Одессу по нашему требованию (ведь Фундаминский был с нами в Яссах и подписывался под нашими требованиями помощи союзников); пришли сюда умирать за освобождение нашей родины; как же мы можем требовать от них серьезного к нам отношения, когда мы им подносим с серьезным видом незрелые плоды революционного угара, которые мы сами давно уж признали нужным выбросить в мусор истории. — Молчание.

Рубинштейн излагает проект совещания городов и земств Юга России о создании временной власти: созыв Государственного Совещания, избирающего Директорию из 3 лиц.

Фредамбэр: Значит будет так: безответственное собрание людей выбирает неответственных министров?

Фундаминский: Деникину надо собрать армию путем набора на местах. Демократия, без помощи которой Деникину никогда не удастся собрать армии, требует, чтобы гражданская власть была в руках лиц, избираемых при ее, демократии, участии.

Фредамбэр: Это ваше личное мнение?

Фундаминский: Нет, это мнение Союза Возрождения, об'единяющего правых социалистов и лучших из к.-д., как, например, Астров.

Родичев и Мякотин молчат.

Беседа заканчивается, я ухожу последним, Фредамбэр говорит: «Je n'ai pas fait de gaffes?»

По словам Демченко, сегодня собирались представители 8 губерний, по три от каждой; выработали план об'единения мелких хлеборобов в союз. С другой стороны, епископ Платон берется об'единить городских мещан, чтобы их противопоставить социалистам из рабочей среды; из этих двух групп, при поддержке французов проектируется создание новой Гетманщины.

Заходил гр. А. С. Игнатьев; просит помочь прогнать Логвинского из контр-разведки; ведь, от отзыва этого суб'екта зависят все назначения офицеров на ответственные посты. Говорю, что генерал Гришин-Алмазов предупрежден, но не хочет расстаться с этой мразью.

ГЛАВА II

ПОД ЗНАКОМ «ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВОВ»

Первые вести о Принцевых Островах. — Делегация кубанцев. — Приказ Деникина о роспуске Городских Дум и Земских Собраний. Среди промышленников. — Попытка украинцев сговориться с французами. — Опять Национальный Центр. — Митинг Радикальной Партии. — Доклад Андро. — Положительное отношение четырех организаций к Принцевым Островам. — Сообщения А. И. Пильца.

26 января. Воскресенье.

Утром заходил А. Пильц: очередная отставка, больше не может: д'Ансельм, повидимому, по настоянию украинцев, окончательно знать не хочет Деникина. Пильц опасается бесславной отставки. Барон его удерживает.

Гр. В. А. Бобринский сообщает новость: союзники зовут представителей всех партий на «Принцевы острова» для совещания о России; одновременно предлагают приостановку военных действий на фронтах гражданской войны. Гр. Бобринский проклинает союзников, но заявляет, что поедет во что

бы то ни стало. Сведения о Принцевых осторовах крайне сбивчивы: кто приглашает, кого приглашают — неизвестно. Иду за справками к Фредамбэру и заодно интервьюпрую его по всем очередным вопросам. Ответы отчетливы: 1. О Принцевых островах — «утка». 2. О земствах в черте оккупации — «кураторы с согласия крестьян» (?). 3. О реставрации Гетмана Скоропадского — «засажу в кутузку». 4. О хлеборобах и мещанах, создающих новую власть — «стоит подумать».

Выхожу в hall гостиницы — какая то публика на чемоданах, в ожидании номера; среди них — старый знакомый по первому процессу Совета Рабочих Депутатов — Дмитрий Федорович Сверчков. Он приехал с Кубанской миссией; едут в Париж. Воспользовался случаем порасспросить о Кубанских делах, об отношении Кубани к Деникину.

Главные пункты разногласия между Радою и Добрармиею.

1. Добрармия за диктатуру — Рада против нея: власть на Юго-Востоке России должна быть образована путем созыва представителей Грузии, Кубани, Дона и Крыма.

2. Лозунги Рады — земля народу и Учредительное Собрание. Добрармия — против.

Основное фактическое расхождение с Добрармиею — на почве постоянных ее поползновений расшириться на Кубани, как в завоеванной стране, забывая, что $^4/_5$ армии, очистившей Кубань от большевиков, состояло из кубанцев.

Депутация, что сейчас приезжала в Одессу, состоит из делегатов Чрезвычайной Рады, Законодательной Рады и атамана. Едут в Париж для информирования и отстаивания республики и федерации.

27 января. Понедельник.

Д. Г. Балаховский видел датского курьера, привезшего вещи Н. С. Брасовой из Петрограда; у него будто бы письмо и кольцо от Михаила Александровича.

Начальником политического отдела при генерале Гришине-Алмазове В. Шульгиным пристроен депутат-националист и антисемит Савенко. И это в городе с несколькими стами тысячами евреев!

Утром заседание С. Г. О. Р. — П. П. Менделеев от имени земской группы предлагает образование Комитета для сношений с французскими и русскими военными властями под председательством барона. Выбирают кн. Н. Б. Щербатова, кн. А. Д. Голицына, кн. М. А. Куракина и меня. Истинно демократический комитет с бароном во главе.

В 3 часа совещание четырех организаций.

Брайкевич требует решительного протеста против приказа Деникина о роспуске дум и земских собраний. Начинается полный кавардак. «Национальный Центр» в лице к. д. Юренева и Родичева просит ничего не предпринимать, дабы не подорвать авторитета Деникина и престижа Добрармии; Мякотин и Рубинштейн негодуют: если и по такому вопросу нельзя принять единогласного решения, то не зачем огород городить. Решаем рассмотреть вопрос в каждой организации отдельно и сойтись опять через четыре дня.

Вечером Пильц рассказывает о тяжелых условиях работы. Население не верит власти; все истолковывается против нее. Ночью находят на окраинах города трупы — это убитые полицией налетчики, а в населении говорят о политических расстрелах

без суда. Я говорю — но ведь все знают, что конвой охотно стреляет в «пытающихся» бежать — это ведь условная форма бессудного расстрела; почему не устанавливают хотя бы военно-полевых судов? Оказывается до сих пор не могут добиться утверждения Екатеринодаром уже более 2 недель назад посланных туда списков судей, а 19 налетчиков уже давно ждут суда. Фредамбэр хвастал ему, Пильцу, что он высмеял социалистов на нашем совещании. Я просил у Пильца денег на осуществление проекта Х... — об информации Парижа о том, что делается на Юге (сейчас никакой информации нет); — дело крайне важное, но дать нам денег сейчас после провала нашей газеты Пильцу трудно.

Зашевелились промышленники — хотят попасть за границу, а как визы достать — не знают; пустили в ход легенду, что Сазонов просил прислать в Париж на помощь ему как можно больше промышленников; особенно Д. В. Сироткин ему де нужен. Наметили, кому ехать; П. П. Рябушинскому, Н. Д. Морозову, Н. Ф. фон-Дитмару, Д. В. Сироткину. Суета отчаянная, всякий хочет попасть в список с семьею, знакомыми — а ведь все это ерунда. Меня поражает до какой степени торгово-промышленная группа, вошедшая в состав С. Г. О. Р. в числе других 9 групп, неорганизована и недисциплирована. Чуть ли не каждые две недели группа переизбирает своих представителей в С. Г. О. Р. и свое бюро. Среди промышленников тут один только человек с большим политическим кругозором, с темпераментом, волею и умом, несомненно занимавший бы и на Западе крупное положение в любом правительстве — П. П. Рябушинский.

К нам в С. Г. О. Р. предлагают С. М. Гутника

б. гетманскаго министра. По словам М. В. Брайкевича, Гутник был предложен в правительство Гетмана немцами. Гутник показывал письмо за подписью двух немцев кадетам, спрашивая их благословения на вступление в правительство... Собственно, немцы наметили своего человека — некоего Доброго, но Добрый волею Директории сидел в кутузке, как искупительная жертва за братьев своих по профессии; назначили его ближайшего сотрудника — Гутника.

28 января. Вторник.

Был вчера в доме артистов; герой Дома — офицерик Л. из контр-разведки; он протанцевал танго с молодой актрисою — оркестр сдуру дернул марсельезу. А тут еще появился в ложе Энно — публика устроила овацию французам.

Барон был с Родичевым у Фредамбэра; этот последний предложил им обдумать, приемлема ли Директория, опирающаяся на польские и галицийские войска и лишь номинально признающая Деникина? Не новая ли комбинация украинских агентов, начавших здесь работать: Остапенко, петлюровскаго министра торговли и А. Д. Марголина — товарища министра иностранных дел? Отрицает митинги во французской армии, но признает, что агитаторов поймали уже много.

Сегодня у епископа Платона была депутация человек в 30—40; решили в виду полной непригодности добровольческого метода управления краем по телеграфу, отправить к Деникину Е. П. Ковалевского и кн. Б. Н. Щербатова убеждать Деникина согласиться на децентрализацию. Потерянное время.

Гришин-Алмазов согласился с Брайкевичем о не-

обходимости настаивать перед Деникиным на неприменении к Одессе приказа о роспуске думы; просит С. Г. О. Р. поддержать его.

Бюро С. Г. О. Р. сегодня решило поддерживать требование социалистических групп о замене диктатуры директорией, то-есть единоличной диктатуры диктатурою триипостасной; даже В. А. Бобринский не возражал — наглядный урок добровольческой диктатуры вербует адептов директории там, где социалистам и не снилось найти их.

На совещании у Гришина-Алмазова В. В. Шульгин предложил просить Деникина распространить на всю оккупированную территорию деятельность восьми гражданских отделов при Нильце. Любопытно, что Шульгин до сих пор не может понять, что французы, очищая территорию от петлюровцев при содействии греков и поляков, а не добровольцев, меньше всего способны интересоваться распространением на эти территории власти представителей фикции.

29 января. Среда.

Гр. Ланжерон едет по поручению французов с Остапенко в Киев посмотреть, что там делается. Лучшего эксперта украинцы не могли и найти!

M-me Энно в отчаянии; мужу ее больше нечего делать; ориентация на «Великую Россию» проваливается у французов.

В 4 часа заседание местной группы радикалов; из приезжих — А. М. Масленников, П. В. Титов, Д. Г. Балаховский, Е. М. Кулишер и я. Решаем устроить митинг для об'единения местных республиканцев-федералистов.

В 6 часов у меня А. Д. Марголин. Упрекаю его, всегда боровшегося за обще-русское дело, в том, что примкнул к самостийному течению. Об'ясняет, что как еврей-территориалист, следовательно националист, он не может не сочувствовать националистическим стремлениям Украинцев. Имеет письмо от генерала Грекова к Энно и Фредамбэру, но пока еще не был принят. Украинцы предложили французам союз. (А ведь Энно два месяца тому назад именем союзников об'явил «банды Петлюры и Винниченко» большевиками.) Готовы на составление министерства пополам с великороссами, но с условием отстранить всякое участие Добрармии. Я сказал ему, что предложение его нереально, так как у Грекова никакой армии нет.

30 января. Четверг.

Собрание пленума С. Г. О. Р. (тридцать человек) Постановили: требовать от Гришина-Алмазова денег на широкую постановку дела борьбы с большевизмом путем печати, устройства собраний и т. д. (Шульгин присвоил себе эти функции, но ничего не может сделать — нет ни сотрудников, ни опыта, ни времени), требовать от Гришина удаления собравшихся вокруг него грязных элементов (начиная с Логвинского), согласиться с социалистическими группами на Директорию (замечание В. А. Бобринского — «это ведь не Директория, а консулат — право высшего командования будет принадлежать одному Деникину»).

На «Мирабо» все еще неблагополучно. Приходится отправить его в Мальту. У Пильца был Карл Ярошинский и убеждал его итти с петлюровцами.

31 января. Пятница.

В 3 часа — об'единенное заседание четырех организаций. Я. Л. Рубинштейн всегда спокойный, дельный и разумный, на этот раз чуть было не срывает переговоров из-за нашего отказа заняться одесскими делами — Городскою Думою, рабочими организациями и т. д. Наше согласие на Директорию производит меньшее впечатление, чем мы ожидали — как будто бы жалеют, что мы согласились и, таким образом, вынуждаем перейти от теоретических пререканий к реальной деятельности. «Национальный Центр» отказывается дать ответ, за или против Директории, — должен получить указание из Екатеринодара, где заседают руководители Центра. И на этот раз кадеты срывают соглашение, которое могло бы содействовать укреплению хотя бы на Юго-Западе какой-нибудь реальной силы для борьбы с большевиками.

Утром собирались опять хлеборобы — организуются. Кто-нибудь да использует их.

Киев все еще держится против большевиков. Барон, как и большинство, охладел к Деникину и добровольцам; если Ланжерон привезет хорошие сведения о силах Петлюры, — пойдем с ним.

1 февраля. Суббота.

В 5 часов у Фредамбэра. Застал там инженера Рутенберга (с. р., организовавший убийство Гапона); познакомил его с ожидавшим там же приема генералом Раухом; оказалось — оба сидели на Гороховой. С Фредамбэром беседовали: барон, Родичев, Д. Н. Григорович-Барский и я. Говорили о притязаниях петлюровцев, о позиции французов по

этому вопросу, о возможности совместной с петлюровцами работы. Фредамбэр заявил: «формулу петлюровцев — через самостийность к федерации я понимаю так: самостийность развивает национальные чувства, укрепляет самосознание, столь необходимое для поддержания равновесия в федерации. Но не в этом дело; надо спасать Киев от большевиков; если войска Петлюры могут это сделать — я им помогу. Имей я две дивизии, я бы обошелся без петлюровцев, но у меня их нет; да и будут ли они когда-нибудь? Я не боюсь претензий Петлюры; я ему поставлю такой ультиматум: я помогу Украинцам, но за это они обязываются подчиниться мне безусловно». — Григорович-Барский не говорит по французски; Родичев плохо слышит; барон, как всегда, молчит, приходится говорить мне. Говорю, что у Петлюры войска нет, что по словам генерала Грекова в рядах его армии 80% большевиков, что украинцы и галичане, когда дойдет до серьезного столкновения, предоставят драться с большевиками самим французам, что формула «через самостийность к федерации» даст, при содействии французов, только самостийность безо всякой федерации. Фредамбэр слушает из любезности, понимает, что и я говорю без убеждения: ведь, из ежедневных бесед с французами я знаю, что их задача — помочь нам в борьбе с большевиками, не жертвуя ни одним французским солдатом; а так как победить большевиков без жертв нельзя, то жертв надо где-нибудь искать; добровольческой армии в Одессе нет, если не считать нескольких сотен недисциплинированных офицеров, глубоко несчастных, плохо содержимых, голодающих, холодающих, проклинающих свою судьбу; значит, надо брать нечто более реаль-

ное — силы Петлюры, если такие имеются. Знаю это настолько хорошо, что об'яви Петлюра только федерацию без самостийности — мы все, кроме к. д. из «Национального Центра» и Шульгина содействовали бы выработке modus'a работы с ним.

2 февраля. Воскресенье.

В 3 часа митинг радикальной партии. Председательствует Ю. Н. Глебов (б. петроградский городской голова). Народу очень много, слушают внимательно, встречают тепло. Большой и заслуженный успех имеет А. М. Масленников.

Из Екатеринодара приехал контр-адмирал Герасимов; говорит, что в ставке вся надежда на Колчака и англичан; на себя мало надеются.

А. М. Масленников вечером рассказывал, что на днях в компании монархистов, где обсуждали кандидатов на престол, Михаила Александровича провалили из-за морганатического брака; Дмитрия Павловича из-за личных качеств и образа жизни; остановились на Николае Михайловиче (историке).

А республиканец наш Масленников заглядывает и к монархистам!

Заходил кн. Н. Б. Щербатов; говорит, что Савенко и Шульгин смещены Деникиным с политико-полицейских должностей. Наконец то Екатеринодар начинает проявлять организаторский такт.

Пильц сообщает, что сюда едет из Екатеринодара генерал-лейтенант Санников с широкими полномочиями от Деникина. Выбор пал на Санникова в виду того, что его знают в Одессе — он был городским головою в 1917 году и, кажется, к нему хорошо здесь относились.

Пильц просит дать ему командировку от С. Г. О. Р. или Ясского Совещания за-границу. Гришину-Алмазову генерал д'Ансельм пишет в письме: «j'ordonne» (я приказываю). Как он будет писать Санникову?

3 февраля. Понедельник.

Наша комиссия сношений обедала с Фредамбэром. Фредамбэр забавно болтал, ругал Энно, которого уже окончательно выжил (Энно уезжает в Париж якобы из-за смерти отца), жаловался на медленную присылку правительством войск — в феврале начнут приходить дивизии (?) из Франции. У Петлюры двадцать одна тысяча хорошего галицийского войска. Отказывается принять помощь немцев колонистов для ускорения железнодорожного движения между Елисаветградом и Одессой. Я протестую против отказа, говорю, что это — единственная дисциплинированная, надежная сила, что их можно набрать в больших колониях в окрестностях Одессы тысяч 10—15, что они могут дать и хорошую конницу, имея прекрасных лошадей. Полковник упрямо твердил: «боши — Ваши худшие враги». Наши из любезности поддакивали. Хоть брось все!

Сегодня электричества в городе нет — последний уголь израсходован.

Гришин-Алмазов из-за приезда генерала Санникова уходит в отставку. Смена лиц, борьба честолюбий — на пустом месте.

4 февраля. Вторник.

Союз Возрождения прислал нам проект организации Государственного Совещания; серьезное коли-

чество мест дается с. д., с. р., н. с. и к. д.; всем другим — почти ничего; значит, опять те же политические группы, что так «удачно» строили власть при Керенском; земству и городам в его деловых элементах, имеющих за собой многие десятилетия созидания либеральных земств и городов, торгово-промышленному классу, без которого, как бы он ни был теперь государственно-ничтожен, нельзя строить России (Минина забыли), академии, церквам, армии — почти ни одного голоса не дано. И ведь так еще долго будет.

В бюро С. Г. О. Р. доклад некоего Андро (б. депутат 1-ой Думы, б. Волынский Губ. Староста) об его беседах с генералом Бертело в Бухаресте. Андро попал туда, отступая от большевиков; он собрал крестьянскую дружину (он — б. офицер атаманских казаков) и с нею пробрался по железной дороге почти до Киева. Бертело обещал прислать войска к весне. Пробовали создать французские вольные дружины; офицеры записываются, солдаты — нет; придется послать два последних возраста, а это встречает серьезные препятствия в Париже. Надо, поэтому, действовать крайне осторожно — малейшая неудача, малейшие потери вызовут бурю негодования в Париже, и войска будут отозваны. Бертело готов сговориться с петлюровцами об использовании их силы, хотя хотел бы не затрагивать вопросов общей политики.

По сведениям кн. Щербатова англичане недовольны бездействием французов и будут требовать активных операций. А сами то...

Давали обед французским офицерам. Со мной рядом сидит начальник контр-разведки, комендант Порталь; мягкий, образованный, хорошо воспитан-

ный человек; жалуется, что уже два года без отпуска живет на Востоке, хотел бы поскорее вернуться во Францию. Ничего не разбирает в русской политике (если бы мы сами разобрались?). Раньше весны не будет новых французских сил. Если петлюровцы уйдут в Галицию — за Одессу нельзя поручиться, большевики пойдут из Киева на нее. Идут на днях с поляками на Тирасполь, чрез Раздельную, займут эту линию. Полковник Фредамбэр поехал в Винницу, где сейчас находится и Директория; Ланжерон там же. За четыре дня, что Порталь здесь, ему не могли еще устроить комнаты и он ночует у знакомых офицеров.

Заведующий морскою контр-разведкою лейтенант де-ла-Карсалад подтвердил, что пришло радио из Парижа о «Принцевых островах»; точного содержания его не знает.

5 февраля. Среда.

Составляем в бюро С. Г. О. Р. телеграмму Маклакову о «Принцевых островах»; просим подробностей, сообщаем, что идея встречает сочувствие и в буржуазных и в социалистических кругах, просим принять меры, чтобы там были представлены все течения политической мысли, представленные и в С. Г. О. Р.

В 3 часа заседание четырех организаций. Все вопросы отодвинуты на второй план предполагаемой конференцией на Принцевых островах. Никто не знает, кто приглашается, кто приглашает, но все боятся, что та или иная группа не попадет; социалисты боятся, что будет много буржуа, буржуа — что много социалистов. Ясно одно, что мысль ини-

циаторов конференции правильна и надо пред всей Европой высказаться ясно (ведь, вся мировая пресса будет на состязании), что думают две России — про-и контр-большевистская; эти открытые прения сбросят с большевизма то очарование таинственности, которое является главной причиной его успеха на Западе — ведь сейчас многие благородные мечтатели за большевиков, вкладывая в их галиматью содержание своего ума и своей души.

В Бессарабии беспорядки — частью большевистского, частью антирумынского характера. Говорят, что отряд французов, человек в 40, посланный в Тирасполь против большевиков, бросил ружья и бежал. Конец французскому престижу (их считали непобедимыми после поражения немцев), конец защите Одессы!

Был вечером в Биржевом зале на празднике москвичей. Вяло, скучно, холодно. Хор московских студентов пел, разумеется, Gaudeamus, при чем втащили на эстраду М. В. Челнокова, как символ Москвы.

6 февраля. Четверг.

Фредамбэр вернулся из Бирзулы (до Винницы не удалось доехать). Бывший с ним Виллем — француз, родившийся и воспитавшийся в России, говорит мне: «Пусть нам верит русское общество, мы работаем для России — ошибки ведь неизбежны». Я замечаю, что французам все же не верят и вновь начинает становиться популярной немецкая ориентация. Тот же Виллем сказал Куракину: «когда петлюровцы говорят нам о самостийности, мы от-

вечаем «никогда»; когда о федерации — «нет», об автономии — «посмотрим».

По словам французов, большевики нанесли им серьезный урон под Тирасполем — бегство солдат отрицают. Сегодня пошли туда танки, французский и польский отряды. Говорят, что у большевиков до 3-х полков. Конечно, ерунда — у страха глаза велики; сунулись без серьезной разведки, убежденные не без нашего воздействия, что с «бандами» справятся, как захотят, и попались.

Комендант Порталь пришел просить устроить ему комнату в Лондонской гостинице; пошли к заведующему ею, полковнику Писареву; показал в списке, что две комнаты — под кокотками, по особой рекомендации Ланжерона; при всей своей галантности Порталь возмутился и приказал очистить одну из них.

7 февраля. Пятница.

Завтракал с Виллемом. Прислан сюда, как уроженец Юга (Подолии) генералом Бертело, чтобы осведомлять его, помимо штаба д'Ансельма, о положении вещей на Юге (очевидно, Бертело запутался во взаимноуничтожающих сообщениях Энно и Фредамбэра). Толковый молодой человек. Под Тирасполем убит один француз и ранено 6. Думали, что большевиков 400 человек, оказалось — 1500. Сейчас вокзал уже занят французами и поляками. Бертело приедет во вторник. Очень сожалеет, что Энно уезжает, надеется еще сохранить его.

В 2 часа совещание земской и городской группы С. Г. О. Р. Решаем выбрать по три человека от каждой группы на «Принцевы острова» и войти в

соглашение с 6 лицами, выбранными Симферопольским Совещанием, которое склонно считать себя единственным органом, уполномоченным представлять земства и города Юга России, а то и всей России.

Обедаю с А. Д. Марголиным; чувствую, что наша ориентация должна будет итти на петлюровцев. Он сообщил, что французы подписали в Бирзуле соглашение с петлюровцами о вводе сечевиков в Одессу (так ли?). Читает договор, подписанный в Одессе представителями Кубани, Дона, Белоруссии и Украины об экономическом единении; требуют возврата Одессы, Херсона и Николаева украинцам. На мое замечание, что требование украинцами самостийности есть требование небольшой группы интеллигенции, серьезного ответа не получил. Я указывал, что прожил всю свою юность на Юге, окончил гимназию и университет в Одессе, которую украинцы считают своею, и никогда не слыхал здесь об Украине (знал только Малороссию, которую люблю и к которой и сейчас отношусь, как к родной). Говорил также, что никогда не видел и тайной литературы об Украине, в то время, как у всех нас, гимназистов и студентов, постоянно были на руках брошюры с. д. и с. р., гораздо более рискованного содержания, чем украинский вопрос, что, следовательно, нельзя об'яснить отсутствие этой украинской тайной литературы правительственным гонением на Малороссию. Даже самый язык, которым теперь стараются говорить на Украине — галицийский, а движение украинское поднято и поддерживается немцами и т. д. И на это все удовлетворительного ответа от Марголина не получилось.

Вечером кн. Щербатов сообщил, что французские

солдаты не хотели итти на помощь своим в Тирасполь; им в Салониках, когда посылали в Одессу, сказали, что они будут распределены по городам в казармах и никаких походов делать не будут.

Греческая дивизия, шедшая в Одессу, застряла в Константинополе, где были беспорядки, и турки потрепали французов и англичан.

Генерал Санников сидит в Севастополе из-за отсутствия угля для парохода. В городе — второй день темнота — по той же причине. А в Мариуполе есть уголь, но его распределение, также как и весь коммерческий флот, в руках Екатеринодара.

Пришло радио, будто Питер взят англичанами. Вспоминаю земского сторожа в «Трех сестрах» на докладе у председателя земской управы Андрея: «А говорят, что чрез Москву веревку протянули».

8 февраля. Суббота.

Заседание Бюро С. Г. О. Р. Ассигновали кн. Щербатову и присяжному поверенному Капацинскому 30.000 рублей на осведомительную работу; источники сведений у них те же, что у французов и Гришина-Алмазова, но получать будем раньше их.

В 3 часа заседание об'единенных организаций. Опять председательствую. Все организации отвергли проект Земского и Городского Об'единения о признании только за Симферопольским Совещанием права на посылку делегатов на «Принцевы острова».

Французы запретили «Россию» Шульгина на 7 дней, приказ подписан комендантом Порталем; кто свинью подложил?

Граф Игнатьев сообщил, что французские солдаты вчера разбили погреб, перепились и кричали:

«да здравствуют большевики». Пошли слухи, что сто французских офицеров и солдат арестовано — ерунда, конечно.

Город глухо волнуется; помощи ниоткуда, верить некому.

Приехал генерал Санников.

Вечером барон, Менделеев, Масленников, Лурье и я обсуждаем кандидатуры на «Принцевы острова». Лурье заявил, что торгово-промышленники требуют специально для своей группы одно из 3-х мест, на которые может рассчитывать С. Г. О. Р. (да может ли он вообще на что-либо рассчитывать, ведь это не партия?) и что на это место намечен он, Лурье. Намечаем пока заместителей — Менделеева, Масленникова и Нарожницкого.

В 11½ часов пришел кн. Щербатов и сообщил сводку разведки. Настроение у французских солдат определенно пассивное и только в Тирасполе, где расстреляно 89 большевиков, воинственно настроены. Англичане, стоящие на судах недалеко от Маяков, отказались во время боя с петлюровцами от вмешательства и даже разрешили петлюровцам поставить подле английской канонерки пушку против добровольцев. Точное разграничение зон влияния!

Петлюровцы разбегаются из Винницы; солдаты бегут, офицеров арестовывают большевики.

9 февраля. Воскресенье.

Приехал из Тирасполя Я. Исаков (женат на дочери барона); он шел туда при французских танках. Настроение французских солдат и офицеров было хорошее. Французы не пострадали совсем; поляки

потеряли четырех убитыми (один офицер и три солдата) и семь ранеными. Обхват большевиков не удался, так как тот французский полк, который должен был итти из Румынии, во время не подошел (задержала телеграфная переписка с Бертело).

В 3 часа — доклад В. Н. Литвинова-Фалинского о топливе в Одессе. Паровозы не идут, электричество не действует, пароходы не ходят. Правда, грузины прислали нефть из Батума, но требуют за нее хлеба, — а хлеба у нас нет. Французы об'явили, что на Черном море устраивается отдел международной комиссии Гувера по прокормлению Европы, — вот, когда эта комиссия будет функционировать, тогда авось получим и хлеб для обмена на топливо. Утешили.

Говорил вечером с Виллемом, сказал ему, что кончится тем, что русские организации поставят Бертело ультиматум: либо помогать нам, либо увести войска. Виллем нас понимает, рекомендует терпение: войска придут в марте.

Вечером совещание по поводу полученного А. Пильцем приглашения от Деникинского министра внутренних дел Чебышева занять должность товарища министра внутренних дел. Пильц думает, что быть помощником человека, который неосведомлен в делах управления (Чебышев — судья), и не иметь при этом права на участие в Совете Министров — не стоит. Соглашаемся с этими доводами. Пильц сообщает, что генерал Санников, приехавший ночью, провел более трех часов у генерала д'Ансельма, который советовал ему сохранить Гришина-Алмазова. Санников был с визитом у Гришина-Алмазова и Энно (оба недавно жаловались Деникину на Санникова, бывшего в Одессе недели три назад

и не посетившего их); два месяца работы Пильца в Одессе дали нулевые результаты: Екатеринодар все мертвит. Пильц думает, что мы зря связали себя, приняв в Яссах решение поддержать Добровольческую Армию; Гришин скверно окружен, и боится прогнать Логвинского, опасаясь его мести; Логвинский сидит в паспортном отделе, и французы без него не разрешают виз; вокруг виз началась бешеная спекуляция, в которой участвуют и французы и русские. А. С. Хрипунов рассказывает со слов приехавшего сегодня из Екатеринодара кн. Е. Н. Трубецкого, что ехал он из Новороссийска 8 дней, — угля не было; по выезде из Новороссийска вернулись чрез несколько часов обратно, так как уголь был отвратительного качества; Санников в Севастополе реквизировал брикеты, предназначенные для железной дороги, иначе пароход не мог отойти. О Деникине Трубецкой говорил с почтением, но прибавил, что лучше ему в Одессу не приезжать, так как он выигрывает, оставаясь Princesse lointaine. Проведя в продолжение пути в Одессу восемь дней на пароходе с Санниковым, Трубецкой ни разу с ним не говорил и даже не познакомился. (А ему нами дана была инструкция установить прочную связь с Добрармией!) Другой наш делегат С. Н. Маслов остался в Екатеринодаре министром продовольствия и телеграммою вызывает к себе помощником Ф. Д. Свербеева.

ГЛАВА III

ДЕЛЕГАЦИЯ С. Г. О. Р. в ЕКАТЕРИНОДАРЕ

Доклад кн. Е. Н. Трубецкого. — Встреча с С. С. Крымом. — Вопрос об организации власти на Юго-Западе. — Телеграмма В. Я. Демченко. — Характеристика ген. Деникина. — Первые впечатления в Екатеринодаре. — С. Г. О. Р. — Роль ка-дэ в Совещании при ген. Деникине. — Кое-что о Троцком. — Центральный Военно-Промышленный Комитет.

10 февраля. Понедельник.

Фредамбэр сообщил Пильцу, что французы решили ликвидировать Директорию Винниченко-Петлюры; вместо них — будут руководители украинских хлеборобов и генерал Греков; если эта комбинация не пройдет, то предполагается национальное представительство из всех населяющих Юг народностей в виде органа управления при французском командовании, как это сделали англичане в Батуме.

В бюро С. Г. О. Р. кн. Е. Н. Трубецкой делает доклад о своей поездке к Деникину по нашему поручению. На Кавказе большевики прикончены — 31 тысяча человек взята в плен с 95 орудиями и 7 бронированными поездами. Трубецкой не телегра-

фировал нам ни разу, так как первое впечатление из беседы с Деникиным было столь неблагоприятным, что он с Масловым решили подождать, пока рассеются все недоразумения, кроме того и прямой провод не действовал. По пути в Новороссийск, в Феодосии, наши делегаты встретили главу Крымского правительства С. С. Крыма, который жаловался на постоянные недоразумения между добровольцами и Крымским правительством. Добровольцы утверждают, что Крымское правительство выпускает большевиков, арестованных добровольцами, что оно не желает вводить военного положения. Все это не верно. Крымское правительство готово ввести военное положение, нужное для активной борьбы с растущим большевизмом, до прихода добровольцев, и взять, таким образом, весь одиум этой меры на себя; с другой стороны, добровольческие офицеры в Крыму хватают правого и виноватого, расстреливают без суда, вследствие чего были несомненные расстрелы невиновных. Это так возбудило население против добровольцев, что в офицеров стреляют из-за угла, и офицеры не решаются по одиночке итти из Ялты в Ливадию, идут группами. Отвратительное впечатление произвело убийство в Ялте на собственной даче, на глазах жены, известного московского фабриканта, председателя московского О-ва Фабрикантов и Заводчиков И. Гужона; в убийстве этом все обвиняют добровольцев. На соцпалистов С. Крым не жалуется — они поддерживают правительство, не вмешиваются в его дела, так как пуще огня боятся прихода добровольцев. В Новороссийск С. Крым ехал, чтобы заявить, что Крымское правительство готово отказаться от власти, как только Деникин сочтет это необходимым. Из Екате-

ринодара С. Крым уехал довольным, говоря, что с добровольцами достигнуто полное соглашение по всем пунктам.

В Новороссийске ожидал экстренный поезд из Екатеринодара, забравший Крымское правительство и наших делегатов; всем было отведено помещение в Кубанском Общественном Собрании. В первый же день наших делегатов принял генерал Драгомиров, а затем они были приняты Деникиным в присутствии генералов Лукомского, Драгомирова и Романовского. Сперва говорили о Колчаке. Его предприятие считают в Екатеринодаре очень солидным: Деникин сообщил Колчаку, что признает переворот, но Колчака считает пока только правителем Востока; когда с'едутся — уверен, что быстро сговорятся обо всем; теперь с'ехаться никак нельзя. Все генералы подтверждают, что у Деникина нет никакого честолюбия, человек абсолютно чистый и честный («респимпатичный носорог» по определению С. Н. Маслова). Вторым вопросом при приеме наших делегатов было настроение на Украине. Наши указали на политическую опасность для Добрармии итти при походе на Москву через Украину; проще итти вдоль Волги. Деникин и Драгомиров об'яснили, что надо принимать во внимание не только стратегию, но и политику; по стратегическим соображениям может быть и лучше идти через волжский район, но по политическим нужно помнить, что без хлеба нельзя будет закрепить за собой пройденных территорий; а одного Кубанского хлеба не хватит для всего населения южнее Москвы, нужен обязательно и Украинский хлеб; придется поэтому идти фронтом с перерывами и неодинаковой плотности. Подтверждается перенесение штаба Добрармии в

Крым — в конце января или в начале февраля старого стиля (Екатеринодар не признает нового стиля — не раскачались еще, да вероятно, и не раскачаются никогда). В антураже Деникина, однако, не верят этому перенесению штаба из-за стратегических причин. Дело в том, что Краснову сейчас очень скверно. Краснов, положившись на заверения какого-то французского офицера Фукэ, обещал казакам быструю и щедрую помощь союзников для того, чтобы двинуться вперед; помощи никакой не пришло и среди донских казаков идет быстрое разложение; Краснов молит о помощи; добровольцы благодаря победе над большевиками на Кавказе, могут ее оказать. Деникину, собственно, надо было бы переехать в Ростов. Но добровольцы опасаются интриг Краснова, с которым сговориться прочно никак не удается. Успех на Кавказе развивается в разных направлениях; добровольцы, боясь, что англичане захватят Грозненский район и его не выпустят, торопятся захватить Грозный до прихода англичан. Но в общем, по словам Деникина, если бы не удача на Кавказе, то из-за разгрома Краснова, положение и на Кавказе было бы отчаянное. У Краснова три казачьих полка перешли на сторону большевиков; эти же полки окружили бригаду полковника Моллера (?) и разоружили ее. Добровольческий тыл, по словам Деникина, отвратителен, как и везде: даже в Екатеринодаре офицеры бездельничают, пьянствуют, картежничают. А на фронте — героп. «Прут вперед и забывают даже меня извещать, узнаю о продвижении, когда проскочили на 50 верст», говорит Деникин.

Взяв в плен на Терском фронте 31 тысячу человек, добровольцы включили из них 15 тысяч в свою

армию; все это терцы, насильственно мобилизованные большевиками.

Наконец беседа подошла к самому важному пункту — вопросу о власти на Юго-Западе. Наши делегаты сообщили, что если добровольцы будут медлить созданием значительной военной силы на Юго-Западе, то власть перейдет к союзникам, оккупирующим край. На это неожиданно последовала угроза со стороны Деникина, заявляющего резким тоном: «Оккупации не допускаю ни в коем случае; я не могу раздаривать России; если Вы отдадите Юг французам, я вас об'явлю государственными преступниками... и поступлю соответственно», прибавляет он со смягчающей улыбкой, но твердо. Тогда Трубецкой и Маслов указывают на необходимость местной власти с широкими полномочиями. Второй взрыв гнева: «Я знаю, мне телеграфируют из Одессы, что власть организовалась без Добровольческой Армии». Генералы поправляют Деникина: «Совет Государственного Об'единения России не стоит на этой точке зрения». — «Нет,» говорит Деникин, «тут от имени С. Г. О. Р. говорил по прямому проводу Демченко, требуя создания власти по типу Крымского правительства, восстановления Гетманской власти, самостийности». Маслов и Трубецкой ничего не знают о сообщениях Демченко, категорически опровергают их, настаивают на децентрализации. «А чем же теперешняя губернаторская власть не хороша?» спрашивает Деникин. «Ведь вы не можете оспаривать того, что в общих интересах нужно ограничивать местного представителя в распоряжении финансами и пароходами? Гришин-Алмазов расточает зря местные финансы и отдает союзникам нужные нам пароходы». Впечатление такое, что в

Екатеринодаре чувствуют, что нужно стать на путь децентрализации, но боятся ее и готовы отпускать в час по столовой ложке. А теперь рады, что могут свалить все на телеграмму Демченко, обвиняя нас в стремлении к самостийности. «Демченко следовало бы отдать под суд, если бы это не было сплошным балаганом», говорит Деникин. Гришину-Алмазову мало доверяют — случайный, временный генерал. Вообще очень мало отдают себе отчета о безнадежности положения на Юго-Западе. Приезд самого Деникина в Одессу для решения всех вопросов, в том числе и вопроса об организации власти, предрешен, но временно приходится отложить поездку из-за затруднений с Красновым; да теперь, благодаря приезду генерала Санникова в Одессу, и спешки ведь никакой нет! Наши делегаты и не настаивают. Трубецкой поясняет: «Деникин — безукоризненно честный человек, великолепный военный, но лучше, чтобы не входил в непосредственный контакт с общественными кругами — совсем не дипломат, не гибок. Кругом Деникина говорят: «Вождь — чудный человек, но диктатором будет Колчак». К организованной Шульгиным в Одессе администрации: Гришин, Пильц, Литвинов-Фалинский и др. относятся с недоверием: «Они там в Одессе хлопочут из-за коммерческих интересов; у власти ведь там стоят лица, незаслуживающие доверия».

Несмотря на предупреждение Гришина, что не стоит говорить в Екатеринодаре о замене набора вербовкою за плату, Маслов доложил наш проект. Генералы снисходительно улыбались — нельзя; ведь, при вербовке за плату надо будет уравнять в плате набранных по набору с набранными за плату; а это ведь будет безумно дорого стоить. Нет,

уже лучше принудительный набор, хотя бы пришлось пройти по стране огнем и мечем. При беседе нашей делегации с Деникиным часто вмешивается Лукомский; Романовский и Драгомиров молчат; только, когда Деникин стал возмущаться предложениями Демченко, Драгомиров просил наших делегатов зайти к нему, чтобы ознакомить их с телеграммой Демченко.

Пресловутая телеграмма Демченко или, точнее, разговор его по прямому проводу с управляющим отделом путей сообщения при Добрармии, инженером Э. П. Шуберским, заключает в себе главным образом информацию о положении в Одессе и доказательства невозможности управления Юго-западом из Екатеринодара. Между прочим Демченко отметил, что адмирал Канин указал на намерение новой милитаризации всего коммерческого флота и передачи распоряжения им — военно-морским властям, что уже привело в свое время к весьма скверным последствиям. Екатеринодарский Торговый Отдел делал ряд указаний и распоряжений о ввозе и вывозе товаров, с которыми не согласны представители англичан и французов и которые показывали, что отдел торговли не совсем в курсе дела; таково, например, требование отправки парохода «Владимир» во Владивосток за грузом, о котором в Одессе у англичан нет известий, и который на этом самом пароходе мог притти обратно только через пять месяцев. Между тем во Владивостоке имеются пароходы Добровольного флота, которые можно использовать для рейсов оттуда; «Владимир» же нужно послать на Цейлон, чтобы привезти нужные товары через полтора месяца. По Финансовому Отделу подчинение Одесской

конторы государственного банка Екатеринодарской конторе, по местным условиям также невозможно. Когда морской отдел Екатеринодара разрабатывал вопрос об использовании торгового флота и составлял проекты новых перевозок грузов, представители коммерческого флота даже не были спрошены и не были вызваны. Далее, из Екатеринодара последние два месяца делались распоряжения Мариуполю относительно угля. Высылаемые из Одессы пароходы, то задерживались в Мариуполе, то перехватывались в Керчи представителями Добрармии. Результатом этого вышло полное отсутствие угля в Одессе. Угля хватает на половину освещения и частичное трамвайное движение. Пароходы по Черному морю из-за отсутствия угля на две трети сократили свои рейсы. Все фабрики и заводы уже целый месяц бездействуют, чем обостряется рабочий вопрос в Одессе. Отсутствие топлива для населения, также невероятная дороговизна жизни и продуктов в Одессе, в связи с окружением города петлюровскими бандами, создают в Одессе атмосферу очень тяжелую.

Демченко сообщал также, что последние дни в Одессе было соединенное совещание представителей умеренных и левых групп, то-есть, Совета Государственного Об'единения, Национального Центра и Союза Возрождения России, которые пришли к единогласному решению о необходимости немедленного создания правительства, которое охватит весь Юг России, где раньше была власть гетмана; при этом полагали, что правительство, которое есть при Добровольческой Армии, должно считаться Обще-Российской властью (?!). В новом правительстве министр иностранных дел и военный должны назна-

чаться генералом Деникиным, а остальные министры намечаются соглашением между Советом Государственного Об'единения и Национальным Центром с одной стороны и Союзом Возрождения и Земским и Городским Союзом с другой стороны. Для более подробных изложений этих вопросов выезжают в Екатеринодар кн. Трубецкой, Маслов и Хрипунов. Впредь, пока все эти вопросы выяснятся, необходима немедленная децентрализация по вопросам торговопромышленным, экономическим и финансовым.

Все это Шуберский должен был передать Особому Совещанию при генерале Деникине и на следующий день сообщить ответ Демченке по прямому проводу. Разумеется, целый ряд неточностей, галиматья в вопросе об организации власти — остаются на совести Демченко; но основные мотивы требования реформы и данныя, изображающие положение дел в Одессе — вполне соответствовали и действительности и нашему общему убеждению. Досадно только то, что в своей стремительности, Демченко не взял предварительного согласия на этот разговор от барона, который разумеется дал бы его.

Первый вопрос, заданный генералом А. Драгомировым при посещении его нашими делегатами был: «Идет ли Маслов в министры продовольствия?» — «Нет», ответил Маслов, «после вчерашнего приема у Деникина, я несогласен». — «Это все телеграмма Демченко напутала», — об'ясняет Драгомиров. «Вы ведь теперь от него отмежевались и все улажено; Вас вторично примет Деникин, все будет в порядке». Из дальнейшей беседы выяснилось, что здесь признают даже принцип общественного сговора, но лишь для выбора совета при генерал-губер-

наторе из представителей разных групп общественных деятелей, с совещательным голосом. О генерале Санникове здесь высокого мнения.

Затем разговор переходит на «Национальный Центр». Оказывается, что Н. И. Астров и М. М. Федоров знали о настроении против С. Г. О. Р. и о телеграмме Демченко, но ничего не сообщили нашим делегатам, хотя были осведомлены об их приезде.

Вторая аудиенция у Деникина была кратка. Деникин принял один, без своих генералов; не будучи красноречив, старался улыбками приласкать наших и об'яснить, что он дорожит общественной помощью. «Я удручен тем, что мог произвести на вас такое тяжелое впечатление», сказал он. Дал понять, что сотрудничество С. Г. О. Р. считает крайне ценным; просил Маслова войти немедленно в состав его Особого Совещания. Отношение к Украинской Директории — абсолютно непримиримое.

Вся власть в Екатеринодаре теперь у кадетского «Национального Центра». — «Кадетское засилие у нас», — говорит Драгомиров. Правда, кадеты уже не те, по словам Трубецкого: Н. И. Астров и В. А. Степанов правеют не по дням, а по часам. На пост министра народного просвещения, по рекомендации Трубецкого и Маслова, приглашается проф. П. И. Новгородцев.

Дальше выяснилось, что первая встреча в Екатеринодаре с В. И. Гурко, которому после нашего от'езда из Киева в Яссы оставшиеся члены С. Г. О. Р. поручили заявить Деникину о создании новой организации, — произвело неважное впечатление. Гурко уже тогда заявил, что желательно, чтобы все гражданское управление на Юго-Западе России осуществилось через С. Г. О. Р., — разумеется, генералы

и ка-дэ сразу насторожились. Влияло отрицательно, по словам Н. Н. Львова, и то, что С. Г. О. Р. создался в Киеве — это наложило на него отпечаток самостийности. Для характеристики поправения к. д. из «Национального Центра» любопытно замечание, сделанное Н. П. Астровым кн. Е. М. Трубецкому, сообщавшему о постоянных наших совещаниях в Одессе с социалистическими группами: «Как, вы разговариваете с левыми? А у нас тут и надобности никакой в этом нет».

Любопытны дополнительные замечания Е. Трубецкого. Россия делится по политическим настроениям по меридиану: от Кубани до Крыма — правое настроение, западнее Крыма — левое. Настроение в Кубани, где масса продуктов (чудный, дешевый белый хлеб, сытный обед за 4 рубля) — консервативное; казаки — крепкие буржуи; в оппозиции одни иногородние — поселенцы из Великороссии; они из-за своего бесправия на стороне большевиков. Говорить у Деникина о директории вместо диктатуры — потерянное время. И надо решить вопрос о Деникине определенно — либо с ним и тогда надо забыть о директории, или с директорией — тогда без Деникина. Помощь союзников Деникину до сих пор позорная: пришел лишь один пароход с английским снабжением — сапогами и одеждою; все гниль; ни танков, ни снарядов, ни пулеметов; все, что доставлено с Запада до сих пор — это наше же снаряжение из Румынии. На союзников, повидимому, надо поставить крест. От французов можно ожидать меньше, чем от кого бы то ни было; а, связавшись с ними, только покатимся по левой плоскости. На «Принцевы острова» надо ехать для очистки совести — результатов не будет никаких, но тогда, по

крайней мере, союзники будут пенять на себя, а не нас. «На директорию я категорически не иду, заявляет Е. Н. Трубецкой, считаю, что после Уфимского опыта ее песенка спета; я убежден, что социалисты не порвут с нами, даже если бы мы не пошли в директорию. В общем я смотрю с верою на будущее: есть еще русские силы, которые могут воссоздать Россию — силы эти, главным образом, у Колчака. Скоро работе в Одессе настанет конец, лучше, не ожидая его, начать нам переезжать к Деникину и Колчаку». Задаем Трубецкому вопрос: «Пойдут ли кубанцы за пределы своей области?» — Разные мнения: и да, и нет. — «Держится ли на Урале атаман Дутов?» — В Оренбургском крае у большевиков большие успехи: взяли Уральск, Оренбург. Колчак помочь не мог — силы его неравномерно распределены. Уфа, говорят, сдана без боя, чтобы скорее ликвидировать злополучную Уфимскую Директорию и армию Учредительного Собрания. — «Много ли добровольцев в Кубанской армии?» — Говорят, от двадцати до тридцати тысяч. Традиции офицеров (полки сплошь офицерские, солдат не хотят принимать в полки) безумные: у марковцев и корниловцев в цепи и при перебежках не ложатся, — потери огромные. — «Как идет набор в Крыму?» — В самом Крыму очень плохо, но надеются на немцев колонистов в Мелитопольском уезде.

А. С. Хрипунов сообщает, что вчера после доклада Литвинова-Фалинского, пришли к единогласному выводу: Россию могут спасти только союзники; а для союзников необходимо соглашение с «ручными» социалистами.

Курьезы прошлого: приват-доцент Б. Е. Шацкий,

бывший в Америке во время Керенского, рассказывает, что когда Троцкий выехал из Соединенных Штатов в Европу, англичане арестовали его на Галифаксе; по требованию министра Иностранных Дел П. Н. Милюкова он был освобожден. Присутствовавший при беседе Б. А. Гуревич (носившийся по Питеру в 1917 г. с проектом организации партии Эволюционного Социализма) рассказал со слов О. О. Грузенберга, как Грузенберг встретил Троцкого на Демократическом Совещании осенью 1917 г. «Как Вы находите мою речь?» — спросил Троцкий. — Я послал бы Вас за нее на каторгу. — «Вы, очевидно, хотите дополнить, как прокурор то, чему начало Вы положили, как защитник», сказал Троцкий, намекая на то, что по делу первого Совета Рабочих Депутатов он, Троцкий, был в 1906 году приговорен к ссылке на поселение.

В 2 часа дня — заседание П. В. П. К-та; Канин передает нам для разборки три дредноута и семь миноносок. Для правильной постановки работ необходим сговор с Одесским В. П. К-том, организация которого еще прочна. Пошли с Ю. Н. Глебовым и П. Н. Переверзевым — я привлек обоих к работе в В. П. К-те — поговорить с Председателем Одесского Комитета М. В. Брайкевичем. Он стоит за немедленную ликвидацию Военно-Пр. К-тов и создание новой организации в роде «Экономического Совещания» при Временном Правительстве, с правом издавать обязательные постановления. Что сей сон означает?

В 8½ часов в бюро С. Г. О. Р. делает доклад капитан Щербаков, приехавший в ноябре из Сибири к генералу Деникину. Щербаков просит С. Г. О. Р. послать Колчаку приветствие.

Вечером в общем зале Лондонской гостиницы характерная картина, свидетельствующая насколько жизнь сильнее теории: за столом, уставленном бутылками, петлюровский полковник Матвеев (б. полковник русского генерального штаба), начальник штаба войск, окружающих Одессу, кутит с полковником Добровольческой Армии. Матвеев пьян, лезет целовать какого-то артиллерийского генерала, шатаясь, шляется между столиками.

В 10 часов вечера сообщают нам из данных контр-разведки: петлюровцы распадаются, офицеры уходят в Добровольческую Армию, солдаты разбегаются, французы их разоружают. Лейтенант Б. из французской контр-разведки уволен за плохое осведомление своего штаба. Бертело с генералом Геруа приезжают на днях в Одессу.

Директор банка Рябушинских П. О. Жаба передает отказ пребывающих в Одессе директоров банков от участия в финансовом совещании при здешнем финансовом управлении; написал Пильцу письмо, что банкиры не желают работать под председательством Демченко.

В 10½ часов вечера приходит за интервью английский коммерческий агент Райлей. Он опасается большевизма в Европе и Англии, смеется над безумием французов, уверен, что англичане не будут оккупировать России. Удивляется, что Деникин не получил снабжения, когда уже больше месяца тому назад ему было выслано англичанами из Египта полное снаряжение на армию в 100.000 человек; 15—20 тысяч англичан, что сейчас на Кавказе, отправляются на Дон, на помощь Краснову.

ГЛАВА IV

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

Барон Меллер-Закомельский у ген. Бертело. — Проект организации противобольшевистской агитации. — Генерал А. В. Шварц. — От'езд Пильца. — У ген. Санникова. — Борьба ген. Бертело с ген. Деникиным. — Андро де Ланжерон. — Сведения из Парижа. — Телеграмма из Парижа о «Принцевых островах». — Энно у д'Ансельма. — Настроения французов. — Свадьба Энно.

11 февраля. Вторник.

В 11½ часов утра заседание пленума С. Г. О. Р. После доклада о правом настроении в Екатеринодаре, наша публика сразу и решительно шарахнулась вправо. Вопрос о выборах на «Принцевы острова» решили отложить до более точного выяснения, что это за затея — ведь до сих пор, собственно, никому ничего о ней не известно, кроме того, что союзники зовут русских на «Принцевы острова».

В городе панические слухи; Бертело приезжает, будто для того, чтобы забрать французские войска обратно, так как ни с кем путем сговориться нельзя; французские матросы будто бы арестовали своих офицеров (один дредноут ушел снимать с мели «Ми-

рабо», который умудрился сесть на камень на внешнем рейде Севастополя — отсюда слухи).

Составил с И. Н. Балабиным и Д. Г. Балаховским меморандум для Бертело. С трудом убедил Балабина не включать ходатайства о содействии французов для восстановления помещикам их усадеб и отобрания награбленного крестьянами добра. Ничему не научились. Включили заявление, что будем всячески бороться с договорами, которые французы будут заключать с врагами России (украинскими самостийниками).

12 февраля. Среда.

Провал «Принцевых островов»: пришло радио о беседе Пишона с журналистами, что конференция на островах теперь уже не нужна; мотивировка ненужности — идиотская: большевики де уже высказались, не о чем, значит, больше разговаривать. Наши в С. Г. О. Р. радуются, что еще не выбрали делегатов на острова, в то время как социалистические группы уже выбрали и даже распубликовали имена своих делегатов: Мякотин, Пешехонов, С. Я. Елпатьевский, И. П. Фундаминский, Я. Л. Рубинштейн и т. д.

Хлеба в Одессе на три дня; яйца вскочили с 9 рублей за штуку на 29. Среди обывателей паническое настроение.

Вечером совещание в бюро С. Г. О. Р. о завтрашнем визите к приехавшему вчера в Одессу генералу Бертело. Принимается наш меморандум с небольшими поправками. Барон предлагает отправить его одного к Бертело.

Станция Казатин взята большевиками.

Подвезено немного угля — для электрической станции недели на две, для пароходов и паровозов — дней на 10. Хлеба на 5 дней. (Населения в Одессе около 800.000 человек.)

Французы сообщают, что переговоры с петлюровцами прерваны; сегодня Фредамбэр не принял их депутации.

Расспрашивал местного банкира В. Ф. Кусиса, грека, состоящего офицером для связи с греческой оккупационной армией. Говорит, что настроение греков — прекрасное; хотят заплатить России за 1827 год. (Могу себе представить, что об этом знают солдаты-греки!) Большевики не находят последователей в рядах греческой армии. На днях придет дивизия, которая вышла 10 дней назад из Салоник и неизвестно где застряла.

Ясно, что большевикам труден доступ в греческую армию только из-за языка.

Сегодня солдаты добровольцы поймали в казарме рабочего, кравшего дрова — истязали, потом убили его.

13 февраля. Четверг.

Ц. В.-П. К. получил телеграмму от Лебедева — министра торговли и промышленности у Деникина с приглашением на 11/24 февраля в Севастополь на совещание по транспортному вопросу.

Барон был в 11 часов у Бертело; Бертело выразил сожаление, что не был на Ясском совещании; спросил, как барон смотрит на положение вещей на Юго-Западе. Барон отметил, что когда три месяца тому назад мы просили военной помощи у союзников в Яссах, мы надеялись, что Украина будет

плацдармом для создания русской армии. Союзники опоздали — Украина утеряна; престиж Франции с каждым днем падает, тем более, что Франция в начале интервенции об'явила Петлюру врагом России и, тем не менее, вместо борьбы с ним, начала переговоры. Генерал Бертело, волнуясь, перебивает барона и горячо доказывает, что это не верно: «Vous autres russes vous êtes des enfants». Когда д'Ансельм отправлялся в Одессу, Бертело получил от Деникина телеграмму с требованием освободить митрополита Антония и офицеров, захваченных в плен петлюровцами. Бертело решил это сделать; в Киев итти он не мог — он приказал д'Ансельму вызвать генерала Грекова и потребовать освобождения. Ничего иного он сделать не мог, а, благодаря беседе с Грековым, спасен и Антоний, отправленный в Галицию, откуда он едет в Одессу, и большинство офицеров, едущих также через Германию на Юг.

Д'Ансельму было приказано ничем себя не связывать; твердых обещаний петлюровцы от французов не получили. Нужно относиться с доверием к французам, поставившим себе задачей возродить великую Россию.

«Но все же», говорит барон, «Энно, который вел до сих пор антипетлюровскую политику — не у дел, а ведь у вас договор с петлюровцами почти подписан?» — «Henno est un brave garçon», отвечает Бертело «и к тому же отлично осведомлен; остальное, что говорят — ерунда». Далее дважды подчеркивает, что по политическим вопросам надо обращаться к д'Ансельму (который не принимает), а не к Фредамбэру (который не пускает к д'Ансельму). В субботу возвращается в Букарест; через 2—3 недели покончит

с трансильванскими делами и тогда поселится окончательно в Одессе.

Барон: «Все боятся здесь, что большевики заберут Одессу в виду полного бездействия французов».

Бертело: «Мы завалены просьбами двинуться вперед». Хватается за голову и кричит: «mais je n'ai rien, rien!»

— Потом спохватывается: с конца февраля начнется прилив сил; через 3 недели сам приедет в Одессу и тогда начнется наступление.

Барон: «Нельзя ждать 3-х недель; иначе большевики захватят хлебородный район к востоку от Херсона, а без него нельзя прокормить города».

Бертело ничего обещать не может; рисковать не смеет — сил мало. Французы все делают для доставки из Румынии снабжения (русского) — да вот два транспорта, отправленные Краснову, замерзли в устье Дуная.

Барон: «А почему Вы не поддерживаете Добровольческой Армии?»

Бертело: «Я — горячий поклонник Добровольческой Армии. Телеграмма Деникина с отказом приехать на свидание со мною в Одессу меня нисколько не оскорбила (а телеграмма составлена неуклюже и нелепо). Деникин рыцарь, я жалею, что до сих пор с ним не познакомился». Что же касается до непопулярности добровольцев на Юге, то он считает, что отношение Одессы нельзя считать показательным, в виду ее интернационального характера.

Барон жалуется на отсутствие возможности сношений с Парижем и Лондоном. Сперва совсем их не было — а теперь военная цензура ничего не пропускает.

Бертело советует и не телеграфировать. После его возвращения в Букарест, пойдет первый прямой поезд из Букареста в Париж. Мы можем посылать к Бертело курьеров, которых он и будет направлять прямым сообщением в Париж. Спросил, кого мы считаем своим представителем в Париже. — «Сазонова» — А генерала Щербачева? — «Мы не знали, что он в Париже, но разумеется и его». — А делегаты Ясской конференции? — «Они посланы для совместной с первыми работы». — Вы думаете там трений нет? — «Уверен, что нет, тем более, что генерал Щербачев — член Ясской конференции». — Ну, я очень, очень рад, а то до сих пор одни недоразумения, все друг друга опорочивают. — «А «Принцевы Острова»? — Sale blague. (Это скверная шутка.) — «Одесса не может быть покинута?» — Бертело улыбаясь: — абсолютно исключено. Правда, все французы, здесь находящиеся, от мала до велика устали и мечтают вернуться домой, но будут заменены свежими войсками, иначе настроенными. — «Почему же не делаются до сих пор воинские формирования на Юге?» — Этот вопрос, действительно, нужно урегулировать, но при этом надо иметь в виду, что зона, оккупированная французами — западный фланг антибольшевистского фронта, который должен самостоятельно защищаться французами.

Итак: Деникин — рыцарь, но работать с Добрармией Бертело не хочет, ибо Юго-западный фронт — самостоятельный французский фронт; с петлюровцами ничего общего французы не желают иметь, но просят у них освобождения Антония и русских офицеров. Одессы не покинут, но войск для защиты ее нет, а имеющиеся рвутся домой. Чего уж яснее!

По сообщению кн. Щербатова, Бертело выразил желание поговорить с крестьянами, которые завтра у него будут. В Одессе теперь много большевиков, вербуют офицеров, предлагая им по 30.000 под'емных. Слух есть, что Колонтай здесь (!!), выступает на митингах.

Брат Блюмкина, убийцы Мирбаха, — работает в «Южной Почте» и на днях уехал из Одессы в Совдепию с письмами.

Челноков сообщает, что знакомые черниговцы по об'явлению пришли на заседание какого-то профессионального союза. На стенах надпись «вся власть советам». К ним подошел юноша и, когда узнал, что они беженцы из Чернигова, заявил: «Трудовая интеллигенция не бежит от большевиков, уходите отсюда».

Я настаиваю на том, чтобы потребовать от Бернацкого 25 миллионов рублей на агитацию против большевиков на Юго-Западе, отвезти их на французский дредноут для безопасности и, в случае взятия Одессы большевиками, перезти их в Париж для продолжения работы там.

Челноков возражает на том основании, что в Ялте Пуришкевич говорил в своем докладе о нем, Челнокове, он де взял 10 миллионов для снабжения армии и в них не отсчитался. Тоже мотив!

Меня поддерживает В. В. Пржевальский, кн. Щербатов и гр. Стенбок-Фермор. Челноков предлагает лишь ограничиться об'явлением Санникову, что нужно осуществить мое предложение, и тут же вспоминает слова Деникина: «я предпочитаю не иметь двух корпусов, а иметь хорошо поставленную пропаганду».

В 7 часов обедаем с офицерами Колчака: капи-

таном Щербаковым, штабс-ротмистром Толстым-Милославским и мичманом Холмским. Говорят речи — Челноков, кн. Щербатов, барон; вяло, скучно.

Кн. Щербатов был у Бертело хлопотать об арестованных петлюровцами министрах — Гербеле, Риттихе, Варун-Секрете. Бертело, узнав, что они еще не освобождены, рассердился на бездействие Ланжерона.

В английском клубе среди обедающих — начальник штаба петлюровцев, полковник (а ныне генерал) Матвеев, которого ввел в клуб полковник Святловский, специалист по перевозке из Киева багажа и писем. Кн. Куракин устраивает скандал.

Днем у меня Н. В. Тесленко. Он организовал в Ялте, вместе со своими доверителями Рябушинскими «О-во для пропаганды и защиты перед русским обществом добровольцев»; читают доклады, печатают плакаты, имеют успех. Приглашаю Тесленко в С. Г. О. Р. по городской группе. Охотно принимает приглашение.

14 февраля. Пятница.

Разговор Бертело стал известным в городе; отовсюду очень тревожные известия — все уверены, что если бы большевики пришли — сопротивление было бы нулевое.

Зашел Демченко — сообщает, что в беседе с некоторыми лицами Бертело назначил сроком своего возвращения в Одессу не 2—3 недели, а 4—5.

Демченко хлопотал о визе в Париж — паспорт его от французов попал к Логвинскому, который его будто бы потерял. Шантажирует.

По сведениям кн. Щербатова, за последнее время

усилилась немецкая контр-разведка в Одессе; в Лондонской гостинице — два немецких шпиона; немцы хотят использовать быстрое падение популярности французов и предложить свои услуги. Было бы не скверно.

Черногорчевич виделся с Бертело; его впечатление, что Фредамбэр будет смещен, д'Ансельма заменит генерал Ниссель, Энно же будет восстановлен в своем положении. Генерала Санникова французы не хотят; предпочитают менее притязательного и подчиняющегося им Гришина-Алмазова.

Обедаю с генерал-лейтенантом А. В. Шварцем, с которым работал весной 1918 года в Петрограде, когда, после взятия Риги, немцы угрожали походом на Петроград; общественные организации тогда сгруппировались вокруг Ц. В. П. К-та под моим председательством и пришли на помощь генералу Шварцу, который принял на себя поручение местного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов защищать подступы к Петрограду. Рассказал, что он задумал с А. П. Гучковым образовать армию из русских военнопленных в Германии, где их больше миллиона. Гучков поехал говорить об этом с Деникиным; думает, однако, что Деникин своего благословения не даст, тем более, что и Санников, которого он, Шварц, давно и близко знает, принял его холодно (за работу в Питере при большевиках). Просит дать ему и 10 его ближайшим сотрудникам — военным инженерам денег для проезда к Колчаку. Ему армяне предлагали заняться их армией, а поляки — крепостями, но он хочет работать для русской армии. На Украине, где он жил с августа 1918 года, он работал у К. Ярошинского по шлюзованию Днепра; теперь без работы. Жалуется на ригоризм Деникина,

предлагающего всем офицерам в положении Шварца, реабилитироваться судом; считает это ниже своего достоинства, хотя один из его сотрудников по Петроградской обороне 1918 года это уже сделал и принят в Добрармию.

Говорят, что заявление Троцкого о помиловании всех офицеров, которые к нему пойдут, уже оказывает свое действие — офицеры идут.

Я спросил Райлей, как относятся англичане к возможности использования русских военнопленных в Германии для образования армии на Северо-Западе. Он ответил, что скептически: англичане думают, что большинство военнопленных настроено большевистски.

По сведениям, сообщенным мне польским поручиком Боровским — поляков в Одессе 3.500 чел. пехоты и 500 человек кавалерии. Жалование они получают от французов, но неаккуратно. В последние дни вербуют польских партизанов.

Греков здесь — 2.000, французов — три полка, тысяч 6; всего с поляками 12.000 штыков союзнических. Поляки на Днестре теснят большевиков.

Передают со слов Ланжерона, вернувшегося сегодня в Одессу, что петлюровцы несомненно возьмут обратно Киев у большевиков. Сопоставляя это с тем, что Бертело принял сегодня А. Д. Марголина (который, как оказывается, не уехал в Винницу) и Мациевича, надо думать, что Бертело сказал барону неправду об отсутствии переговоров с украинцами.

Встретился с генералом Горбатским (был в Яссах по поручению Гетмана); сказал ему с упреком — «Что же это, петлюровская армия спасовала пред горстью большевиков в Киеве?» — «А генерал

Клембовский разве не в Киеве? А вы знаете, сколько у него настоящих русских кадровых и штабных офицеров? Ведь офицеры у большевиков получают 2—2$^1/_2$ тысячи рублей в месяц. Здесь они голодают, получая по несколько сот рублей».

Повидимому, Кромвелевский дух, которого Деникин ждет от своих офицеров, не по времени.

15 февраля. Суббота.

В 11 часов зашел Пильц. Он едет в Екатеринодар товарищем министра внутренних дел. Французы окончательно остановились на идее оккупации Юго-Запада, причем однако, управлять краем будет генерал-губернатор, назначенный Деникиным с благословления французов. Завтра от Бертело едут в Екатеринодар комендант Порталь и капитан Бертело с письмом к Деникину, в котором излагается решение французов и предлагается назначить таким генерал-губернатором А. И. Пильца. Далее, Бертело приглашает Деникина на свидание с ним через две-три недели, где угодно на побережьи Черного моря — лучше всего в Констанце. С французскими офицерами едет и Андро просить у Деникина разрешения набирать партизанские отряды крестьян. Андро везет рекомендательное письмо от генерала Бертело, в котором генерал называет его своим «другом» (на французском языке «друг» — дешевая монета, но все же!).

Пильц попутно сообщил забавную новость. На днях ему телеграфируют из Одесского казначейства: явился какой-то суб'ект в казначейство и обратился к заведующему с заявлением, что он представитель украинской Директории и пришел получить те не-

сколько сот украинских миллионов, которыми неправомерно владеют добровольцы. Управляющий обратился к офицерской добровольческой охране, несшей караульную службу у казначейства, с просьбой задержать посетителя; офицеры запросили Пильца, что с этим суб'ектом сделать. — «Арестуйте его», — сказал Пильц. И что же оказывается? — «Суб'ект», требовавший от имени Винниченко и Петлюры миллионы от добровольцев — не более не менее, как действительный статский советник и вице-директор Департамента Торговли при Тимашеве Б. — «А я», говорит Пильц, «арестовал его, как психопата». — «Ну, а дальше, что Вы с ним сделаете?» — «Пусть посидит и размышляет, уместно ли российским действительным статским советникам делать такие фокусы!»

В 12 часов дня пошел с Ю. Н. Глебовым и П. Н. Переверзевым к Санникову говорить о работе Ц. В. П. К-та для нужд Добровольческой Армии. Прождали два часа и после этого нас записали в девятую очередь. Раньше все приходили офицеры, просящиеся на службу. Просим доложить, кто мы и что предлагаем; офицер отказался пустить нас вне общей очереди. Я ушел. О Санникове Пильц вчера сказал: «он уже успел собрать всех заведующих гражданскими отделами управления, сообщил им о необходимости крайней централизации, в виду разрухи; для сношений с центром в Екатеринодаре есть де телеграф, а при перерывах в его работе надо начальникам отделов периодически ездить в Новороссийск (забыл, что сам с трудом добрался до Одессы в 8 дней и то, потому что реквизировал уголь в Севастополе).

В приемной офицер Апухтин рассказывает П. Н.

Переверзеву, что ему поручена добровольцами организация противобольшевистской агитации и пропаганды. Денег ассигновано на отдел 2 миллиона рублей. Но сотрудников нет, некому писать прокламаций и вообще не знает, как взяться за дело. А по их сведениям большевики устраивают в Одессе митинги, обеды, появились уже комиссары.

Встретил сына Варун-Секрета: отец его все еще сидит у петлюровцев; винит всех нас в бездействии; Петлюра оправдывается перед французами тем, что Гетманские министры преданы суду, до которого и не могут быть выпущены; французы же об'явили, что Петлюра и Винниченко лично ответят, если суд их не оправдает и их не выпустят. Пустая болтовня.

Переверзев был на днях на заседании профессионального союза портных. Какой-то большевистский оратор развивал платформу союза. Один портной, при бурных аплодисментах присутствующих, заявил: «Дайте работу, плевать на платформу».

Промышленники были вчера у Бертело, который заявил, что 4—5 транспортов греков предназначенных для Одессы, готовы для посадки в Салониках, но русские в Екатеринодаре не дают транспортов.

Завтракаю с Энно; едет в Париж, не верит Бертело — песенка его, Энно, спета.

Письмо от Шварца; просит устроить ему прием у Бертело, уехавшего сегодня в 3 часа обратно в Букарест. Приходит ко мне, рассказывает, как Троцкий с пеной у рта, стуча кулаками по столу, требовал от него перехода на службу к большевикам. Шварц отказался. О Пильце Шварц рассказывал любопытный факт. Пильц был Витебским губернатором в течение нескольких лет; был им и тогда, когда в Витебске находилась ставка верховного

Главнокомандующего. Когда Николай Николаевич был сменен государем, Пильц настоял на том, чтобы Николай II пошел на вокзал провожать Николая Николаевича. Куракин подтвердил правильность этого рассказа.

Внес сегодня предложение в бюро С. Г. О. Р. дать генералу Шварцу и его офицерам 50.000 рублей на поездку к Колчаку. Бюро согласилось.

Вечером в 11 часов разговор с Х..., бывшим с Фредамбэром у Украинцев. Французы заключили условие с петлюровцами. Весь финансовый, железнодорожный и административный аппарат переходит к французам. Из Директории удаляются Винниченко и Швец — входят на их место великороссы; галицийские войска поступают в непосредственное командование французов; за это французы разрешают украинцам послать представителей на Конференцию Мира для того, чтобы поставить на обсуждение конференции вопрос об Украине. Украинцы будто бы двинулись к Киеву и имеют успех. Далее Х. сообщает, что генерал Бертело вовсе не собирается жить в Одессе, но приедет опять через дней 10—15; что англичане не хотят посылать людей в Россию, что американцы признали Грузинскую республику и готовы признать и большевиков; приводит характерный для Бертело факт — Деникину предлагается впредь не назначать командующих частями на Юге без согласия французов, а, буде Деникин не согласится на это, то французы оккупируют Юг. Три недели тому назад он видел в Букаресте проект организации легких бригад, приспособленных к условиям гражданской войны: два полка по 2.000 человек, пол-полка конницы — 250 человек, несколько батарей, танков и аэропланов. Таких бригад для

Юга предполагается 6. Думает, что их уже начали формировать.

Кн. Щербатов едет завтра на миноноске с французскими офицерами и получил от барона инструкции настаивать пред Деникиным о немедленном назначении на Юге генерал-губернатора с почти неограниченными полномочиями, с правом расходования сумм вне сметы, с правом назначения и увольнения должностных лиц всех степеней. Делаем последнюю попытку сохранить за Добровольческой Армией хотя бы формальную связь с Юго-Западом.

Завтра уезжает и Н. А. Ростовцев. Его третьего дня забаллотировали в должности секретаря законодательной группы С. Г. О. Р., как слишком левого; выбран на эту должность член Государственной Думы Скоропадский — крайний правый.

16 февраля. Воскресенье.

Генерал Бертело сказал Даниилу Балаховскому: англичане стараются убедить Европу, что французы не справятся с Россией, которую де всю следует предоставить англичанам, а французы уже сговорились с Венизелосом, который за какие-то компенсации, предоставил французам греческие войска.

Андро ходит по влиятельным лицам и просит поддержать перед французами его кандидатуру на пост генерал-губернатора. Был у архиепископа Платона, ссылаясь якобы на согласие на его кандидатуру С. Г. О. Р., но Платон его отшил. Пильц просит предупредить Фредамбэра об авантюризме д'Андро. Биография его по словам Пильца и кн. Куракина такая: лейб-казак, вращался в Петроградской аристократии, уездный предводитель дворянства по на-

значению на Волыни, депутат 1-ой Думы; во время войны — поставщик хлеба правительству, заплатил тогда долги и поправил запущенные дела. Выдает себя за потомка Одесского Ланжерона, называет себя д'Андро де Ланжерон (второй уже за короткое время — везет гр. Ланжерону).

Сегодня пришел французский полк, греческий — вчера.

17 февраля. Понедельник.

В 10 часов вечера зашел генерал Шварц. Вчера приехал генерал Альфатер, бывший командир Московского полка, приглашенный гр. Келлером командовать Северной Армией. Он получил от Деникина благословение на организацию армии из военнопленных. Едет в Париж хлопотать о деньгах, берет из Одессы 21 офицера. А. И. Гучков, таким образом, опоздал.

В 11 часов пришел лейтенант Z... Приехал из Парижа, привозит последние парижские новости. В Париже образовался русский Комитет из кн. Г. Е. Львова, А. И. Коновалова, В. А. Маклакова, П. Н. Ефремова, М. А. Стаховича, К. Д. Набокова (б. советника нашего посольства в Лондоне), Извольского; ждут Сазонова. Этот Комитет будет работать на Мирной Конференции. Коновалов предложил подпереть Комитет в интересах его популярности в глазах европейской демократии — представителями левых партий и общественными деятелями, популярными в России и за-границей — не согласились. Приехал в Париж Н. В. Чайковский, Б. В. Савинков и Н. Д. Авксентьев. Авксентьев заявляет, что армия, во главе которой теперь стоит Колчак, со-

здалась только благодаря тому, что Директория возглавлялась левым. Милюков живет в Англии, изредка приезжает во Францию, но Пишон — Министр Иностранных Дел — его не принимает. О левых наших ничего не слышно. Русская эмиграция устроила в Париже блок левых групп; председательствует в нем б. шлиссельбуржец С. А. Иванов. Большевики выступают более активно на митингах Лиги Прав Человека и др. Приезжал с.-р. Русанов и выступал против интервенции. Идея вооруженного вмешательства в дела России крайне непопулярна во Франции, Англии и Америке. Французы думают пустить в дело б. русских военнопленных, просачивающихся из Германии. Их собирают в Бретани, в Лавали, где ими ведает наш б. военный агент во Франции генерал гр. Игнатьев. Большевики и там работают, и на этих солдат слабая надежда. Французы признают главнокомандующим генерала Деникина, но требуют от него подчинения генералу Бертело. Он же назначает своих представителей без согласия Бертело, отменяет посылки транспортов, делаемые французами (в частности, в Екатеринодаре остановили транспорты, посланные в Салоники за войсками). Z. едет сотрудником полковника X..., чтобы убедить Деникина подчиниться Бертело. Французы задерживают отправку снабжения Деникину только из-за этих трений.

Вчера получена на имя Брайкевича телеграмма от кн. Львова из Парижа о «Принцевых Островах». Туда приглашают для обсуждения условий гражданского перемирия, при чем, говорится дальше, «если большевики примут настоящее приглашение — мы пошлем его Совнаркому, коим предположено делегировать Чичерина, Луначарского и Фриче или

Троцкого». Чайковский и Сазонов уже отказались от имени Архангельского, Омского и Екатеринодарского правительств. Русский Комитет все это решил единогласно». Другая телеграмма Мякотину, подписана Чайковским: Чайковский против участия партии народных социалистов.

18 февраля. Вторник.

Сегодня Энно был у д'Ансельма, чтобы сообщить ему, что завтра будет его свадьба (развод будущею женой Энно получен и разрешение на брак ее с консулом выдано в срочном порядке митрополитом Антонием). Д'Ансельм был крайне любезен и долго с ним беседовал. Энно воспользовался случаем и сказал д'Ансельму: сил у Франции, чтобы помочь России, нет; не имея возможности дать нужного количества войск, она могла бы помочь России только правильною политикой в русском вопросе; что же она делает на самом деле? Входит в соглашение с петлюровцами, рассчитывая получить от них 178.000 человек (это, очевидно, Ланжерон насчитал). Это — чистейший самообман, а тем временем французы ничего не предпринимают для экономического завоевания страны. Немцы же не дремлют; на днях выходит газета, субсидируемая немцами (?); гр. Берхгейм разослал 23 декабря 1918 года циркуляр всем немецким консулам, предписывая им остаться на местах и работать для Германии (а французские консулы все уже разбежались, в то время, как англичане давно уже пытаются установить товарообмен и даже какой-то японец явился в Одессу для торговых сношений). Когда можно было двумя дивизиями и несколькими вагонами сапог и тканей получить

поддержку крестьян — французы ничего не делали и теряли город за городом, губернию за губернией. Престиж Франции сведен теперь к нулю; Россия будет завоевана в Европе Германией, в Сибири — Японией.

Д'Ансельм на это ответил, что он не знает, что и как делать, что он лично охотно уступил бы командование армией здесь в Одессе за командование одною дивизией на Рейне.

Я. — Ведь, французы уйдут от большевиков, если эти последние приблизятся к Одессе.

Энно. — Вы читали последнее радио Троцкого? Он предлагает прекратить пропаганду большевиков среди союзников и уплатить 17 миллиардов долга, если союзники откажутся от интервенции? При этих условиях для французов большой соблазн уйти.

Я. — Тогда что же с нами всеми будет? Ложиться под ножи?

Энно. — Большевики этого не потребуют, ведь в Киеве нет при большевиках ни анархии, ни резни. Там было предложено всем офицерам, либо итти на службу к большевикам, либо ехать в Одессу; а приехало ведь очень мало. (Полковник С. В. Зверев сообщил, что генерал Клембовский выслал сюда из Киева к товарищам их 46 офицеров с полковником во главе и с сообщением, что каждый желающий может смело приехать в Киев и поступить на службу.)

Я. — Две недели тому назад я, докладывая в С. Г. О. Р. о французской политике, сказал: раз французы строят все на положении — pas une goutte de sang français (ни единой капли французской крови), то они логически докатятся сперва до соглашения с петлюровцами, а потом и с большеви-

ками — заявляя: il y a des Bolcheviques et des Bolcheviques (есть большевики и большевики).

Энно. — А что Вы думаете? Ведь все прибывающие сюда большевистские комиссары не коммунисты, а чистые с.-р. Наконец, ведь в соглашении с большевиками можно поставить условием и временную оккупацию Юга французскими войсками (!!).

Я. — Да, вы будете отдыхать под южным солнцем, а за вашею спиною большевики будут добивать интеллигенцию и буржуазию.

Энно пожимает плечами.

А ведь эти психологические фазисы уже пройдены — французы потенциально одною ногою вне Одессы.

Завтракал с Z... Французы наметили генерал-губернатором Юга — Пильца. Капитан Бертело, поехавший в Новороссийск, сообщит об этом Деникину, потом поедет прямо из Новороссийска в Бухарест за формальным благословением генерала Бертело, и через 2 недели А. Пильц будет здесь генерал-губернатором. Завтракал с нами и И. П. Фундаминский. Он был поражен мрачною картиною, нарисованной Z... Сказал — пусть Z... никому не говорит о тенденциях невмешательства, господствующих у французов, иначе все с.-р. теперь в Одессе махнут рукой на союзников.

Я. — Что же и пойдут с большевиками?

Неопределенный жест (повидимому, политика черновцев начинает сбивать с толку всех с.-р.). Фундаминский и Я. Рубинштейн посылаются своими партиями во Францию для усиления агитации за интервенцию. Выбор очень удачен. Деньги рассчитывают получить от капиталистов. Сегодня я проконсультировал двух многомиллионных киевлян, дадут ли они деньги для поездки социалистов в Париж для аги-

тации за интервенцию? Вряд ли — капиталисты требуют, чтобы их спасали бесплатно.

В вечерней сводке сведения о прибывшем в Одессу французском добровольческом дивизионе, направляющемся в Область Войска Донского. Солдаты будут получать по 1000 рублей в месяц, офицеры — от 3 до 5 тысяч; если бы Деникин додумался до таких жалований! А то не миновать в его армии самых диких грабежей. Офицеры Колчака, приехавшие от него к Деникину, просили у него денег на обратный путь через всю Европу, Атлантический океан, Америку, Тихий океан и Сибирь. После долгих колебаний он им выдал 15.000 рублей. Любопытно, впрочем, что и французы не очень то широки. Офицеры, едущие по особым поручениям, получают 300 франков жалования в месяц и 10 франков суточных, то-есть, 600 франков в месяц, что при теперешнем курсе (приблизительно по 3 рубля за франк) составит 1.800 рублей.

Был вечером у Райлей, читал составленную им агентскую телеграмму английскому правительству. О «Принцевых Островах» он пишет: «приглашение это вызывает смущение и недоразумение у всех уважающих себя русских политических партий — никто не согласится сидеть рядом с представителями власти, опирающейся на китайцев, которые, по точным докладам, полученным мною из Москвы, проходя через деревни, насилуют всех девочек от 8 до 10 лет». Говорит, что если через 5—6 недель союзники не договорятся до сильного и планомерного военного вмешательства, то дело затянется еще на год. Надеется, что возьмутся за ум. Я спросил Райлея, правда ли, что он участвовал в заговоре летом 1918 года против большевиков в Москве.

Ответил: никогда большевики не были так близки к падению; но предатели донесли за 10 дней до намеченного дня, пришлось дело скомкать и лидеры большевиков не были арестованы. Рад падению Краснова (атаманом выбран Богаевский), которое предсказал год тому назад: «на всем Дону нет человека, который бы его уважал. Это — тупой суб'ект, но гениальный импрессарио».

В 3 часа заседание Бюро С. Г. О. Р. Барон Энгельгардт и белорусская делегация докладывают о миссии генерала Гальфтера; денег у него — нет, Деникин ничего не дал; а нужен, по крайней мере, миллион рублей; предлагают нажить их на продаже 150 тон муки, которую где-то могут достать. Едут спасать Россию!

В 8 часов вечера прием у Энно по случаю бракосочетания их. Свадьба была сегодня; свидетели М-me Энно: В. В. Шульгин, кн, М. А. Куракин и генерал Гришин-Алмазов. Из церкви поехали на благословение к епископу Платону.

Ужин богатый, шумный; тосты, речи. Молодой офицер, видя среди гостей двух сестер М-м Энно, провозглашает тост за «Трех сестер». — «Ага, — заявляет громогласно Гришин-Алмазов, — знаю: пьеса Максима Горького!» Потом увязывается в горячий спор с редактором «Одесского Листка» С. Ф. Штерном, доказывая, что не стоит опираться на общественность; она лишь болтает без умолку, да ничего не делает; впредь он будет опираться только на жандармов.

Энно опять мрачно говорит о западне, которую Троцкий поставил французам и что французам есть расчет на это итти.

После ужина, в 11½ приходит ко мне Виллем,

сидит до часу ночи. На место Энно пришлют сюда крупного француза. Вопрос о генерал-губернаторстве Пильца решен; д'Андро будет вербовать отряды; это он, Виллем, свел Андро с Бертело, при чем сведения об Андро Виллем имел только от самого Андро, который их всех очаровал в Бухаресте. Гришин-Алмазов никуда не годится и должен быть смещен; то же — и Санников. Виллем учреждает экономическое бюро при штабе оккупационной армии, но до сих пор не может получить точных указаний от Фредамбэра, что собственно должен он делать — банк ли учреждать, синдикат промышленников или что либо другое. Французы скоро начнут формировать смешанные франко-русские отряды, так как это единственный способ создать здесь Добровольческую Армию.

Сегодня началась дикая спекуляция на франки; указывают известное в Одессе трио — два одесских банкира и один киевский делец. Франк вскочил до 3 р. 60 к. Государственный банк будто бы решил продавать бланковые чеки на валюту, пока не собьют цен. Ерунда, будут сами спекулировать.

ГЛАВА V

ПОПЫТКИ СГОВОРИТЬСЯ С ПЕТЛЮРОВЦАМИ

У капитана Щербакова. — Морской отдел Ц. В. П. К-та. — Троцкий и Военно-Промышленные Комитеты. — Хлебный вопрос в Одессе. — На Одесской Бирже. — Письмо кн. Щербатова из Екатеринодара. — Заседание с «Национальным центром». — Андро у ген. Деникина. — Опять Петлюра. — Планы французов — смешанная Директория. — Доклад Б. Ф. Григоренко.

20 февраля. Четверг.

Барон вечером заносит к уезжающему к Колчаку капитану Щербакову письмо для Гурко в Париж; а там пьет с Щербаковым водку Гришин-Алмазов. На докладе у нас Щербаков, характеризуя роль Гришина в Сибири, говорил о нем с нескрываемым пренебрежением и просил дать ему копию протокола Ясской делегации (заседание в Одессе) с докладом Гришина, закончившимся заявлением, что спасение только от добровольцев; это заявление будет де у Колчака доказательством «измены» Гришина делу Сибирской армии. Теперь же чувствуя себя, очевидно, провалившимся у добровольцев, Гришин опять возвращается в об'ятия Колчака.

Говорю за завтраком с инженером Х... о подлых одесских спекулянтах, гонящих валюту; жалею, что не могу повесить главных. Х... горячо протестует, утверждая, что главные спекулянты сами французы, разжадничавшиеся благодаря возможности спускать свои франки по все большей и большей цене. Наш разговор слышит Д. С. Марголин и после ухода Х... говорит: «А Вы попали не в бровь, а в глаз — ведь Х... — один из трех китов этой спекуляции».

21 февраля. Пятница.

Французы двинулись на Вознесенск с танками. Петлюровские министры очень суетятся по городу; приехал и генерал Греков. Французы уперлись и ставят им ультиматум — сражаться вместе против большевиков, а о политике временно забыть. Между тем работа большевиков кипит; разведка сообщает, что из Киева присланы большевиками дешевые галоши (по 15 рублей пара) и чай (по 12 рублей фунт) для продажи в рабочих кооперативах. Безработица растет; хлеба мало.

У нас — спячка; барон окончательно застыл.

Работают у нас два-три человека, остальные — сплетничают, злятся, интригуют. Кадеты бегают на собрания социалистов, к нам не ходят, кроме одного Родичева, говорящего об одном: надо помочь хлебом союзников голодающему Питеру и Москве; а как сделать это — не знает.

Гр. Х... (генерал-майор, сын нашего б. посла, генерал для поручений при Гетмане) говорит мне: «Я примазался к поездке генерала Альфатера в Париж, не из патриотизма, конечно, а потому, что четыре года не видел своих».

В 3 часа заседание Бюро С. Г. О. Р. Решаем послать в Париж и в Лондон несколько человек для оживления работы наших делегатов.

Ознакомил мичмана Холмского с работою морского отдела при Ц. В. П. К-те. Этот отдел создан был мною в начале 1918 года; большевистская рабочая группа под председательством рабочего Павла Ильича Судакова очень им заинтересовалась. Как странна судьба! Задолго до войны, я в качестве гласного Петербургской Городской Думы был избран представителем от города в Совет по делам Страхования Рабочих, при Министерстве Торговли и Промышленности. Председательствовал в Совете то Тимашев, то П. Л. Барк, докладывал В. Н. Литвинов-Фалинский; в рабочей группе, тоже там представленной, председательствовал П. И. Судаков. По многим вопросам завязывалась борьба между рабочими и фабрикантами, которыми руководил в Совете тонкий и умный В. В. Жуковский. На сторону фабрикантов всегда становился Министр Торговли, за которым тянулись 10 представителей других ведомств; за рабочих голосовал часто я и... расстрелянный большевиками директор департамента полиции Белецкий. Судьба послала мне в Ц. В. П. К-т во время тяжелого председательствования в нем в 1918 году председателем рабочей группы того же Судакова. И в значительной мере этому обстоятельству, я полагаю, мы обязаны тем, что сносно существовали весь 1918 год. В то время, как Земский и Городской союзы уже провалились в январе 1918 года, в нашем морском отделе много хорошего было начато; между прочим нашими трудами было восстановлено дело перевозки грузов по озерам и каналам Петроградского округа.

Вообще же за этот 1918 год нами были употреблены героические усилия для спасения многосот-миллионных военных запасов наших на всем протяжении фронта; мы сберегли с огромным для себя риском все, что можно было сберечь, полагая, что это имущество будет использовано властью, которая прийдет на смену большевизму; сберегли не идя в Каноссу, отстаивая свою независимость в течение целого года, не допуская в свою среду комиссаров. Любопытен и достоин отметки следующий случай. Во время немецкой оккупации Финляндии в 1918 году, финны стали расхищать богатые морские правительственные склады русского Правительства в Гельсингфорсе и Выборге. Получив донесения наших служащих, мы решили предложить большевикам такую комбинацию: большевики об'являют, что склады эти принадлежат Ц. В. П. К-ту; этот последний, как учреждение общественное, имеет право протестовать против хищения правительством враждующей державы его частного имущества, не подлежащего реквизиции по принципам международного права. Сказано — сделано. Вооружились заключением проф. Нольде и отправились по мукам. Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства А. П. Рыков отнесся скептически к нашей попытке — война де война, какие тут еще принципы права! То же и Карахан, в качестве помощника комиссара по Иностранным Делам — сам де юрист, знаю, что все это ерунда. Иначе взглянул на дело Троцкий, которого я не видел с 1906 года, со времени процесса первого Совета Рабочих Депутатов. Принял он меня крайне любезно; с двух слов понял, что нужно, велел внести дело на рассмотрение военного совета в тот же день, а через два дня было послано

Рыкову заключение, в котором Троцкий находил нужным передать все казенное идущество на всем протяжении государства в частную собственность Ц. В. П. К-та, за которым он полагал необходимым сохранить и впредь автономный, общественный характер.

22 февраля. Суббота.

В Ц. В. П. К-т обратилась сводная гвардейская часть, стоящая под Мелитополем, с заказом на седла; вместо денег предлагают пшеницу, которую надо, однако, сперва вывезти из Мелитополя. А. Литвинов-Фалинский сказал мне сегодня, что местные крестьяне ни одного пуда хлеба за деньги не дают — какова бы ни была предложенная сумма. До сих пор меняли хлеб на сахар. Сахара уже нет. Николаев и Херсон дадут за нефть, но Батум нефти за деньги тоже не дает. Он, Литвинов-Фалинский, уговорился с приезжавшим англичанином, полковником Кросс, что Батум, где у англичан 100 миллионов пудов керосина, отпустит в кредит 10 миллионов, которые впоследствии можно будет оплатить хлебом. Литвинов-Фалинский подал уже в отставку и хотел уехать немедленно в Батум для оформления этой операции, но генерал Санников удержал его до приезда Деникинского Министра Торговли В. А. Лебедева, которого ждут в Одессе на днях; Литвинов остался ждать Лебедева, а хлеб на исходе. Через 10 дней будут с'едены последние запасы. Из Николаева появились первые крысы, бегущие с корабля — местные буржуи. В Николаеве теперь пять властей: немцы (единственная дисциплинированная группа, хотя и ждущая со дня на день погрузки

на пароходы для от'езда на родину), французы, украинцы, Городская Дума и... Совдеп. Этот последний прибирает власть к рукам: немцы ему подыгрывают, а французы — s'en foutent.

Видел Н. Н. Савицкого. С. Н. Маслов предложил ему стать во главе продовольственного дела на Украине. Он было согласился, да раздумал и заявил генералу Санникову, что пока не выяснится конструкция местной власти, лучше сохранять тот аппарат, что сейчас действует. А аппарат этот бездействует: Санников и Гришин-Алмазов, зная, что их участь предрешена — отдыхают; ведавший хлебом Стерлегов уволен, а энергичный полковник Эсаулов, заведывавший мясным снабжением, чувствуя, что при Санникове ему не уцелеть, тоже застыл.

Видел А. Д. Марголина: соглашение с французами будет подписано дня через два (в десятый раз) и тогда петлюровцы выпустят из тюрьмы 6. Гетманских министров.

Слухи о поражении французов под Вознесенском.

23 февраля. Воскресенье.

На Одесской бирже — собрание членов ее; ждут приехавшего в Одессу Министра Торговли В. А. Лебедева. Председательствует — председатель Одесского Биржевого Комитета С. М. Гутник. Гутник — министр самостийного, посаженного немцами Гетмана, принимает Лебедева, представителя Деникина, считающего самостийность государственным преступлением и опирающегося только на Антанту. Любопытна карьера Лебедева. Сперва летчик, потом инструктор школы летчиков, потом основатель маленького первого русского заводика летательных

машин. А тут война и грошевый заводик Лебедева превращен при поддержке Военного Министерства в большой завод. Лебедев — миллионер, пускается в «дела». Волею судьбы (?), он становится министром Торговли и Промышленности у Деникина; пользуется фавором у генералов.

Днем слухи: французы и греки разбиты большевиками под Вознесенском; французы потребовали удаления из Одессы В. В. Шульгина; французы назначили генерал-губернатором Андро, вернувшегося сегодня из Новороссийска.

Видел мельком Андро: в Екатеринодаре М. В. Родзянко трижды созывал членов Государственных Дум, собиралось человек по 10, но тем не менее, Родзянко не признает нашей Думской группы, считая, что право представлять Государственную Думу принадлежит ему одному.

Письмо от кн. Н. Б. Щербатова из Екатеринодара; положение продовольственного дела там отвратительное; посевы не подготовлены, хлеба нет даже в Черноморском округе; на водах публика голодает. Санитарное состояние еще хуже: эпидемии свирепствуют, дезинфекционных средств нет, трупы умерших, пленных красноармейцев выбрасываются из вагонов прямо на полотно железной дороги. Англичане на Кавказе — полные хозяева и косо смотрят на вмешательство добровольцев. Но морскую базу в Новороссийске им устраивают — присылают солдат, офицеров, налаживают транспорт. Деникину присланы уже артиллерия, снаряды, мулы. Деникин всецело в руках генерала Романовского. Переезд штаба в Ростов, повидимому, решен, хотя из Ростова публика бежит, банки вывозят свои депо и книги.

Французы начинают сомневаться в достоинствах украинско-галицийской армии: сегодня между Раздельной и Бирзулой на конвоировавшийся петлюровцами поезд напали разбойники и дочиста ограбили всех проезжих.

24 февраля. Понедельник.

В 11 часов заседание Бюро С. Г. О. Р. с Бюро «Национального Центра» (от последнего — Н. К. Волков, Ф. П. Родичев, П. П. Юренев и Д. Н. Григорович-Барский). Дебатируется компромисс: директория с главнокомандующим во главе, пользующимся неограниченными правами в армии, в том числе и правом, которое по Полевому Положению принадлежит государю — правом назначения и увольнения высшего командного состава. Социалистические группы готовы включить в директорию Деникина ex officio, готовы признать его главнокомандующим, но несогласны предоставить ему право единоличного назначения и увольнения лиц высшего командного состава. П. П. Юренев предлагает поставить вопрос так, чтобы сделать разрыв с социалистическими группами неизбежным, так как Н. К. Волков, приехавший из Екатеринодара, удостоверяет, что на директорию там ни в каком случае не пойдут. Наше Бюро склонно согласиться с Юреневым, так как ясно, что никакая директория теперь не поможет, а тем более, раз на ее проведение надо будет затратить не один месяц переговоров с Деникиным. События требуют решений действенных, немедленных, а мы... Проклятое прошлое вековое отстранение интеллигенции от активной политической работы, привычка применять кредо своего газетно-

журнального участка к живым вопросам жизни, узость добросовестного убеждения в непререкаемости исповедуемой доктрины... Какое счастье будет для России, если буря отстранит от влияния на ее политику наше поколение политических деятелей и из обломков этого старого искалеченного, измученного, обесцвеченного поколения, среди мук, слез и лишений создаст новое, твердое, с меньшей дальнозоркостью, но более отчетливым знанием близкого, с меньшим горением, но с большей цепкостью, прямо скажу, более пошлое, тэр-а-тэристое поколение небольшого душевного размаха деловых людей американско-европейского типа, которые поддерживают величайшие государственные образования мира — английские колонии и С. Американские Штаты. Ведь слово «деловой» и сейчас еще звучит в устах российского интеллигента синонимом «дельца», аферпста, а на Западе «деловой» человек — это лучшая рекомендация для занятия любой должности, для завоевания самых высоких постов в иерархии демократического представительства...

В 1½ доклад у нас Д. Ф. Андро. Он был у Деникина с французскими офицерами, по просьбе Бертело, давшего ему четыре поручения: настаивать на едином командовании всеми силами Юго-Запада с сосредоточением его в руках французов, на организации гражданской власти под руководством французов, на немедленном свидании с Бертело и на организации смешанных русско-французских частей на Юго-Западе, как это сделали на Западном фронте в первые годы войны — англичане, американцы, а потом и Греция. (Эти отряды организуются так — из кадра в 100 французских офицеров и унтер-офицеров назначают сперва по одному французскому

офицеру и унтер-офицеру на каждого русского офицера и унтер-офицера в каждую боевую единицу и часть; затем при разворачивании из такой основной единицы и части новых частей — новых французов уже не вводят, и следовательно, их становится все меньше и меньше в каждой данной части по мере увеличения числа войсковых единиц). Сперва Андро был принят Драгомировым, который высказался отрицательно по всем четырем вопросам и сказал Андро: «Я надеюсь, что по вопросу о смешанных войсках Вы дали французам должный отпор!» — «А как я мог», говорит Андро, «дать отпор, когда французы мне рассказали, что русский военно-полевой суд оправдал по настоянию Одесской Городской Думы двух женщин, распространявших среди французских солдат большевистские прокламации и арестованных с поличным». Далее Драгомиров прибавил, что добровольцы никогда не согласятся на оккупацию, а Лукомский сказал: «Как же Вы хотите, чтобы у нас удержались хорошие офицеры, если Вы будете давать усиленные оклады в смешанных отрядах». Деникин согласился из четырех предложений только на... свидание с Бертело в Константе, которое предположено дней через 10.

Здесь, в Одессе, Андро видел у д'Ансельма телеграмму Деникина, об'являющего, что всякий русский офицер, который пойдет в смешанную франко-русскую армию, будет предан военно-полевому суду (хороший способ вести с союзниками «дипломатические» переговоры). По этому поводу д'Ансельм, волнуясь, заявил, что никакая работа с добровольцами невозможна; положение же в Одессе — отвратительное. На днях у коменданта Порталя была симулирована кража, все документы перерыты (вспоминаю, что

у меня в номере пропала книжка с адресами и телефонами); то же — у Коростовца вчера днем.

Положение Ростова — угрожаемое; по сведениям д'Ансельма, он может через три дня пасть. Отношение Кубанского правительства к Деникину, напротив, теперь несколько лучше; говорят, Деникин идет на уступки. Краснов и начальник его штаба Поляков скрылись из Новочеркасска переодетыми, повидимому, им не безопасно оставаться у себя на Дону. На Дону — отчаянная агитация большевиков, потом — усталость и разочарование вследствие неудач, а также недоверия к генералу Деникину и его штабу. Штатские люди в Екатеринодаре — Нератов, Маслов, Чебышев разделяют мнение Щербатова и Андро о необходимости уступок французам — генералы нет.

Особенно расчитывать на кубанцев Деникин не должен. Один боевой офицер Добровольческой Армии говорил Андро: «Лучшие аттаки против большевиков у нас бывают 15 числа, казаки знают, что утром 15-го каждого месяца большевики получают жалование». Среди офицеров Добровольческой Армии в Екатеринодаре свирепствуют две болезни: спекуляция и кокаин. (Учитываем, что Андро, связавший свою судьбу с французами, недостаточно об'ективен, но и сам Деникин говорил Трубецкому о развращенности тыла, даже в его ставке.) Отношения между добровольцами и англичанами — натянутые. Англичане об'явили независимость Грузии и не пускают туда добровольцев. Между грузинами и добровольцами уже были стычки. Всего англичан на Кавказе тысяч десять.

Сыпной тиф свирепствует на Кубани. От него умер генерал Н. П. Иванов, заболел генерал Вран-

гель; ежедневно умирает в Екатеринодаре человек полтораста. Говорят о санитарном диктаторе.

Вчера Андро был у Фредамбэра, тот показал ему бумагу, подписанную Петлюрою от имени Директории, содержащую три пункта: во-первых, Петлюра признает сделанные Директориею ошибки и отдает себя всецело в распоряжение благородного французского народа; во-вторых, в ведение французов передается на все время борьбы с большевиками все военное, гражданское, финансовое и политическое управление; в-третьих, украинцы надеются, что после победы над большевиками, французы поддержат на мировом конгрессе их законные национальные стремления. Сегодня Фредамбэр показал эту бумагу бывшему у него В. Шульгину: «Ведь это полный разрыв с добровольцами», сказал Шульгин. Фредамбэр пожал плечами и махнул рукой. Украинский посланец Галин, высланный из Одессы французами, как бывший австрийский шпион, был арестован Директорией в Виннице за плохое исполнение возложенного на него поручения. Но ведь Директорию предупреждали не раз, что в Одессе знают прошлое Галина.

Под Вознесенском было дело так. Французская разведка наткнулась на сильные части большевиков, которые стали обстреливать французов. Они отступили и послали парламентеров — полковника с несколькими солдатами; их тоже обстреляли. В Вознесенск будто бы прибыло 25 поездов с большевиками (?). И французы уже поговаривают о том, что придется бросить мысль об увеличении зоны оккупации, ограничиться Одессой, Николаевом и Херсоном, с прилегающей территорией в пределах пушечного выстрела.

Мобилизация, по мнению Андро, возможна; хлеборобы пойдут, если будут верить в мобилизующую их организацию — думает, что за ним пойдут скорей, чем за добровольцами (не пойдут, разумеется, ни за ним, ни за добровольцами). В прениях в С. Г. О. Р. я сказал: «Я ушел от большевиков, так как чувствовал себя в Совдепии кроликом, над которым в большевистской лаборатории делали социальные эксперименты, а здесь я себя чувствую кроликом, над которым добровольцы делают политические эксперименты. Я не вижу особенной разницы между тем и другим положением и одинаково не приемлю ни того, ни другого».

Все — Родичев, Вл. Бобринский, Хрипунов — за то, чтобы поставить ребром вопрос о добровольцах. Барон говорит: «Мы французов ругаем за бездействие, англичан — за то, что забирают себе кусок России, а чего мы, собственно, хотим сами — никто из нас и не говорит. Сейчас надо решить твердо и ясно, с кем мы идем: с французами и, быть может, с Петлюрой, или с добровольцами — и надо этот вопрос решить не в плоскости национального самолюбия, а в плоскости непосредственной опасности: мы рискуем отдать из-за нашей нерешительности и безалаберности все южное побережье большевикам. События начинают проходить мимо нас».

Далее барон сообщает, что сегодня был у него некто Григоренко, монархист, украинский землевладелец. Его призывал Фредамбэр и предложил ему, крестьянину С... и кому нибудь из более лево настроенных украинцев войти в Директорию, вместе с Петлюрой и Макаренко (Винниченко и Швец уже вышли из Директории). Это будет временной Директорией, недели на две, пока Петлюра и Ма-

каренко будут сдавать дела; потом в Директорию войдут вместо них великороссы.

Григоренко ответил, что не может решить этого вопроса, не спросив предварительно заключения С. Г. О. Р., так как, не опираясь ни на какую общественную организацию, он не может быть полезным (очевидно, работа хлеборобов уже далеко зашла — а мы ничего толком ведь не знаем; впрочем, барон, повидимому, больше знает, чем говорит).

Встретил в гостинице В. А. Лебедева — Деникинского министра; все тот же, выглядит мальчишкою, жесты решительные, походка быстрая; вокруг него, как дельфины вокруг корабля, питерские дельцы. Вместе «спасают» Россию.

Н. К. Волкова видел — не возвращается больше к добровольцам, едет к Колчаку в Сибирь.

Заходил генерал Шварц; он говорил вчера с А. И. Гучковым, который получил от Деникина благословение на поездку в Германию для набора из военнопленных армии под командованием генерала Гурко, у которого генерал Альфатер будет помощником. Генерал Шварц с ним не едет. («Так мне сделал предложение, что я решил остаться».)

В 6 часов зашел Виллем — в ужасе: «все рушится, все погибает, политика изменяется в корне...» Я спрашиваю: «неужели Клемансо умер?» — «Нет, добровольцы не идут на уступки, а мы ведь не англичане, мы не хотим итти в разрез с мнением русских».

Спрашиваю банкира И. С. Ксидиаса, как сошел прием на бирже министров Лебедева и Бернацкого? — С. М. Гутник приветствовал их торжественной речью, как носителей идеи единой нераздельной России.

В 9 часов назначено заседание Бюро с Б. Ф. Григоренко. Осведомляемся о его биографии. Узнаем: киевский землевладелец среднего размера, чиновник канцелярии генерал-губернатора по землеустройству, потом по болотоосушению; во время войны — уполномоченный по сдаче хлеба министерству Земледелия. При Гетмане служил в ведомстве министра Земледелия Колокольцева; с университетским образованием; член Киевской монархической организации; бежал из Киева при приходе петлюровцев.

Приходит Григоренко: говорит связно и дельно, сдержан, с выдержкою. Рассказывает, что французскому командованию, он, повидимому, рекомендован своими приятелями французами, работавшими на Юге. Фредамбэр предложил ему сегодня войти в Директорию с Петлюрою во главе. Лично для себя он не считает приемлемым Петлюру, это он решил окончательно. В отношении к добровольцам — он готов был бы работать с ними, но здесь на Юге они не пустили корней, непопулярны и с ними будет трудно. Например, добровольцы здесь обращаются с нескрываемым презрением к «сердюкам» (за-то, что они поддерживали Гетмана), а между тем «сердюки» одни сражались в Киеве против петлюровцев. А, например, отряды Святополка, бежавшие из под Киева, но не скомпрометировавшие себя с точки зрения добровольцев, ими здесь охотно принимаются.

Родичев произносит патетическую речь: французы ничего не дали, ввели в заблуждение добровольцев, обманут теперь и других, уверяя, что пойдут с ними. Не повторяйте ошибки Милюкова, искавшего опоры у иноземцев; требуйте от французов поддержки добровольцев в Екатеринодаре.

Его поддерживает Е. Н. Трубецкой; считает нас нереальными политиками, ибо французы сами ничего не делают, а приглашают сражаться других.

Я. — Без союзников мы вряд ли что либо сделаем; но помощь России непопулярна заграницей; другое дело, если французы в Париже будут поставлены в необходимость помогать не русским, а самим же французам, засевшим по самую шею в русские дела; а для этого надо предоставить французам сделаться временно хозяевами положения.

Барон. — Насколько добровольцы бездарны, как администраторы, можно судить уж потому, что Кубанское правительство запретило вывоз хлеба из Кубани, и Деникин, сидящий на Кубани со своей армией, не может отправить хлеба даже в занятую добровольцами Черноморскую Область.

Ф. П. Родичев. — Не верьте слухам; вот Андро говорит, что генерала Эрдели арестовали в Батуме и отправили с конвоем в Баку, а Н. К. Волков утверждает, что генерал Эрдели добился в Батуме даже того, что англичане разрешили вывезти ему из Батумских складов военное имущество, вопреки несогласию Лондона.

А. М. Масленников. — Защита Добровольческой Армии «Национальным Центром» — это самозащита кадетов. Они монополизировали Деникина и вне его не видят суверенных прав на Россию. А почему Родичев не затрачивает своего красноречия на то, чтобы убедить своих же кадетов Набокова и Винавера уйти из Крыма и безо всяких договоров передать его добровольцам? Родичев боится, что мы, уступая французам, потеряем русский суверенитет. Суверенитет приобретет та армия, которая окончательно разобьет большевиков и возьмет Петроград

с Москвой и тогда суверенитет будет восстановлен каким-нибудь народным собранием.

Гр. В. А. Бобринский. — Не собранием, а молебном.

А. С. Хрипунов. — Англия и Америка не считают для себя зазорным смешанные армии с французскими офицерами, почему это зазорно для русских?

Принимаем резолюцию для Григоренко: заявить французам ультиматум — Петлюра неприемлем; надо сделать еще одну попытку склонить Деникина к соглашению с французами; идущее с французами войско должно считаться русским, а не украинским. Практически: быть завтра у д'Ансельма, поговорить с Бернацким, поговорить по прямому проводу с кн. Щербатовым, который еще в Екатеринодаре.

ГЛАВА VI

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СГОВОРИТЬСЯ С ДОБРОВОЛЬЦАМИ

Пересмотр вопроса о добровольцах в пленуме С. Г. О. Р. — Адмирал Каппи о совещании при Деникине. — Доклад Бернацкого о финансах у Деникина. — Провал «Принцевых островов». — Барон у д'Ансельма. — Неудавшаяся встреча Деникинских министров с ген. д'Ансельмом. — У сахарозаводчиков. — Доклад полк. Веденяпина о добровольцах в Таврии. — Н. В. Тесленко о Крымском правительстве. — М. В. Бернацкий и Одесские деньги.

25 февраля. Вторник.

В 11 часов заседание Бюро С. Г. О. Р. Решаем послать депутацию к Деникину и Бертело, чтобы помешать разрыву французов с добровольцами.

В 3 часа заседание пленума С. Г. О. Р. — 33 человека.

Барон делает общий доклад. Деникин прислал телеграмму, что не может приехать в Констанцу на свидание с Бертело. Григоренко видел Фредамбэра, передал ему наше решение; Фредамбэр заявил, что временно он вынужден сохранить Петлюру, ибо один Петлюра может остановить вывоз из Украины в

Галицию ценностей, подвижного состава, вооружения и пр.; что соглашение с Деникиным невозможно, все меры исчерпаны и Деникин не назначает времени для свидания с Бертело хотя бы приблизительно.

Гр. П. П. Каннист сообщает, что на докладе Григоренко полтавским хлеборобам, эти последние высказались против Петлюры; но и на добровольцах они не настаивают, боясь оставить край слишком долго без власти.

За Петлюру высказывается С. Е. Крыжановский и гр. Алексей Бобринский: надо быть реальными политиками; добровольцы это только символ, а французы с Директорией — реальность; в трудные минуты идут на соглашение и не с такими людьми, как Петлюра.

Затем за поддержку добровольцев, независимо от возможных последствий, говорят М. В. Брайкевич, М. В. Челноков, В. В. Пржевальский, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Биллимович и проф. Малинин. За необходимость пересмотра вопроса о добровольцах — А. М. Масленников, А. С. Хрипунов. Я указываю на то, что добровольцы не есть единственный источник власти — они только географически ближайший к нам; кроме них, и с таким же юридически-ничтожным основанием, ведь претендует на власть и Колчак. Если мы находим, что Деникин плохо выполняет свою задачу, или может ее выполнить хорошо только у себя на Кубани, то вопрос решается соображением целесообразности — патриотизм здесь не при чем. Мы все время критикуем французов, а поставьте себя на их место; они ведь здесь люди новые, а что у нас видят и слышат? Взаимное недоверие, подкопы друг под друга. Полковник Фре-

дамбэр говорил мне как-то, что он провел много лет в Аннаме и думал, что аннамиты — худшая разновидность политиков, теперь он видит, что ошибался. Вы упрекаете французов в том, что они не умирают здесь за нас. А французы спрашивают, сколько в Одессе людей, способных носить оружие? При населении в 800.000 ведь не менее 100.000. — Где же они? — «Почему же Вы хотите, чтобы наши Поли и Пьеры, чудом уцелевшие в четырехлетней войне за свою родину, за свои домашние очаги, умирали здесь, когда сто тысяч русских граждан, способных быть солдатами, валяются в перинах, об'едаются в кондитерских пирожными, волочатся за девицами». А тот факт, что эти сто тысяч русских человек не хотят взяться за оружие, чтобы защищать родину от большевиков, разве не заставляет думать французов, что они, помогая нам, делают непопулярное, ненародное дело? Надо бросить болтовню и критику. Попробуем еще раз сговориться с Деникиным; если это не удастся — не беда, есть и другие выходы.

Собрание одобряет нашу тактику.

В 7½ часов обедаю с адмиралом В. А. Каниным и его начальником штаба, капитаном 1-го ранга гр. Келлером (сыном убитого генерала). Канин подтверждает, что В. А. Лебедев задержал транспорты, направленные французами в Салоники за греческими войсками для Одессы из-за того, что такое распоряжение транспортами нарушает права Добрармии. Как ни убеждал Канин, бывший тогда в Екатеринодаре, этого не делать — не помогло. И только здесь в Одессе, генерал Санников, по настоянию д'Ансельма, согласился послать эти транспорты в Салоники. Деникин всецело в руках Лукомского,

смотрит ему в глаза и не подписывает ни одной бумаги, даже предлагаемой ему Каниным, если видит в глазах Лукомского неодобрение. В Совещании при Деникине силу забрал М. М. Федоров — горячится больше всех.

Спрашиваю Канина о неприятном деле эксплоатации паровых шкун, в свое время реквизированных у владельцев их для военных надобностей и находящихся в руках добровольцев. Почему-то вместо эксплоатации этих шкун морским или каким либо иным ведомством, было решено передать их эксплоатацию частному товариществу будто бы с участием в нем адмирала Канина.

Канин сообщил, что план эксплоатации шкун частным обществом возник под влиянием неразберихи, существующей в морском ведомстве и министерстве торговли; но когда он узнал, что 4/5 участия в этом обществе приобретены инженером N. N...., лицом близким министру В. А. Лебедеву, он, Канин, отказался от участия в деле, а затем, приняв пост морского министра, затормозил его.

Советуюсь с Каниным, как уладить конфликт между Деникиным и французами. Советует послать людей в Екатеринодар переговорить сперва с Лукомским, Драгомировым, Федоровым, а потом только с Деникиным. Деникин не может теперь ехать в Константцу, так как генерал Врангель заболел сыпным тифом. У Деникина на днях был немецкий адмирал из Николаева, жаловался, что французы отказываются перевозить немцев на родину, несмотря на честное исполнение ими обязанности поддерживать порядок.

Встретил коменданта Порталя; он в отчаянии — разрыв с добровольцами неизбежен, но французы не

хотят сами взять власть; русские должны дать ее им, иначе им остается только уйти. Всю интимную историю конфликта с добровольцами знает Андро-де-Ланжерон «de qui nous n'avons pas de secret!» Французы не заняли Вознесенска; положение в Одессе отчаянное — в ней 40—50 тысяч людей, имеющих оружие, готовых в любой момент поднять восстание. «Et nos troupes sont travaillées».

В 9 часов вбегает гр. Алексей Бобринский; получена телеграмма от Петлюры, что он все бросает и едет в Галицию; значит петлюровцы рассыпались; катастрофа приближается — большевики скоро докатятся до Раздельной.

В 9½ часов — сообщение Бернацкого о финансовом положении на Юге. Прямые налоги дают гроши, для косвенных нет товаров, кроме водки, и то в ограниченном количестве. О займах и думать нельзя. Остается только печатать новые деньги. До сих пор один только станок работал — в Ростове н/Д. Но он работал и для Дона, что ставило Добрармию в зависимое положение и до сих пор она могла получить лишь 125—150 миллионов рублей. Крымское правительство без ведома и согласия Добрармии и в ущерб ей заключило договор с Ростовом о печатании для Крыма денег и тем еще более стесняет добровольцев в получении их. Уничтожить сразу старые деньги нельзя из-за крестьянского населения, у которого их масса; приходится ждать появления новых и заказать их в Англии или в Америке. Он, Бернацкий, решил об'явить украинские «гроши» недействительными, так как они были заказаны в Германии на сумму 13 миллиардов; было перехвачено радио из Берлина к Петлюре, чтобы посылал вагоны за готовыми 3½ миллиардами (остальные

также скоро будут готовы); принятие в платежи этих грошей ставило бы казну в зависимость от Германии. Он послал телеграмму с указанием, с какого срока гроши не принимаются — телеграмму переврали, опущена была вторая часть — о сроке, и получился крайне тяжелый для населения сюрприз, что гроши уже не принимаются. Правительство решило создать Государственный Банк, соединивши все доступные его конторы на Юге, об'единить операции, финансировать предприятия. Он, Бернацкий, будет легко давать разрешения на новые банки и синдикаты. Свободная торговля немыслима, надо регулировать и сырье и продукты. Екатеринодар готов затрачивать любые суммы для снабжения населения хлебом и мясом. Когда все наладится здесь и он уедет в Екатеринодар, то оставит лицо с очень широкими полномочиями, так как он сторонник децентрализации. Мегаломанов в Екатеринодаре среди генералов — нет, среди гражданских советников — немало. Французами в Екатеринодаре — крайне недовольны. Подозревают Фредамбэра в денежной нечистоплотности (Бернацкий говорит: «Фредамбэр, по русски скажем — Фрейденберг, лейтенант Эрлиш — по русски просто Эрлих»). Уверен, что за действиями французов кроется немецкая интрига. К Краснову приезжал какой-то французский капитан Фокэ и обещал ему войска союзников, если он подчинится адмиралу Франше д'Эспере. Уступить французам нельзя; «в худшем случае — пусть погибает Одесса: добровольцы останутся на клочке земли и оттуда победят».

Мы все протестуем против легкости, с какою Бернацкий, сидя в Екатеринодаре, готов жертвовать Одессой; говорим, что его наивный добровольче-

ский фанатизм не убедит на всем Юго-западе никого даже и из числа искренних приверженцев Добрармии. Я советую, чтобы все три, находящиеся сейчас в Одессе, добровольческие министра (адмирал Канин, Лебедев и Бернацкий) вместе с Санниковым посетили д'Ансельма и успокоили французов. Барон будет завтра в 9 часов утра у Фредамбэра и в 12 часов — у д'Ансельма и предупредит их о свидании с министрами. Затем предлагаю ускорить назначение сюда А. П. Пильца генерал-губернатором. Бернацкий соглашается на первое, молчит о втором; обещает заняться завтра улажением конфликта с французами. С англичанами у них ладно — получили уже пушки, снаряды, пулеметы и мулов; но нефть — в английских руках.

26 февраля. Среда.

С. Е. Крыжановский вчера сказал: «Через Деникина кадеты уже теперь готовят себе путь к центральному правительству в завоеванной Москве», а П. Н. Переверзев прибавил: «Я до сих пор не понимал острой ненависти к кадетам, которую всегда к ним питал Н. Д. Соколов, теперь я его понимаю».

Получена телеграмма от В. А. Маклакова на наш запрос о Принцевых Островах: никогда никто и не думал приглашать туда партии или общественные организации; приглашались только правительства. Теперь же все это падает, в виду отказа Сазонова и Чайковского. Эпопея закончена — остался только неблаговонный след от вызванных ею интриг.

В 9 часов барон у Фредамбэра. Выслушивает от него новый вариант — Петлюра не входит в Дирек-

торию; с добровольцами же все кончено; показывает барону кипу бумаг — все это недоразумения с добровольцами. Готов ждать 48 часов для улажения конфликта, а потом французам останется только уйти.

В 12 часов барон с кн. Е. Трубецким у д'Ансельма. Все время бранится: «qu'est ce que je puis faire avec Deniquine qui me pète tout le temps dans les jambes; tout le monde se foutra de moi». Последние три дня было очень неспокойно, но теперь все в порядке — начали прибывать эшелоны греческих войск, а потом будут и французские. В Николаеве тоже спокойно. Д'Ансельм не понимает, почему Деникин претендует на власть на Украине; тут дело Петлюры, а не Деникина.

Барон разослал письма с приглашением на 9 часов вечера к себе — Бернацкому, Лебедеву, Канину; все уже ответили согласием.

Вдруг получается письмо от Бернацкого с отказом приехать. Еду с бароном к Бернацкому об'ясняться — оказывается, Санников обиделся, что его не приглашают и Бернацкий бастует из солидарности с ним. Барон об'ясняет, что он не приглашал Санникова, считая, что ему, как генералу, подчиненному Деникину, неудобно разговаривать с французами об ошибках своего начальника. Бернацкий заявляет, что он не имеет полномочий от своего правительства вести какие бы то ни было переговоры. Уламываем; обещает приехать, если Санников приедет. Барон едет к Санникову — тот сперва категорически отказывается, потом соглашается, если будет присутствовать при беседе и д'Ансельм; не желает унижаться до беседы с полковником Фредамбэром; издевается над неудачами и претензиями французов. Го-

ворит, что страхи французов пред якобы приближающимися большевиками сильно преувеличены: большевики еще очень далеко.

В час завтракаю с комендантом Порталем. Больше не о чем разговаривать с министрами Деникина, все ясно, и либо Деникин согласится на предложение французов, либо разрыв и тогда уход французов, которым здесь нечего больше делать. Они не хотят поступать, как англичане, которые захватывают территории; к тому же англичане имеют дело не с русскими, а с независимой Грузинской Республикой. Устройте, Бога ради, какое-нибудь правительство (можно и без социалистов); французы немедленно его признают и будут с ним работать. Тогда в неделю будут организованы смешанные русско-французские части и можно будет начать активную борьбу с большевиками. Затем надо будет немедленно послать в Париж депутацию, человек в 10—15, в том числе и нескольких настоящих крестьян (а не представителей партии, которая защищает крестьянские интересы). Хорошо бы послать и пролетариев — рабочих, прислугу, которые пошли бы во французские синдикаты заявить, что народ не солидарен с большевиками, ибо во Франции уверены, что интервенция — затея одной буржуазии. «Торопитесь созданием правительства. Вы сделаете истинно патриотическое дело: увидите тогда, как закипит работа». По поводу поездки с капитаном Бертело в Екатеринодар рассказывает, что «Национальный Центр» устроил им там заседание, причем «un Monsieur qui parlait tout le temps» доказывал им, что не французы победили немцев, а русские, так как немцы погибли от микробов большевизма, который развивался на русском организме. Скромный и воспитанный Порталь

прибавил: «Разумеется, можно защищать и такую точку зрения, но есть вещи, которые не следовало бы говорить в той обстановке».

Сам Порталь заявил своему начальству просьбу об отпуске на родину; он 4 года не был во Франции, сильно тоскует; у него нет времени ничем другим заниматься, кроме службы; весь день ходит публика — все предлагают верные рецепты для спасения России.

В 3 часа заседание в союзе сахарозаводчиков; убеждаю их в необходимости собрать деньги для посылки новой делегации в Париж для ускорения присылки помощи. Все благодарят за речь, за сообщаемые сведения. Киевский богач, крупный сахарозаводчик Х... говорит: «Вот только беда — денег у нас нет — кое что захватили при бегстве из Киева на прожитье, а тут еще придется из Одессы бежать». Выхожу с заседания с Даниилом Балаховским, который говорит мне: «Х... a perdu une occasion unique de se taire, этот бедняк вчера проиграл в карты 300.000 рублей, а вместе с прежде проигранными — больше миллиона». Сахарозаводчики все же решили собрать тысяч двести, а со всеми другими промышленниками вместе — миллион. Рузумеется ничего не соберут.

В 9 часов — заседание С. Г. О. Р. Барон докладывает о попытках свести французов с представителями Деникина. Фредамбэр показывал ему телеграмму Санникова с угрозой Деникина отдать под суд офицеров, которые пойдут в смешанные отряды. Фредамбэр готов подчиниться решению С. Г. О. Р. «Ваша воля для меня закон, так как Вы в Яссах пригласили нас сюда». Затем он показал барону донесение английского вице-консула в Херсоне о

запрещении, изданном Добровольческой Армией, продавать хлеб и другие продукты союзникам. Далее сегодня утром французы хотели послать пароходы, бывшие до сих пор в их распоряжении, в Батум за нефтью; но команда парохода отказалась туда итти, так как пришло от начальника порта уведомление, что из Екатеринодара нет разрешения на выход этого парохода из порта, а есть угроза, что экипаж парохода, который уйдет без разрешения Деникина, будет предан военно-полевому суду. «Деникин так ведет себя по отношению к французам, как будто бы мы были воюющие стороны». (И подумать, что будь сам Деникин с Добровольческой Армией здесь — он не позволил бы себе по отношению к французам и сотой доли того, что позволяет себе теперь, находясь в сфере английского влияния, вне видимой зависимости от французской помощи).

Д'Ансельм произвел на барона впечатление насвистанного дрозда, расположенного к русским, но крайне раздраженного. Заявил, что политикой не занимается — требует только одного от политических деятелей: чтобы не были реакционерами. «Драгомиров один из тех, что ничему не научились, ничего не забыли — это настоящие люди из Кобленца», говорит он (как и генерал гр. Келлер, замечает кн. Е. Трубецкой, он тоже говорил, что политикой не занимается, для него есть лишь воля государя императора, вот и все). Возражать д'Ансельму не приходилось — лился неудержимый поток, нельзя было слова вставить. Соглашение с добровольцами допускает лишь в оккупированной области, где есть представитель Деникина; разговаривать же с ним об Украине, где его представителя еще нет — абсурд. В Николаеве немцы перешли на сторону боль-

шевиков — была опасность потерять Николаев, но теперь приходят туда союзнические войска.

П. Н. Переверзев встретил вчера А. Марголина; жалуется, что французы подвели их: «Мы им предоставили все — и войско, и управление, а они нам указали на дверь».

Выясняем наконец, кто начальник здешних французских войск — все не могли понять: не то Бертело, не то Франше д'Эспере; сегодня Порталь об'ясняет, что Франше начальник всего восточного фронта — ему подчинен Бертело по русскому и румынскому фронтам и другой какой то генерал по Австро-Венгерскому фронту. Об'ясняется также, почему капитан Фукэ обещал несчастному Краснову помощь Франше д'Эспере — он перепутал телеграммы: помощь была обещана не Краснову, а Деникину на Юго-западе.

Решаем поговорить подробнее с Бернацким, который один из представителей Деникина в Одессе производит впечатление человека с добрыми намерениями. Генерал Санников — старый канцелярист на все отвечает: «сведений не имею», «донесение ко мне еще не поступило».

Генерал Арцишевский — начальник снабжения Одессы, прислал в Ц. В. П. К-т своего чиновника интенданта, предлагает заказ на несколько тысяч седел. Спрашиваем почему нет ответа на поданное нами три недели назад заявление о готовности нашей работать попрежнему на снабжение армии? — О бумаге забыли, генерал де очень занят. А мы знаем, что никто ни чорта не делает, да и снабжать здесь некого — никакой Добровольческой Армии нет.

У Масленникова был сегодня Шеншин, приехавший с Кубани и Дона. Во всей Добрармии негодо-

вание, почти ненависть к союзникам; Донская Армия разгромлена из-за отсутствия обмундирования; из присланной в Новороссийск партии сапог — отобрали только 50 пар пригодных. Из Сочи и Гагр шли призывы к добровольцам — грузины противились этому и англичане их поддержали.

По словам репортера «Одесского Листка», интервьюировавшего Санникова, он поддерживает кандидатуру Брайкевича на пост министра у Деникина. Челноков говорит, что Лебедев уже на четыре пятых не министр. На его место сядет Брайкевич.

Говорят на Пересыпи (предместье Одессы) — начало еврейских погромов. Днем в городе убит выстрелом председатель местного отдела Союза Русского Народа — Радзевич. Порталь говорит — pot bouille.

27 февраля. Четверг.

Доклад офицера Добрармии — полковника Веденяпина.

Из Екатеринодара был отправлен небольшой кавалерийский отряд (600 человек) в Таврию (3 северных уезда Таврической губернии — Мелитопольский, Бердянский и Днепровский, не входящие в состав территории, состоящей в ведении Крымского Правительства). Инструкция была дана такая: очистить Таврию от Махновских и Петлюровских банд, произвести набор; власть гражданскую устанавливать не к чему, в Таврии есть комиссар еще со времени Керенского с тремя помощниками по уездам и демократические земские управы, а также уездные, волостные и городские управления. В Мелитополе отряд был встречен представителями земства

и города и финансовым комитетом, об'единяющим представителей от союза земельных собственников (имеет ячейки в волостях и селах), торгово-промышленного блока, союза учителей и союза инвалидов. Приветствовали тепло; рады, что пришел, наконец, хозяин; все стоят за «единую» Россию, все измучены хозяйничанием крикливых подонков; просят поскорее взять все в свои руки. Правда, большинство населения заняло выжидательную позицию — виды видали, а 600 кавалеристов не Бог весть какая солидная гарантия длительного спокойствия. Земство тоже недолго оставалось в благоприятной для Добрармии позиции и чуть ли не с первых дней возбудило вопрос о присоединении Таврии к территории Крымского правительства. С трудом переубедил их финансовый к-т — надо сохранить власть за одною Добрармиею пока она не справится с шайками. Одною из первых мер начальника отряда была выработка декларации населению о целях, которые преследует Добрармия; созвали на совещание в Мелитополе представителей земств и городов; просили их содействия — обещали; финансовый к-т сразу скептически отнесся: «Вы де не знаете наших демократических учреждений». И, действительно: напечатанное в Мелитополе обращение — офицеры сами его там расклеили — дальше Мелитополя и не пошло; почта никуда его не доставила; и пошли языки чесать о фантастических целях Добрармии, об ее реакционном характере и т. п. Вызвали правительственных комиссаров — те были, по крайней мере, откровенны и заявили, что они охотнее помогут Петлюре, чем Добрармии; а потом добровольцы узнали, что комиссары находятся уже в сношениях с Петлюрой. Тогда добровольцы, плохо

осведомленные о положении вещей, запрашивают представителя Добрармии в Симферополе, на каком счету Петлюра? Отвечает: с ним война. Передали ответ этот комиссарам и одновременно настойчиво просили Екатеринодар убрать их совсем, поставить во главе Таврии начальника кавалерийского отряда с советом из членов Союза земельных собственников (!), об'явить Таврию территорией Добрармии и, таким образом, осуществить первый опыт управления Добрармиею русской территории (а Черноморская область и Ставропольская губерния?). В Екатеринодаре это не встретило сочувствия; ответили: «воюйте и не вмешивайтесь в местную жизнь». Решили приступить к мобилизации — район для этого исключительно благоприятный: в одном Мелитопольском уезде, если брать по одному человеку на каждое крестьянское хозяйство (а у большинства более тридцати десятин), получалось 15.000 человек; а немцы колонисты в одной волости дали 1500 хороших кавалеристов; лучший контингент везде был 20-го года, так как они еще не воевали (старые унтер-офицеры приходили и просили, чтобы их принудительно набирали — за добровольное поступление на службу могут впоследствии поплатиться жизнью). Начали готовить организацию для правильного набора; из Екатеринодара торопят: набирайте скорее и притом 16, 17, 18 и 19 годы (19-ый самый плохой, войны не видел, видел только развал армии). Пришлось приступить к набору через волостных агентов — из первой же волости извещают: агенты работают не за добровольцев, а против них. Послали офицера, собрали волостной сход; сход решил: солдат не давать. Послали карательный отряд, стреляли в воздух, об'явили, чтобы немедленно явились

к набору; пришли, сообщают: мы сразу хотели, да вот такие то — имя рек — отговаривали. Созвали протестующих — они заявили, что будут и впредь протестовать — их тут же расстреляли. Через несколько часов толпа валила в комиссию. Через несколько дней то же проделывается в соседней волости; а всего этого можно было избежать, если бы набор подготовить спокойно и регулярно.

В Крыму мобилизация совсем провалилась — вместо нескольких тысяч человек к набору пришло человек 60. Представитель Добрармии генерал Корвин-Круковский об'явил мобилизацию без согласия Крымского правительства — смещен по требованию этого последнего; сдал должность генералу Боде. Во всех областях жизни удалось добиться порядка только решительностью. Пример. От Мелитополя идет Токмакская железная дорога; к югу от Мелитополя начинается территория Крымского правительства. Потребовалось как то с'ездить в Симферополь; железнодорожное начальство говорит: паровозы испорчены, угля нет. Поставили во главе дороги полковника с 15 офицерами и дали железнодорожному управлению три дня сроку — спрятанный уголь нашелся, скоро появились и машинисты с паровозами и линия заработала. Веденяпин как то в вагоне-салоне поехал по срочному делу в Симферополь; до Сиваша все шло благополучно, потом начались остановки: уголь де плохой; послали на паровоз капитана-инженера, паровоз тотчас же пошел и всякий раз, как он останавливался, появление офицера быстро приводило паровоз в действие. Решили, что если придется продвигаться вперед из Таврии — следует обязательно удерживать в своих руках гражданскую власть, так как всякое промед-

ление в осуществлении поставленных задач — дискредитирует военную власть.

Забастовщики и митингующие элементы в первые дни попрятались, но поощренные травлею, которую начали издававшиеся в Крыму газеты против добровольческого отряда, опять подняли голову. Решили запретить доступ крымских газет в Таврию, а местную прессу взяли в свои руки, не позволив ей касаться Добрармии. Вскоре комиссар Таврии к удовольствию местных жителей бежал. Организовали полицейскую стражу в селах из немцев и украинцев, потребовали сдачи оружия от населения; разумеется, лучшие элементы сдали — подонки сохранили. Из сел (а там есть села в десятки тысяч жителей) приходили жалобы: шайки в 30—40 человек терроризируют целое село; просили уничтожить их, обещая потом создать самооборону. К сожалению, самообороны нельзя было создать, так как оружия не хватило и на мобилизованных: призыв делали спешно, да и пришло больше, чем ожидали, так что ни вооружить, ни одеть нечем.

Конскую мобилизацию произвели облегченную; решили платить за хорошую верховую лошадь минимум 1200 рублей, за артиллерийскую — 1100 рублей, да за обозную плохую — 1000 рублей наличными (а бедному крестьянину еще дополнительную плату). Неделями ожидали утверждения цен из Екатеринодара; население с недоверием ждало платы; так и до сих пор не дождались утверждения сметы; пришлось платить на свой риск. Те суммы, которые были в распоряжении отряда — были найдены в кассах совдепов.

Проф. Бернацкий прерывает замечанием, что мародерство — серьезный источник доходов Добрармии

и на Кубани, при чем добровольцы обычно честно сдают найденное в карманах убитых красноармейцев.

Одежды тоже не было для призывных; решили использовать местные средства; собрали сходы — выяснилось, что все местное население, стар и млад ходит в казенной военной одежде; постановили являться на призывы в своей одежде; ничего не вышло; стали приходить в ни к чему негодной рвани.

Ко времени прихода Добрармии в Мелитопольской тюрьме содержалось около 100 большевиков; вскоре следственная комиссия, состоявшая из севастопольских матросов, освободила почти всех; пришлось уволить комиссию и назначить военно-полевые суды.

Добрармию, куда бы она не пришла, встречает радушный прием, ибо подавляющее большинство населения жаждет сильной власти; но очень быстро престиж ее улетучивается, ибо она боится решительных действий: «Чем мы слабее, тем более мы должны показывать свою силу». И, быть может, будущая единая Россия явится от большевиков, решительных, ни пред чем не уступающих — мы же раскисли и мало на что способны.

Вопрос создания сильной Центральной Власти — вопрос будущего; сейчас надо создавать и укреплять власть хотя бы в маленьком масштабе, на маленьких территориях. Во всяком случае ясно одно — для успеха Добрармии нужно одно из двух: или чтоб к ее приходу уже сорганизовалась какая нибудь благоприятствующая ей власть, или чтоб ей самой было предоставлено ее организовать.

Снабжение все идет из Екатеринодара — волокита и канцелярщина. Отряд хотел устроить в Мелитополе бронированный поезд; поехали в Симферополь, потребовали броню и пушки; ответили: «Вам по

штату не полагается». Отправились в Севастополь — там сказали: «у нас все есть, что вам нужно — достаньте разрешение». Получили его уже после того, как было заготовлено два поезда.

Заходил сегодня Н. В. Тесленко. В Симферополе М. М. Винавер и В. Д. Набоков говорили ему, что смотрят на свое правительство, как на предназначенное для создания министров для Всероссийского Правительства; при расширении отвоеванной от большевиков зоны их правительство распространит и на нее свою власть, и, таким образом, при успехе, дойдет и до Москвы. Для характеристики внутренней и внешней беспомощности Крымского правительства, Тесленко привел такой случай. С большим трудом в Крыму задержали несколько десятков убийц и грабителей, наводивших ужас на Евпаторию; заключили их в башню, где они неделями ждут суда и могут, при первом колебании власти, очутиться опять на свободе. В. Д. Набоков об'яснил: «Их надо судить судом присяжных заседателей, а где найти 12 героев, которые решились бы их осудить?» — Зачем же вы не вводите чрезвычайного положения и не предаете их военному суду, — спросил Тесленко. «Мы дали слово при создании правительства (вероятно, социалистам), что не будем управлять при помощи чрезвычайных положений!»

Но в то же время, когда командир 175 французского полка (в Севастополе) издал постановление о предании военно-полевому суду всех посягающих на общественную безопасность и потребовал напечатать и расклеить это постановление приказ был немедленно исполнен.

Вся наша затея с раутом для Бернацкого, Лебедева, Санникова, д'Ансельма и Фредамбэра прова-

лилась. Утром д'Ансельм прислал письмо барону, заявляя, что опасается вмешательства во внутреннюю политику и потому не придет. Об этом барон написал Санникову, а я поехал сказать Бернацкому, который также отказался притти, заявив при этом, что разрыва с французами из за этого не будет и что угроза их уйти — физически невыполнима — транспортов де не хватит (глаза его весело засверкали и можно было прочитать в них заявление, что в случае чего — транспорты можно и угнать заблаговременно). А потом пришло письмо и от Фредамбэра, что в виду отказа генерала и он не считает возможным вмешиваться во внутреннюю политику.

Поговорил с Бернацким о деньгах, необходимых для рациональной постановки агитационной работы на Юго-западе, ссылаясь на его обещание сыпать одесскими миллионами на все полезное; просил для С. Г. О. Р. несколько миллионов на агитацию и один миллион на работу в Париже. Об агитации сказал: «Теперь все зависит от Парамонова — он министр пропаганды, телеграфируйте ему». — А где же Ваша децентрализация? — «Я не могу распоряжаться чужими кредитами». — Но по телеграфу нельзя ни подробно мотивировать ходатайства, ни точно изложить плана, да к тому же телеграфное сообщение прервано со вчерашнего дня. — «Пошлите по радио и просите Парамонова мне телеграфировать согласие, я отпущу средства».

«А на поездку в Париж?» — Это ведь тоже агитация. — «Не в России, а во Франции, к тому же для Добрармии это так же важно, как и пушки. Подумайте в каких условиях протекает наша борьба с большевиками путем печатного станка. Они за-

тратывают сотни миллионов на это, а Вы останавливаетесь перед несколькими». Напоминаю, что трехдневный визит петлюровцев в Одессу стоил Одесскому казначейству 50 миллионов рублей, что по тогдашнему курсу составляло 20 миллионов франков. «Ведь с несколькими миллионами франков мы бы достигли очень многого в Парижской прессе. Что Вы сможете сказать в свое оправдание, если Одесса падет и несколько сот миллионов, которые сейчас имеются здесь в казначействе, попадут к большевикам? Ведь, если это случится, Вы никак не оправдаетесь перед русским обществом. Если Вас удерживает недоверие к С. Г. О. Р., давайте придумаем другую организацию, но надо сейчас же начать работать; парижанам надо тоже немедленно послать денег и, во всяком случае, надо отвезти запасы их на французский дредноут».

Подумал и сказал: представьте докладную записку.

Вернувшись домой, тотчас же составил докладную записку, где развивал известные теперь детям соображения о значении пропаганды в деле борьбы с большевиками: барон подписал и записку отправили. Уверен, что ничего не даст.

В рядах наших смущение по поводу coup d'Etat, готовящегося хлеборобами. Гр. Стенбок-Фермор, гр. Капнист, П. Н. Балабин, А. С. Хрипунов склонны к решительным шагам; барон предлагает нам устраниться и выпустить вперед хлеборобов, которые охотно повторят Гетманщину.

Задумываюсь над словами Порталя — «предложите нам правительство, какое хотите, мы его поддержим». Не толкают ли нас на разрыв с Добрармией, чтобы получить оккупацию без ее видимости?

Гр. Стенбок-Фермор в восторге от генерала Грекова; говорит, что украинцы жалуются на французов, которые мешают им расправиться с анархией. По словам генерала Грекова, генерал Гутор в Киеве; призывал офицеров в ряды Красной Армии — как носительницы идеи единой России, предлагал по 15.000 рублей под'емных.

Зашел кн. Шаховской (зять С. Г. Лианозова). Рыхлый полный мужчина, лет 55, депутат четвертой Думы. Его арестовали в Кисловодске, взяли в белье ночью в чрезвычайку; по дороге выскочил из автомобиля, когда проходили лесом и скрылся. Добрался почти голым (был мороз и глубокий снег) до аула и там благополучно переждал. Тогда же казнили генерала Рузского (будто бы накануне принятия им приглашения поступить в Красную Армию).

Виделся в 9 часов с П. Я. Тикстон (председатель торгово-промышленной группы С. Г. О. Р.). Он был сегодня у д'Ансельма. Тот выразил желание видеть Бернацкого, который у него до сих пор не был. Тикстон будет настаивать на его визите к д'Ансельму — все же он представитель Антанты. Какое несчастие для нас и для Добрармии, что французы находятся лишь на той территории, которую Добрармия считает, повидимому, только тяжелым придатком к собственной.

Вчера в Беляевке большевики захватили 14 французов, которые пришли на помощь маленькому отряду Добрармии, разбитому и бежавшему с потерями 4 человек убитыми (все это в 35 верстах от Одессы).

Пришли опять греки; их посылают в Николаев заменить немцев.

ГЛАВА VII

ФРАНЦУЗЫ НАСТАИВАЮТ НА НЕМЕДЛЕННОМ СОЗДАНИИ МЕСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

У полк. Фредамбэра. — На собрании одесских финансистов. — Кн. Е. Н. Трубецкой и гр. П. И. Толстой. — Фредамбэр требует немедленного создания местного правительства. — Выборы делегации в Екатеринодар. — Французы соглашаются сорганизовать местное правительство в виде совета при французском командовании. — Радио от Пишона не признающее политической власти добровольцев. — Заседание у «Национального Центра». — Дело с д. Темкина. — А. И. Гучков о организации пропаганды у Деникина. — Выход В. Бобринского из С. Г. О. Р. — Расстрел одиннадцати. — Военные операции французов. — Настроения французов. — Конец совместной работы четырех организаций.

28 февраля. Пятница.

Утром встречаю А. А. Червен-Водали (б. управляющий делами торгово-промышленного союза в Москве) и Н. К. Волкова. Оба были в Екатеринодаре; оба признают здешнюю его политику глупой. Санников никуда не годен. Советую скорее выписать Пильца, как фигуру необходимую для налаженія хороших отношений с французами. Обещают поговорить с Бернацким.

В 12 часов был у Фредамбэра, который сказал, что вчера не пришел потому, что не хотел без генерала путаться в политику. С Директорией дело улажено. В Директорию войдут: проф. Швец и Макаренко из прежних, Григоренко, Сидоренко (?) Любанович (?) из русских; первые — лишь недели на две. Министерство будет из украинских социалистов-федералистов, согласных на трехцветный флаг с украинским в углу, в знак федерации. Если Деникин не уступит, то французы распространят власть Директории и на Одессу с ее зоной.

Фредамбэр просит немедленно создать здесь правительство с благословения Деникина, но с подчинением французам; и если это будет устроено, то власть его будет распространена и на Украину, где упразднится Директория. Согласен на то, чтобы во главе правительства был Пильц.

Я взялся поговорить с Бернацким о необходимости вызвать сюда Пильца и просил Фредамбэра пока ничего не предпринимать. Был у Бернацкого, сообщил о разговоре с Фредамбэром, как о доказательстве того, что неулаженный конфликт с Добрармией толкает французов на фантастический план; что, пригласив Пильца генерал-губернатором, как лицо, которому французы верят, Добрармия удачно выйдет из затянувшегося конфликта. Он одобрил мысль о Пильце, сказал, что у него будет Н. К. Волков через полчаса и завтра к 6 часам вечера он мне сообщит, что они предпримут для смягчения конфликта. Завтра он будет у генерала д'Ансельма. Спрашивает, кто назначил полковника Маркова градоначальником, не Пильц ли? Я сказал, что он ему был навязан Гришиным-Алмазовым.

Был в 4 часа на собрании финансистов: были З. Е. Ашкенази, А. Р. Хари, Высоцкий, Эпштейн, И. И. Эфрон, гр. Алексей и Андрей Бобринские, Г. Э. Вейнштейн, Д. Г. Балаховский, барон Меллер-Закомельский, Демченко. Против посылки новой делегации в подкрепление старой, в которой буржуазия представлена почти одними реакционными элементами, высказался гр. Алексей Бобринский — это де обидит первую делегацию, да в Париже и так уже лучшее, что есть в России (Гурко и Шебеко?).

Банкиры говорили, что денег нужны десятки миллионов, а с 2—3 не к чему ехать, что сил там достаточно (а 14 банкиров и промышленников едут в Париж, где и без них их куча). Мы с бароном разбили их аргументы; собрание решило соединить их делегацию — у нее три миллиона рублей — с нашей, но при условии, чтобы мы дали тоже около миллиона рублей. Французы пока не выпускают промышленников — их 14 человек вместе с семьями и прислугой выросли в 40. Очевидно готовы соединить свои миллионы с нашим, потому что без нас не получат виз за границу.

К барону заходил офицер, приехавший из Берлина. Там работают две организации: одна с кн. Шаховским во главе, другая с Дерюгиным (депутат-монархист). Денег у первой много. В Берлине будто бы около 5.000 офицеров (?). Отобрано 35.000 человек из числа 600.000 военнопленных для организации армии для движения на Запад России. Немецкое правительство усердно помогает, хочет передать этой армии часть того оружия, которое от него требуют союзники. Французы обещали пол миллиона франков, но пока ничего не дают. Главнокомандую-

щим считается генерал Юденич, который теперь в Стокгольме.

Вечером был у меня барон, Хрипунов и Е. Трубецкой. Кн. Е. Н. Трубецкой охотно рассказывает циничные анекдоты, в стихах и прозе, пикантные полковые воспоминания. Второй раз встречаюсь с людьми высокой культуры, целомудренной мысли и чистой жизни, бравирующих цинизмом в анекдотах. Помню, как меня поразил покойный гр. И. И. Толстой (б. министр Народного Просвещения при Витте, многолетний вице-президент Академии Художеств, Петроградский Городской Голова, известный археолог и нумизмат), когда в вагоне железной дороги между Питером и Парижем (в мае 1914 года, когда мы ехали вместе с группою гласных Петроградской Думы в Париж, на муниципальные празднества) стал рассказывать невероятно циничные анекдоты, произнося все слова полностью и ставя все точки над i. Я не мог скрыть своего удивления, над которым милый гр. Иван Иванович долго хохотал. А духовный облик его был также высок и чист, как у кн. Е. Н. Трубецкого. После этих анекдотов в вагоне меня уже не поразил следующий факт. Париж нас чествовал пять дней обедами, завтраками, раутами у Президента (Пуанкаре), парадами, аэропланными состязаниями и речами, речами без конца. И вот, когда на последнем прощальном обеде, данном нам и ста делегатам Англии, Бельгии и Испании в Гранд-Отеле, кончился поток оффициальных речей, гр. Толстой неожиданно попросил у председателя разрешения сказать несколько слов по русски своим товарищам по делегации (мы все восьмеро русских сидели за отдельным столиком против стола, где

заседал президиум). Получив разрешение граф встает и говорит нам по русски несколько никчемных слов: вот, господа, мы много видели нового, кое-что, что нам пригодится, а много такого, чем не стоит воспользоваться; время провели хорошо и т. д. все в таком роде. Мы недоумеваем. Вернувшись домой, спрашиваем графа, в чем дело. «Тоска взяла меня, об'яснил Иван Иванович, когда об'елся этой оффициальной фразеологией; захотелось по русски продернуть их всех матерными словами; картина, не правда ли: пышный салон, главы муниципалитета столиц мира, англичане в красных и лиловых мантиях с горностаями и золотыми цепями; а я встаю и говорю (следуют смачные слова). Да потом, когда мне было предоставлено слово — страх обуял: а вдруг кто-нибудь из иностранцев, знающих русский язык, поймет!»

1 марта. Суббота.

В 11 часов Бюро С. Г. О. Р. П. А. Тикстон рассказывает о своем визите к д'Ансельму с Бернацким. Д'Ансельм говорил в смягченных тонах о необходимости скорейшего соглашения с Деникиным, о желательности передачи гражданской власти Пильцу. На дороге обратно Бернацкий говорил Тикстону: «Что то слишком говорят о Пильце, нет ли тут какой французской интриги?»

В 11 часов Фредамбэр прислал офицера просить к нему. Иду в штаб; с места в карьер спрашивает: «ну, что, образовали уже правительство?» Развиваю опять проект интерима с Пильцем. Одобряет и соглашается ждать. С Директорией не ладится, так как министры Петлюры протестуют против его ис-

ключения, а Григоренко настаивает на этом. Министры обещают устранить Петлюру позже, просят не форсировать.

Украинские войска борются с большевиками и продвигаются опять к Фастову (сводка Грекова). Возбуждаю сомнение в достоверности сведений Грекова. «Нет», говорит Фредамбэр. «Меня можно подвести в гражданских вопросах, в военных — никогда». Для проверки его военных сведений спрашиваю: «А в Жмеринке как обстоит дело?» — Наш комендант там, хотите поговорить? Вызывает службу связи — конфуз: комендант не в Жмеринке, а много ближе к Одессе — на Раздельной.

В приемной у Фредамбэра видел ожидавшего там А. И. Гучкова. Спрашиваю Фредамбэра: «Это Вы вызывали Гучкова, он ждет в приемной?» — Какой Гучков, кто это? — Об'ясняю. «А ему можно доверить, не обманет?»

Возвращаюсь, сообщаю Бюро С. Г. О. Р. разговор с Фредамбэром; решаем послать делегацию в Екатеринодар к Деникину; выбираем барона, кн. Куракина, М. В. Челнокова, А. М. Масленникова, С. А. Хрипунова, архиепископа Арсения и гр. Алексея Бобринского; решаем просить у французов миноносец. Посылаем к Фредамбэру; — говорит: «не для этого миноносцы; впрочем, запросим Константинополь».

В 3 часа приходит Демченко; необходимо сговориться о дальнейшем, медлить нельзя; надо поговорить с Андро, он в курсе многого, чего мы не знаем. Соглашаюсь на свидание. В 5 часов гр. Стенбок-Фермор предлагает то же самое — как будто сговорились; рассказывает, что третьего дня

на с'езде хлеборобов девяти губерний, было человек 150; настроение было чисто Деникинское; Григоренко там провалили, назвали петлюровцем; председательствовал крестьянин; тем не менее выбрали «комиссию для выяснения вопроса о Директории» с Андро во главе. Останавливаются на таком плане: три члена Директории и министерство в зоне оккупации на юге; севернее же ст. Раздельной пока ничего; на петлюровцев махнули рукой. Составляют список министров, мне предлагают финансы. Говорю, нужно подумать, лучше подождать попытки сговориться с Деникиным и попробовать организовать совещание при французском командовании.

Телефонирую в 6 часов Бернацкому — прошу ответить о Пильце; просит подождать до понедельника — не со всеми еще переговорил; о миллионах на агитацию опять предлагает телеграфировать Парамонову (а провод не действует).

В 8 часов приходит приват-доцент Шацкий. Говорит, что Парамонов зовет его в Екатеринодар для постановки агитации в Лондоне и Америке; вызван и Родичев, который уже уехал. Родичев, благородный Родичев, но давно уже лишенный гибкости и подвижности, приглашается товарищем министра пропаганды против большевиков — (Троцкий и Родичев антагонисты — символическая картина). Подходит к нам В. А. Лебедев. Говорим о Военно-Промышленном Комитете; спрашивает, нельзя ли добыть санитарное снаряжение, в Екатеринодаре ужасы антисанитарии. «Почему же санитарная служба не организована?», спрашиваю. — Там был сын Родзянко, ничего не сделал, уехал, а теперь там никого. Возьмитесь Вы за это дело. — «Туда поехал Н. В. Дмитриев», говорю я. А

ведь обидно — в течение 3½ лет войны всю душу вложил в дело военной санитарии, люблю и знаю это дело. Для изучения постановки его в обстановке боя об'ехал летом 1916 года всю линию фронта от Риги до Эрзерума, был на передовых позициях, наблюдал бои. И если бы серьезно предложили — сейчас поехал бы. Но, конечно, не предложат, я ведь не «свой».

Заходил Б. А. Гуревич. Рассказывает, что когда приехал в Севастополь английский адмирал Кельтон, к нему отправились с визитом Набоков и Винавер, как крымские министры. Кельтон заявил: «не имею полномочий признать крымскую самостийность» и только ссылка Набокова на адмирала Джелико смягчила Кельтона.

2 марта. Воскресенье.

Опять Фредамбэр просит меня притти — и опять вопрос — готово ли правительство? При этом заявлет, что из Франции пришло требование не признавать никаких местных властей и рассматривать Добрармию, как союзническую армию, а не как правительство. «Таким образом», говорит Фредамбэр, «Вас не должна теперь стеснять Добрармия, как правительство. И если Ваш С. Г. О. Р. не образует правительства, я передаю власть городу».

Далее, читает письмо к представителю Франции в Крыму об образовании смешанных бригад, на которые якобы есть словесное согласие Крымского правительства. Из Херсона Фредамбэр получил предложение петлюровцев образовать смешанные бригады; согласен и с ними образовывать их. Наконец, телеграфирует Деникину о немедленной присылке

в Одессу чехо-словаков, которые у него на фронте (около 12 тысяч человек?); взамен пришлет ему здешних добровольцев.

Я настаиваю на том, чтобы не рвать с добровольцами и предлагаю остановиться на организации совещания при французском командовании, которое будет служить посредником между ним и Деникиным и стимулом для Санникова. Фредамбэр сомневается в целесообразности этого совета, думает, что на него не пойдет д'Ансельм и настаивает на правительстве. Я говорю, что нужно подождать ответа от Бернацкого о Пильце, обещанного на завтра. Опять прошу у Фредамбэра миноносец для наших; отказывается, жалко угля для бесплодной поездки. Спрашиваю, даст ли мне и сыну моему визу во Францию, обещает, завидует мне; говорит, что сам рад бы уехать из этого Бедлама.

В 2 часа заходит ко мне А. И. Гучков; подробно рассказывает о своем плане, одобренном Деникиным. От Деникина Гучков в восторге, от окружающих мало; крупных людей там нет, их, очевидно, боятся. Толку в общем мало. Для особенного оптимизма оснований нет.

Вечером барон сообщает о положении вопроса о совещании при французском командовании; в три часа Фредамбэр звонил к нему и передал, что д'Ансельм согласен на совещание; просил зайти в 7 часов. Барон был в 7 часов у Фредамбэра и потребовал согласия Бертело на устройство такого совещания; Фредамбэр согласился испросить согласие. О членах будущего совещания обещал поговорить завтра. Барон в общем одобряет: предлагает в совещание Балабина, Ильина, Хрипунова и меня. Барон был утром у Гришина-Алмазова, просил для

организации пропаганды антибольшевизма 100.000 рублей. Гришин обещал. Он же показывал барону письмо от Пильца, который еще не видел Деникина; будет принят им лишь после того, как согласится занять пост товарища министра Внутренних Дел. Просит вызвать его из Екатеринодара в Одессу через французов.

Скверные вести из Херсона. Артиллерийский обстрел города со стороны большевиков; пришлось послать миноносец. Откуда так неожиданно пробрались большевики? Порталь смотрит очень мрачно и утверждает, что если через 3—4 дня не начнется формирование местной армии, все погибнет.

3 марта. Понедельник.

В Херсоне дела поправляются; большевики отогнаны. Греки идут в бой, кажется, вяло, — а на них последняя надежда.

Утром был генерал Шварц — он не верит в возможность создания в зоне оккупации значительной армии путем набора — время упущено.

Звонил Бернацкому — он ничего еще не решил относительно Пильца и вообще занят другим; чем — узнал, когда вернулся от него барон, которого я просил туда с'ездить. Оказывается, д'Ансельм получил радио от Пишона (о котором говорил мне Фредамбэр), в котором подчеркивается, что Добрармия — только союзническая армия, а не местное правительство, и показал его журналистам; те донесли Бернацкому. Тогда он решил, что он больше не министр и что барон приехал сообщить ему именно об этом. Обсуждаем положение. Барон окончательно соглашается на совещание при французах,

рекомендует туда еще Каннеста и Масленникова. На счет приглашения социалистов — по его мнению, опасно; пойдет опять канитель времен Керенского, и все окончательно погибнет.

Пришел Андро — просили его сходить к д'Ансельму и узнать о радио от Пишона; если им Добрармия устраняется от управления — дело значительно упрощается и можно попробовать сговориться с левыми относительно совещания при французском командовании.

Кн. Е. Трубецкой был у епископа Платона, чтобы заручиться его предстательством перед д'Ансельмом для получения миноносца с целью поездки в Екатеринодар. Епископ просил подождать до завтра.

Генерал Шварц сообщил со слов капитана из свиты адмирала Канина, что получена вторая телеграмма от Деникина о его приезде в Константу через несколько дней. Послал к Канину — ничего подобного.

Зашел в 3 часа Порталь; он еще не видел парижского радио; о нем ничего ему Фредамбэр не говорил; а когда сам Порталь заговорил о нем, то сделал вид, что не знает и сказал: «c'est curieux!» Порталь посоветовал для учреждения совета заручиться согласием не только одного Бертело, как мы предполагали, но еще лучше и Парижа, для чего нужно быть у д'Ансельма и передавши ему текст нашей телеграммы в Париж, поставить ему ультиматум: либо он отправляет немедленно нашу телеграмму в Париж, либо мы отказываемся от организации Совета.

Вечером видел Андро; он был у д'Ансельма; оказывается, что и д'Ансельм сам не видел телеграммы

из Парижа, но моряки, как передают, получили такое радио. Обращаюсь ко всегда хорошо осведомленному английскому агенту Райлей, — он слышал о телеграмме, но лишь завтра узнает, достоверна ли она; сомневается.

В 8 часов вечера Национальный Центр устраивает в Кадетском клубе (Пушкинская 19) заседание. Присутствуют: М. В. Бернацкий, генерал А. С. Санников, барон А. А. Червен-Водали, Н. К. Волков, Н. В. Тесленко, М. В. Брайкевич, С. Ф. Штерн, П. Я. Тикстон, А. В. Пешехонов, М. В. Бернштам, кн. Е. Н. Трубецкой. Председательствует М. В. Челноков.

Санников докладывает по поводу нашумевшего радио Пишона; он расспрашивал о нем д'Ансельма — этот заявил, что радио он не видел, да вряд ли оно и существует, но что то такое было де месяца два назад. А Бернацкий говорит со слов Благова (ему Фредамбэр сообщил), что телеграмма есть; выходит, что бюро французской прессы, сообщившее Фредамбэру и журналистам об этой телеграмме, что то напутало. Решаем образовать комитет из 4 лиц, по одному от каждой из 4-х организаций для правильного информирования этих 4-х групп, а заодно и союзников.

Тесленко спрашивает, в чем, собственно, спорные пункты между французским и добровольческим командованием?

Отвечает генерал Санников — все просто, мило, никаких конфликтов, все улаживается (флегма, невозмутимость, инертность, корректность).

Пешехонов (угрюмо, решительно): — власть Добрармии здесь нам навязана, принесена на острии штыков; без нее обойдемся; пусть она занимается своим военным делом.

Фундаминский: — без общественной опоры Добрармия ничего не сделает; нужно содействие общественных организаций.

Шульгин, наклоняясь ко мне: — уже ведь испробовали министерство общественного доверия, они опять его хотят.

Я: — напрасно хают французов; не имея ни с чьей стороны помощи, они поневоле хватаются за петлюровцев, схватятся и за большевиков.

Брайкевич: — политика французов убийственна, но и добровольцев тоже.

После резюме Челнокова, говорит Бернацкий: ознакомившись с положением вещей на месте, он вырабатывает проект наместничества на Юго-Западе (открыл Америку!) с большею степенью независимости; затем с горечью добавляет, что он ожидал горячей поддержки Добрармии, а слышит только критику ее. Челноков спешит извиниться, ссылаясь на то, что скомкал резюме. На самом же деле против политических поползновений Добрармии говорили многие, а за — никто.

По возвращении в 12 часов спрашиваю барона, стоит ли нам все-таки хлопотать о совете при французском командовании; ответ — «конечно»!

4 марта. Вторник.

В 11 часов у Портала. Рассказал, как неправильно освещает Фредамбэр требования французов; Порталь утешил: «лучше разобрать дело в Париже; Вы скоро там будете, воспользуйтесь пребыванием там, чтобы раз'яснить истинное положение».

Я собственно пришел просить Портала о некоем незнакомом мне с.-д. Темкине, схваченном с фран-

цузскими большевистскими прокламациями. По словам Бунакова и Рутенберга, он — меньшевик; мне о нем ночью телефонировал Фундаминский, прося поторопиться, дабы не совершилось неправосудное дело. Порталь ответил, что градоначальник Марков (он же Модль) расстреливает русских большевиков без суда, французы же всегда предают их суду.

Жалуется: «Вот Вы все требуете от нас, французов, чтобы мы поддержали порядок; а когда в кои веки арестуют большевика, начинаются бесконечные просьбы и ходатайства; вот об этом Темкине уже приходил просить Брайкевич. А между тем послушайте, что это за тип». И тут же соединяется по телефону с военным следователем французов и дает мне вторую трубку; слышу, как следователь сообщает, что Темкин пойман с большевистской прокламацией, которую он читал матросу; арестованный утверждает все же, что он не большевик, что прокламация случайно попала в его руки от незнакомых людей — ему де всунули ее, и что, когда он «для себя» читал ее, к нему подошел матрос и заинтересовался тем, что он читает. «Не дурно?» говорит Порталь.

Далее Порталь сообщил, что поймали наконец какого то главу большевиков и накрыли большевистскую типографию, где печаталась большевистская газета на французском языке. Показывает номер этой газеты.

Был за французским паспортом для себя и сына у поручика Биго. Утром с ним говорил Порталь: он сказал, что не запрашивая Парижа, даст паспорт немедленно. Счастлив, что уезжаю и увожу мальчика из этого ада.

В 8 часов приходит А. И. Гучков — доволен, получил визу французскую и английскую. Едет через неделю. Думает, что большевики не захватят Одессы, что не победят и Колчака, но и Колчак не победит их; что если скоро не справятся с большевизмом в России, — Запад треснет, так как на Западе самочувствие народа после войны скверное. Ведь царство Божие не наступило, земли новой крестьяне не получили, легких заработков тоже нет, пропитание и сырье вздорожало и недовольство и разочарование, вследствие несоразмерности того, что получено, с тем что пожертвовали — будет все больше и больше.

Днем сегодня хоронили трех расстрелянных. Красные знамена, ленты, шествие рабочих по Дерибасовской. В городе голод и холод.

Гучков говорит, что министерство пропаганды в Екатеринодаре учредили по настоянию генерала Пуля, рассказавшего, что в Англии победа была одержана поддержанием духа армии и населения путем агитации, причем не щадили денег. Деникин решил, что и у нас нужно сделать то же самое. Для этой цели остановились на Гучкове, послали ему телеграмму; не разыскав, обратились к Н. Парамонову. Тот принял и обратился для организации агитации за границей к Бурцеву и В. Г. Короленко. Короленко, конечно, отказался; тогда — к Родичеву. Денег Парамонову ассигновали 25 миллионов, но он не знает, как приступить к делу организации. Решил создать пять оффициозов в городах; вообще, мечется, да к тому же в данный момент и денег еще нет. Гучков рекомендовал Эрвина Гримма, — тот согласился, но ему пришла телеграмма задержаться, из за событий в Новочеркасске и на Дону.

5 марта. Среда.

Был утром у Биго — взять наши паспорта; обещал приготовить в два-три дня и прислать в гостиницу. Все как то не верится, что так скоро. У англичан заявили, что запросят о визах в Лондоне, пройдет 2—3 недели..

В 11 часов заседание Бюро С. Г. О. Р., Гр. В. А. Бобринский устроил скандал, — никто де у нас ничего не делает, слухи идут о сотнях тысяч, затраченных на газету (в газетах заявление союза журналистов, что барона Меллер-Закомельского вызывают на третейский суд); нужно всему бюро уходить в отставку. Барон отвечает с достоинством (несчастный ведь напутал с газетой и трудно ему сознаться в этом), но все же говорит, что когда он ближе познакомился со взглядом одесского еврейского населения (а евреев здесь тысяч триста) на «Новое Время», имя которого вызывает в памяти евреев ужасные картины погромов, он понял, что издавать в Одессе газету с крупными сотрудниками «Нового Времени» во главе — непоправимая политическая ошибка.

В. Бобринский все же подает заявление, что покидает Бюро и оставляет за собой право об'яснить в прессе о мотивах ухода.

В 1 час приходит Гучков. Бодрится, весел. Сердце его лучше, но не то, что прежде. Мечтает войти с армией в Петроград. Подсмеиваясь надо мною, говорит: «а ведь будет еще черта оседлости и процент при приеме евреев в учебные заведения».

В 2 часа пришел проф. И. Х. Озеров — хочет ехать в Париж организовывать пропаганду. При-

вел его гр. А. А. Бобринский, обещавший быть у Бернацкого и просить денег на его поездку.

Епископ Платон прислал сказать, что не поедет в Екатеринодар и никого от себя не пошлет. В. Бобринский говорит, что третьего дня епископ сказал ему: «Взял бы палку и выгнал бы всех вас из Лондонской гостиницы». И я сделал бы охотно то же самое.

Заходил Д. Ф. Андро; хлеборобы вчера на своем собрании вынесли резолюцию о необходимости большего сближения русской армии с французским командованием; Фредамбэр не дождется, когда Добрармия уйдет; Санников завтра уезжает. Он, Андро, жаждет организации какой-нибудь власти здесь, в роде Крыма или Дона. Наши понемного начинают понимать, что это неизбежно, — но розмазни, не люди дела.

В Херсоне плохо; французы ловят в море корабль с греками, идущий из Салоник, чтобы направить его прямо в Херсон без захода в Одессу; посылают туда же крейсер.

Большевикам удалось прервать сообщение между Херсоном и Николаевом. Заходил в 6 часов Порталь, уверяет, что все же в Херсон большевиков не пустят. Боится завтрашних похорон новых жертв расстрела (три) — среди них одна француженка, заведомая большевичка. Вартовцы собрали все трупы расстрелянных за разные преступления за эту ночь, (в общем 11 человек, причем из 11 расстрелянных — восемь за грабежи и налеты и только три политических), сложили их всех в одном месте, под стеной еврейского кладбища; немедленно создалась легенда о расстреле большой группы случайных гостей у трех девушек портних. Легенда

эта подхвачена прессою и в городе естественное возмущение. (Не думаю, чтобы это была только «легенда».) Порталь вызывал Брайкевича и просил его похоронить расстрелянных ранее назначенного часа. Брайкевич обещал поговорить с Санниковым. Порталь спрашивал, не будет ли столкновений с населением: «В Париже несколько гробов вместе — это обеспеченная революция», а теперь в Одессе к тому же 3000 рабочих забастовало.

Думаю, что стрельбы не будет, хотя провокаторов немецких и большевистских очень много.

Энно уезжает в субботу; барон уверен, что он действует крайне вредно, толкает французов на разрыв с Добрармией, чтобы потом доказывать, как безумны были французы, устраняя его; рад, что, наконец, избавляется от этого честолюбца. Не разделяю опасений барона; Энно никакого влияния на французское командование не имеет.

Получена телеграмма от Н. Н. Шебеко: едет сюда с семьей; из за этой телеграммы задерживаем отправку курьеров в Париж: курьерами намечают кн. Е. Н. Трубецкого и меня.

Барон показывал мне письмо, написанное ему проф. Кишенским. Проф. протестует против устройства заседаний бюро С. Г. О. Р. в номере «еврея Маргулиеса». — «Совет Государственного Об'единения и еврей Маргулиес»! пишет он. Барон говорил с нашими; решили собраться у меня и в следующий раз. Мой номер большой, светлый, единственный удобный для заседания 30—40 человек. Кишенский из группы В. Шульгина.

6 марта. Четверг.

В 11 часов у меня генерал Шварц. Уезжает в воскресенье в Париж, оттуда в Сибирь. Не хочет оставаться для работы в совете при французском командовании. — Жалко.

Приходил подпоручик гр. Бобринский (сын Андрея Бобринского); такой же маленький, застенчивый, корректный. Приехал с офицерами из Таврии заказывать седла без денег. Хотят заплатить мукой, — но не могут пока доставить доказательства, что она у них есть. Думали достать денег у Саннпкова — не дает.

Гр. А. Бобринский просил опять у Бернацкого денег на поездку делегации в Париж. Опять направил к Парамонову.

В 3 часа заседание пленума; гр. В. А. Бобринский не явился. Барон доложил инцидент с Вл. Бобринским — нам выразили полное доверье. Решили отправить делегацию к Деникину, но не из семи лиц, а из трех: разумеется, никто не поедет и опять ничего не выйдет.

Приходил Андро — я сказал ему, что генерал Шварц уезжает. Впал в уныние, тоже запасается паспортом. Гр. Капнист также не хочет итти в совет и просит помочь ему достать паспорт. Вся публика в ожидании паспортов раскисла. А слухи о прибытии новых войск растут; администрация как будто тоже налаживается. Похорон сегодня не было, — утром рано увезли трупы на кладбище и похоронили.

Говорят вместо Санникова приедет генерал Щербачев. Дай то Бог.

7 марта. Пятница.

Порталь сообщил: если бы вчера на похоронах был хотя бы один выстрел, — было бы об'явлено осадное положение и власть перешла бы к французам. Как они этого не хотели, но итти на провокационный выстрел они считали ниже своего достоинства. Все расстрелянные без суда — 11 человек, расстреляны русской полицией. Он, Порталь, дал мне в этом честное слово. Они сами судят военно-полевым судом; сегодня в 10 часов утра был суд и в 11 был вынесен окончательный приговор. Так и впредь будут поступать. Три расстрелянные девушки содержали большевистскую квартиру; у них нашли адреса, по которым, как говорили ему, переловили крупнейших большевистских деятелей. В Маяках убили из засады двух французских офицеров; жители отказались выдать трупы; явилось предположение, что они изуродованы. Тогда, предупредив жителей и дав им время уйти, обстреляли деревню артиллерией и сожгли ряд домов. Потом послали в деревню отряд поляков. В ответ на это получилась угроза разделаться с другими французскими офицерами; тогда дан приказ снести артиллерийским огнем еще 6 деревень. В Беляевке все спокойно; большевики прогнанны, но преследовать их некем. В Николаев пошел батальон с полковником Леженом. Вчера пришел еще один французский батальон из Румынии. Если бы достать хлеба из Николаева, для чего нужно раздобыть в Салониках мануфактуру — можно было бы обеспечить спокойствие и популярность французам. Он, Порталь, обдумывает план, но затруднение в том, что из Парижа приказано передать

весь транспорт Деникину. Он думает все же, что это можно сделать — только нужно заранее пойти на то, что спекулянты много наживут. Смотрит на дело мрачно: «События могут захлестнуть нас и тогда останется только умереть с честью».

Андро говорит, что кружок офицеров решил не выпускать из Одессы Гришина-Алмазова и Санникова; а завтра Санников с Кашиным едет в Екатеринодар. Разумеется, угроза пустая; но что это за офицеры и чего, собственно, им нужно? Оказывается, что епископ Платон отказался ехать в Екатеринодар именно из за поездки Санникова.

А. Марголин сообщил, что сегодня или завтра соглашение будет подписано (в который раз); был уже отдан приказ освободить Гетманских министров, да министр Андреевский напутал и приказал отвезти их из Винницы в Проскуров, вместо того, чтобы отвезти их в Одессу. Надо пять дней, по крайней мере, чтобы их освободить окончательно.

На мой вопрос, на какие войска можно опереться, чтобы отстоять Юг, Порталь сказал: «А Украина, а Галиция, а Югославия?» О французах — ни слова.

Демченко уехал; повез больного сына в Швейцарию. Французы не дали ему пропуска во Францию.

В городе расстрел одиннадцати приписывают Добрармии.

По словам обывателей хлеб стоит 10—11 рублей. Справился у сестры — дороже семи еще не было. Беда с тарасконцами!

Когда, после беседы с Марголиным, я указал Порталю на то, что в их Директории остается ведь Петлюра, он ответил: «Какая ерунда, он всецело в наших руках; он сделает все, что мы от него

потребуем, хотите, чтобы он подтвердил это сегодня в Вашей комнате?»

8 марта. Суббота.

Порталь сказал мне сегодня: «nous sommes ignorés par Berthelot, abandonnés par Franché d'Esperé et lachés par Paris» (нас игнорирует Бертело, покинул Франше д'Эспере и бросил Париж). Энно завтра уезжает; уже дважды не платил по счетам — нет средств, Бертело ничего не высылает; за гостиницу уплатил полковник Писарев из военных сумм.

По сведениям Порталя, 4000 большевиков продвинулось к Херсону; сегодня послали туда батальон, танки и артиллерию. Всего там свыше 1000 человек союзнического войска. Порталь не уверен в победе союзников. Все мечтает об от'езде в Париж — не меланхолия ли это от усталости?

Андро просил его проехать к д'Ансельму сообщить о настроении хлеборобов. В Одессе сейчас французский генерал и полковник, возвращающиеся в Букарест с Кубани и Дона. Их впечатление о положении союзников в России очень тяжелое.

Заседание четырех организаций. Разошлись по вопросу о пределах власти военачальника: социалисты настаивают на предоставлении всей директорской тройке, а не одному военному члену Директории права назначать корпусных и дивизионных командиров. Чувствуем, что дело не в этом — просто совещание выдохлось — жизнь требует другого. Расстались дружно; социалисты обещают не раздувать в прессе расхождение. Но, разумеется, завтра же начнется травля.

Сегодня в Бюро меня окончательно наметили курьером в Париж. Через неделю думаю уехать.

9 марта. Воскресенье.

Из Херсона плохие сведения; посланный туда вчера вечером (после 10 час., вместо 4 часов дня) отряд с артиллерией и танками может быть уже опоздал. Вечером в 6 часов Порталь говорил мне: «Генерал теперь обдумывает план концентрационного лагеря в Одессе, куда будут стянуты все наши силы. Если же мы будем их разбрасывать по соседним городам, то Одессе может быть скверно; так что дессант посланный вчера вечером может и не сойдет на берег». — Но ведь в этом лагере Одессы будет голод, Херсон и Николаев — житницы, питающие Одессу. — «Да, но что же делать». И это при натиске лишь 4.000 большевиков!

Приехал из Парижа Шебеко. Говорит, что во Франции перелом (?) в нашу пользу. Что то не очень это заметно здесь.

Сегодня прибыл баталион французской дивизии, идущей из Бендер; не пойму всей этой ерунды — увеличивать наличные силы как будто только для того, чтобы подчеркнуть позор отступления.

А дельцы не унывают — покупают пароходы, превращают банкирские конторы в банки, играют на валюте, на продуктах.

Винница взята большевиками. Петлюровцы бегут. Надеются на войска и танки французов, которые де, не подписав еще договора, все же начнут его выполнять. Из Херсона в 10 часов вечера нет еще никаких сведений.

ГЛАВА VIII

СОВЕЩАНИЕ ПРИ ФРАНЦУЗСКОМ КОМАНДОВАНИИ

Доклад Н. Н. Шебеко о наших делегатах в Париже и Лондоне. — Инцидент с П. Н. Милюковым в Париже. — Оставление Херсона союзниками. — Инструкции делегатам, едущим к Деникину. — Большевики надвигаются. — Прощаюсь с Фредамбэром. — Барон Меллер-Закомельский договаривается с французами о совещании при французском командовании. — Требование Бюро С. Г. О. Р. о моем вступлении в совещание Министром Финансов. — Совещание будущих министров у Фредамбэра. — Последний проект французов. — Переговоры с ген. Шварцем. — Я отказываюсь вступить в Совещание. — Лебедев в Бюро С. Г. О. Р.

10 марта. Понедельник.

Доклад Н. Н. Шебеко. С момента от'езда нашей делегации из Константинополя, ни они, ни даже представители Деникина и Колчака не имели никакого сообщения с Россией. Сейчас установлен Ориент-Экспресс (между Парижем и Букарестом; ходит два раза в неделю). Можно сообщать сведения; нужно наладить только сообщение с Букарестом. По вопросу об интервенции — точного и определенного ответа нет до сих пор. Определенно

решен теперь вопрос о Принцевых Островах — он отпал, но может быть еще раз выплывет. Здесь, в России, много инициативы предоставлено генералу Бертело.

В Париже и Лондоне наши делегаты встретили отрицательное отношение к активной интервенции; потом однако, выяснилось, что существуют два течения: американцы и англичане против (особенно американцы), французы и итальянцы — за.

Впечатление Шебеко, что из этого испытания мы выйдем большими друзьями Франции.

Положение генерала Гурко на Западе — безнадежное; он разругался с Клемансо, должен был покинуть Париж и Лондон; это испортило положение В. И. Гурко в Париже, где он и не выступал публично (стоило посылать!).

Опасность большевизма чувствуется повсюду: в Константинополе, Риме, Париже и Лондоне — везде. Война породила большевистские настроения везде; в военных массах, возвращающихся с фронта, в массе безработных. Все правительства это сознают. Англия считает, что опасность для нее минимальная, благодаря культурности ее населения — и поэтому предпочитает добивать Россию, не только не борясь с большевиками, но поддерживая все их начинания. Франция, наоборот, поняла необходимость единой и сильной России. Франция теперь в вопросе вмешательства сделалась более активной. Технические затруднения велики.

Отдельно выступать французам в России — трудно; но надо надеяться, что если Франция выступит самостоятельно, то вряд ли Англия и Америка активно помешают ей — скорее и сами втянутся.

В Бухаресте из разговоров с Поклевским-Козелл Шебеко узнал о существовании у французов крупных шероховатостей с Добрармией. Поговорив с Бертело, убедился, что Бертело плохо осведомлен о настроениях в Париже по русскому вопросу — он обрадовался, узнав, что отношение французов к русским хорошее; просил осведомить об этом Россию.

В отношении к Добрармии у французов создалась неблагоприятная атмосфера; нужно немедленно ввести какие то изменения. Бертело считает себя главнокомандующим всеми военными силами Юга России и все вопросы экономические и финансовые должны разрешаться совместно с ним.

В настоящее время положение Добрармии довольно острое. Бертело донес о нем в Париж, сильно рассчитывая на сообщение Шебеко о симпатиях к русским Французского правительства. Видит главных недоброжелателей Франции в лице Лукомского, Драгомирова и некоторых политических деятелей — Н. И. Астрова и Родзянко, так как они высказывались капитану Бертело крайне враждебно к союзникам, критиковали их действия и заявили, что если будет так продолжаться, то обратятся к немцам. Бертело твердо решил создать на юге силы для активных действий. Сейчас решено создать восемь дивизий из добровольцев и колониальных войск. Этот материал безусловно доброкачественен для активных операций. Лучший выход из положения по мнению Бертело и Шебеко — это создать на Юге России правительство, которое взяло бы в свои руки власть.

Прибытие восьми дивизий надо ожидать не ранее конца апреля, начала мая. Правда, генерал Бертело

высказывался по этому вопросу более определенно, чем Париж; может быть там еще даже не пришли и к реальному разрешению вопроса о вооруженной интервенции; там Шебеко точных данных о формировании не слышал. Правда, в Париже боятся своего и английского общественного мнения и все делают втайне. Вероятно и здесь делают многое без ведома Парижа, чтобы поставить его перед совершившимся фактом.

Сейчас генерал Щербачев и Головин работают над вопросом об использовании военнопленных Германии.

По поводу инцидента с П. Н. Милюковым, Н. Н. Шебеко говорил, что с самого начала, еще до приезда делегации в Париж, создалось впечатление, будто вся делегация состоит при Милюкове. Франшэ д'Эспере встретил его неприязненно и вероятно телеграфировал в Париж, что едет делегация П. Н. Милюкова. В Константинополе делегаты долго ждали ответа из Парижа, наконец, решили об'яснить с адмиралом Амэтом, — он обещал помочь. В это время английский адмирал предложил делегации взять ее с собою. Поговорили с Амэтом; он был смущен, но не возражал. Когда Клемансо приказал Амэту не пропускать делегации, она была уже в Париже. Клемансо рассвирепел, разругал Пишона и Маклакова, и предложил всем выехать тотчас же в Лондон, — потом де можно будет выяснить, кого впустить во Францию; Маклаков вообще был пассивен и не высказал большого желания помочь Милюкову. Часть делегации предлагала выехать обратно в Россию, другие (Гурко особенно) стояли за то, чтобы не уезжать из Парижа, пусть жандармы насильно удаляют. Другие

высказывались даже за то, чтобы Милюков и в Лондон не ехал, дабы не углублять недоразумения; решили в конце концов всем ехать в Лондон, но не считать Милюкова членом делегации. В Лондоне против Милюкова никакого враждебного настроения не оказалось; да и в Париже, в сущности, можно было бы его отстоять, так как, например, С. Н. Третьяков добился того, что его и всю привезенную им в Париж семью не выслали. П. Н. Милюков был в высшей степени полезен, патриотичен и стоек, и его работа в Париже была бы очень нужна; а наши представители в Париже вели себя так, что получалось впечатление, что они хотели бы сплавить его из Парижа. Выступления его в Лондоне очень продуктивны и имеют успех. Через две недели после вынужденного от'езда из Парижа всей делегации, кроме Милюкова, было разрешено вернуться.

Милюкову это было очень обидно и тяжело, но обиды по адресу Франции в его выступлениях никогда не прорывалось.

Херсон оставлен союзниками. Был в морской базе французов и слышал, как агент Ропита, со слов капитана парохода, привезшего обратно в Одессу греков, направленных французами к Херсону с артиллерией и танками, рассказывал, что они даже и не сходили с парохода. Предыдущий дессант с 600 греками был успешен; греки прошли пол-города, но были разогнаны большевистской артиллерией. Греки говорят, что у них до 200 раненых, а французы совсем не дрались. Барон предполагает, что Фредамбэр оттого и придумал укрепленный лагерь, чтобы замаскировать отказ французов от активной борьбы.

Мне дали билеты на реквизированный французами для перевозки войск «Тигр».

Проект Андро — прорваться на блиндированном поезде в Николаев за мукой, несомненно удался бы, да не найдется охотников.

Совещание в 7 часов с Глебовым и служащими Центрального Военно-Промышленного Комитета в связи с моим от'ездом; оставил им шестимесячный оклад жалования и все суммы в кассе К-та для продолжения его работы. Несмотря на падение Херсона, в ресторане идет кутеж — поручик А., ад'ютант д'Ансельма, пьянствует с дамами. Ресторан полон.

11 марта. Вторник.

Доклад Р. Г. Моллова и кн. Урусова, приехавших с Балкан:

1. Необходимо создать на Юге России центральную власть. Она должна смягчать поступки Деникина, оскорбительные для французов. Она необходима и для поддержки французов.

2. Нужно организовать помощь славян, которые должны заменить на Юге французов. Нужно наладить осведомление и связь с Екатеринодаром, Константинополем и Одессой.

Совещание Бюро С. Г. О. Р. об инструкции нашим делегатам, едущим к Деникину. А. С. Хрипунов и я требуем, чтобы делегаты настаивали на необходимости создания южно-русского правительства. Кн. Трубецкой возражает теоретически: как де создать южно-русскую власть — путем ли сговора с социалистами или нет, кого пригласить на Государственное Совещание, которое будет создавать

правительство, будет ли Деникин первым консулом или нет, и т. п. К необходимости создать власть на Юго-Западе примыкает и М. В. Челноков; он рассказывает, что просил у Добрармии кредита в три миллиона от имени О-ва Снабжения Армии для приобретения выгодной партии сапог. И Бернацский и проф. Соколов отнеслись очень сочувственно к его предложению: сапоги крайне нужны и партия выгодна, но сделать ничего не могли, так как считают до сих пор обязательным для себя «Устав о подрядах», которому более 50 лет, и «Банковый Устав» такой же давности.

Опять ничего толком не решили; барон медлит, не ставит точек наді, думаю, что ничего определенного Деникину и не скажут, а просто останутся там, спасаясь от анархии. —

12 марта. Среда.

Скверные сведения: французы отступили с греками от Колосовки, открывая большевикам путь от Вознесенска на Одессу. В городе полная уверенность, что большевики неминуемо будут в Одессе. Престиж французов равен нулю. Генерал д'Ансельм вчера, на совещании у Гришина, давал слово офицера, что Одесса не будет сдана без боя. Дождались.

По случаю годовщины революции — сегодня в порту полная забастовка и частичная в общественных и правительственных учреждениях. Проходит вяло, так как правительство не одобрило. Все еще население сдерживать можно и даже весьма успешно. Были бы люди.

С валютой — вакханалия: франки — чеком на Париж — 4 рубля 60 коп., наличными 4,9—5 рублей;

за тысячерублевую керенку — 1270 рублей Украинками; за 500 Романовских — 1000 Украинских, хотя Романовских напечатано большевиками неограниченное количество.

В буржуазии — смирение; бежать некуда; не без удовольствия говорят: «по крайней мере вернемся в Москву и Питер прямым сообщением». Видел Андро; он был у митрополита и просил его воздействовать на Гришина-Алмазова, дабы тот подчинился французам. Ничего, разумеется, не выходит. Я советовал Андро бросить все эти затеи и ехать со мной к Бертело — поговорить о положении Юга. Согласился.

Заходил С. А. Шателен. Бернацкий посылает его в Париж за бумагой для печатания денег; Бернацкий послал к д'Ансельму Суфчинского с просьбой выдать Шателену визу; д'Ансельм обещал; а лейтенант Биго, заведующий паспортами от имени Междусоюзнической Комиссии, заявил, что для него нет д'Ансельма, ни даже Бертело, а лишь междусоюзнический комитет, который может ему приказывать; он должен запросить Париж о Шателене. Сегодня пришел ответ из Парижа о необходимости указать двух лиц в Париже, которые могут аттестовать Шателена. Все это, очевидно, потому, что о Шателене хлопочет министр Добрармии.

Столкновение с французами из-за парохода, идущего в Новороссийск — французы не дают разрешения заходить туда из-за сыпного тифа (сегодня Л. А. Капацинский умер от тифа, занесенного сюда из Новороссийска), а публика знать не хочет. Французы задержали пароход на день.

Грубость заведывающих французскою морскою базою — не поддается описанию. Публику выбра-

сывают, как ветошь, заставляют ждать часами, потом гонят прочь до другого дня.

Французы слабо реагируют на позор Херсона. Порталь, как всегда, меланхоличен; сконфужены немного братья Виллэм — родились в России, понимают, что мы, русские, чувствуем.

13 марта. Четверг.

Плохо спал ночь. Встал рано, пошел в 9 часов утра к Фредамбэру проститься — он и не пытается меня удерживать. Говорит о том, что большевики — это армия Франции 1794 года, что у большевиков есть идея — правда, поддерживаемая грабежами, но все же идея; офицеры их хороши — умирать они умеют; их, французов, русские дважды обманули: раз, уверив, что большевистская армия — сборище воров и хулиганов, другой раз, заставив поставить во главе генерала Деникина, хорошего рядового генерала, но не военачальника, ибо он — не организатор — он не с'умел даже на территории своей деятельности создать благоприятное для своей армии положение. Не сумел Деникин и окружить себя достойным образом. В Херсоне большевистская шайка в 3000 человек росла не по дням, а по часам за счет крестьян, мелких торговцев, рабочих, приказчиков и т. д. и пришлось бы на дальнейшую защиту Херсона стянуть все силы из Одессы, оставив ее под ударами. Одессу решено защищать, наметив три последовательные зоны; при натиске на первую — отступить на вторую, со второй — на третью и тут держаться.

При мне дает распоряжение о военном заслоне на Вознесенском направлении.

Выводы все же делает пессимистические и думает, что с большевизмом в России будет то же, что с Якобинизмом во Франции: победив, он растворится.

В 11 часов иду к барону рассказать о беседе с Фредамбэром и о том, что уже с ним простился. — «Никаких прощаний, Вы остаетесь», говорит мне барон и тут же сообщает, что только что виделся с д'Ансельмом и Фредамбэром. Сообща решено об'явить осадное положение с переходом власти к д'Ансельму и организовать совет при французском командовании с исполнительной властью; в состав совета французами с бароном намечены: министром-президентом и министром внутренних дел — Андро; я — министром финансов; Григоренко — земледелия, торговли и промышленности; генерал Шварц — военным.

Я в отчаянии; считаю задачу теперь невыполнимой: опоздали на месяц; отказываюсь; барон сердится, обвиняет в трусости.

Барон собирает Бюро С. Г. О. Р.; приходят — П. П. Менделеев, В. В. Пржевальский, С. А. Хрипунов, кн. М. А. Куракин и П. Я. Тикстон. После доклада барона, я первый прошу слова — заявляю, что не могу принять портфеля министра финансов, не желая скомпрометировать Совета Государственного Об'единения; ведь я — инициатор особой южно-русской власти, я — инициатор комитета при французском командовании, я же служил для сношений с французами; если при этом я буду назначен министром — вся моя предыдущая деятельность потеряет принципиальный характер и будет иметь вид личной интриги. Все соглашаются со мною, один барон говорит, что раз французы просят меня — я не в праве в такой момент отказываться. Я

тем не менее отказываюсь и ухожу в час дня в Банк за своими деньгами, чтобы купить валюту на дорогу — уезжаю через два дня.

Возвращаюсь через полчаса и узнаю от Куракина что Бюро Совета в моем отсутствии перерешило вопрос и единогласно признало необходимым для меня принять портфель. Почему Бюро единогласно со мной согласившееся, что я не должен входить в Совет, через полчаса тоже единогласно решило обратное — остается для меня неизвестным. Гр. А. А. Бобринский, узнав о решении Бюро, присоединяется к его постановлению.

В 3 часа пленум С. Г. О. Р. Приходят 40 человек; барон подробно докладывает о решении принятом французами, об учреждаемом при них совете, о моем вступлении в него министром финансов. Пленум, почти без дебатов, без возражений, одобряет действия барона.

Я тем не менее заявляю барону, что лишь в том случае войду в Совет, если представители Добрармии также согласятся на предложение французов, так как считаю недопустимым для С. Г. О. Р., включившего в свою программу — поддержку Добрармии, вступать с нею в открытый конфликт.

В 6 часов получаю письмо от генерала Шварца — он отказывается вступить в Совет.

В 9 часов меня приглашает к себе Фредамбэр. Застаю у него Андро и Григоренко; обсуждаем положение. Фредамбэр сообщает, что как раз теперь у д'Ансельма генералы Санников и Гришин-Алмазов, которых д'Ансельм вызвал, чтобы сообщить о принятом французами решении.

Мы подтверждаем еще раз, что на конфликт с Добрармией никто из нас не пойдет. В 10 часов

д'Ансельм зовет к себе Фредамбэра, сообщая ему по телефону, что Гришин не противится, а Санников не соглашается. Фредамбэр едет к д'Ансельму и возвращается в 12 часов 10 минут ночи с сообщением, что совместно с Санниковым и Гришиным-Алмазовым выработана формула, щадящая положение Добрармии, по которой при д'Ансельме образуется не Совет (что было бы в роде Совета Министров), а лишь приглашается на помощь к д'Ансельму гражданский начальник Андро, который в свою очередь приглашает лиц, сведущих в разных отраслях управления, для заведывания этими последними. Это нужно сделать для сохранения внешнего декорума — раз нет нового министерства, то в глазах общественного мнения министры Добрармии, как бы остаются у власти; а потом, конечно, когда Екатеринодар поймет неизбежность и полезность для Юго-Запада происшедшего — все будет оформлено открыто, без фиговых листков. Составляем приказ в указанном духе; в нем пока называется фамилия одного Андро; наши будут названы завтра; Андро вступает в управление делами завтра в 12 часов дня; мы — в 2 часа.

Идем в «Лондонскую», в номер Порталя. Будим лейтенанта де-Карсалад и капитана Бертело; переводим приказ о введении осадного положения, посылаем его в газеты; Андро вызывает градоначальника полковника Маркова, который заявляет, что против Добрармии он не пойдет, но если назначивший его на должность — Гришин-Алмазов согласен с совершившимся, то и он останется.

Шварц лежит больной; завтра утром барон будет у него, чтобы убедить вступить в Совет. Барон с нами все время. Не понимаю, что с ним произошло

— нет ни обычной вялости, ни нерешительности. Ложимся в 3 часа ночи и обсуждаем с Григоренко план работ.

В коридоре ночуют пять греческих солдат — их прислали французы охранять нас; повидимому, власть и охрана органически связаны друг с другом.

14 марта. Пятница.

Рано встал и звоню к Шателену. Прошу его зайти. Об'ясняю ему, что произошло, прошу, раз он будет заказывать в Париже бумагу, краску и новые деньги, то заказать то же и для нас; прошу также переговорить с Бернацким и сказать ему, что с ним будет установлен тесный контакт; что его работа в Екатеринодаре только выиграет от нашей помощи. Шателен согласен купить все, что нам нужно, будет говорить немедленно с Бернацким.

Возвращается барон от Шварца — не может понять почему Шварц отказывается взять на себя военную часть; просит меня поговорить с ним; еду, говорю; оказывается — требует премьерства, двух портфелей для друзей и прямого приглашения от французов. Еду за Фредамбэром, который немедленно отправляется со мной к генералу Шварцу. Генерал просит об'яснить ему положение вещей, особенно сообщить состояние артиллерии. Фредамбэр сообщает: пушек будет к концу марта до ста, но нет артиллеристов — всем французам-артиллеристам вышли сроки и они уехали! Людей в Одессе наберется в данный момент у союзников тысяч 30, к концу месяца будет до 50, а в апреле еще тысяч 20. Шварц обещает обдумать положение и дать сегодня же ответ.

Меня приветствуют члены нашего Совета: В. Д. Ильин и Ф. А. Иванов. Андро летает вихрем по городу, как полицмейстеры в доброе старое время. Фредамбэр говорит, что со всех сторон его упрекают за то, что французы пригласили Андро, а сам Андро нам телефонирует: «в городе известие о новом правительстве принято с удовольствием». Все, как у людей.

В 3 часа еду к Шварцу за окончательным ответом; застаю там генерала Санникова и Андро. Оказывается, что митрополит, который раньше будто бы стоял за решительные меры, в последний момент, под давлением Гришина, от которого он в восторге (однородные фигуры!) заявил, что благословит наше дело (сподобился я!), если будет на то согласие Деникина, и потребовал, чтобы Санников заявил Шварцу, что будет рассматривать вступление Шварца в Совет, как акт явно враждебный Добрармии. Не дождавшись об'яснения Шварца, Санников быстро уходит, вызванный д'Ансельмом. Андро рассказывает, что был вчера с Гришиным у д'Ансельма и Гришин с угрозой сказал: «посмотрим еще, как Деникин отнесется к русским участвующим в этом деле!» Шварц, после посещения Санникова заявил мне свой окончательный отказ. Появляется Брайкевич, беседует долго со Шварцем наедине, потом говорит мне: «Вы работаете — на руку большевикам». Я. — А что Вы считали бы целесообразным? Неужели Вы, городской голова, находите полезным здесь Гришина-Алмазова и Санникова. Брайкевич. — Без контр разведки Добрармии — большевики победят. Гришин Алмазов при всех своих недостатках хорош, он сам о себе говорит: «я — Скалозуб», а теперь Скалозубы нужны. Ваша

затея — Украинская». Протестую: — Григоренко председатель Киевской монархической организации и, кроме него, малороссов у нас нет!

В виду окончательного отказа Шварца вызываю по телефону барона и заявляю ему: после протеста Санникова и отказа Шварца, я не нахожу удобным, как член Бюро С. Г. О. Р., оставаться в Совете при французском командовании. Барон одобряет мое решение. Едем к Фредамбэру, сообщаем ему о моем отказе. В это время его вызывает по телефону д'Ансельм и говорит, что к нему прибежали взволнованные Брайкевич с А. А. Титовым, протестовали против происшедшего, бранили Андро и угрожали выступлением рабочих!

Вечером у меня собрались Андро, Григоренко, генерал Шварц и с.-р. Рутенберг, которого пригласил Шварц. Рутенберг заявил, что нужно ввести в Совет социалистов, с которыми можно сговориться очень скоро; прибавил, что Брайкевич и Титов предложили д'Ансельму образовать Совет из трех лиц: Санникова, Брайкевича и Бутенко, которые затем уже от себя пригласят министров. Ларчик просто открывается: от печки, по типу Директории и разумеется, при участии Брайкевича и А. А. Титова — тогда все в порядке. Очертела вся эта канитель.

Я пошел на заседание Бюро нашего Совета, где сообщил о моем выходе. Довольно с меня двух дней пребывания в новом правительстве. Получил санкцию. Туда вскоре пришел В. А. Лебедев и стал требовать от Совета протеста против введения французами осадного положения в Одессе. М. В. Челноков, кн. Е. Трубецкой и А. М. Масленников уверяли его в своих глубоко лояльных чувствах по отно-

шению к Добрармии; один Хрипунов сказал откровенно Лебедеву, чего они стоят. Лебедев болтал что то полуграмотным языком, но с большой самоуверенностью; решили, что барон, кн. Трубецкой и Тикстон пойдут к д'Ансельму просить согласования действий французов с добровольцами. Видя все это и понимая, что при этих условиях я буду первою искупительною жертвою, я прошу у секретаря С. Г. О. Р., корректного и деятельного Г. А. Алексеева, копию протокола того заседания Бюро С. Г. О. Р., где единогласно, вопреки моему отказу, было решено требовать моего вступления в правительство при французском командовании. Стоящий тут же П. П. Менделеев говорит: «Никакого решения Бюро не было — это был лишь частный разговор».

ГЛАВА IX

В ПАРИЖЕ

Французские солдаты на «Тигре». — В Констанце. — У Черновод. — В Бухаресте. — У ген. Бертело. — Сообщения ген. Войно-Панченко. — В. П. Гурко о нашей делегации. — Встреча с гр. Шевильи. — Встреча с д-ром Лазоверт. — Беседы с каштаном Х. — Через Венгрию, Австрию, Швейцарию. — В Париже — у В. А. Маклакова, кн. Г. Е. Львова, у Пети (Балаховской), у А. И. Коновалова, И. Н. Ефремова. — Идея санитарного кордона на Юго-Западе России. — У кап. Обле. — Маклаков о федерации.

15 марта. Суббота.

«Тигр» уходит сегодня. Захожу проститься к барону. Барон осунулся — беспомощен. Очевидно, под'ем, с которым он работал эти два дня — прошел.

16 марта. Воскресенье.

На пароходе. Много солдат — французов, несколько греков, человек 15 французских офицеров. Много солдат пьяных с самого утра; им продают красное вино по пять франков за два литра, в любом количестве; пьют вино утром, вместо кофе.

Несколько столкновений с офицерами у пьяных солдат. Один раз из за «ты», другой раз — офицер толкнул пьяного с лестницы, ведшей на площадку. В догонку уходящему офицеру солдат кричит: «скотина, корова, дурак, вот подожди — доедем до Марселя, всех вас бросим в воду».

Комиссар парохода рассказывает, как французская администрация нелепо раздражает солдат. Она везет увольняемых со службы в Салоники, где они болтаются и пьянствуют восемь дней, пока за ними приходит пароход из Марселя. Между тем, как тот же пароход, который довозит их до Салоник, уходит в обратный рейс на Константинополь и Одессу не раньше, как через восемь дней. За это время он успел бы отвезти солдат в Марсель, вернуться в Салоники и итти дальше.

Моя кабина, хотя на билете отмечено было «Оффициальная Миссия», занята офицерами, которые обратно ее уступить не хотят.

Приезжаем в Констанцу в три часа дня.

В 11 часов вечера отходит поезд на Букарест. Проделываем формальности. Ждем два часа: нет французского лейтенанта для проверки паспортов — он где то обедает; румынская полиция на-лицо и торжествует. Вторая виза в контр-разведке невозможна, ибо по воскресениям бюро закрыто. К счастью на вокзале французский контроль пропускает нас, благодаря выданному мне Порталем свидетельству.

В 11 часов выехали в Букарест. В купэ, в окне — трещина, в коридоре — окно выбито, холод, снежная вьюта. Завесили изнутри одеялом на кнопках, спим в шубах, света нет.

17 марта. Понедельник.

В 6 часов утра под'езжаем к Черноводам, где огромный мост через Дунай взорван. В снежную вьюгу тащим багаж на плечах, садимся на паром и в бурю переезжаем Дунай; ищем места в вагонах ждущего у пристани поезда; все занято; какая то американская миссия из нескольких человек заняла целый вагон. Видят, что мы стоим на вьюге, но к себе не пускают. Сели в товарный вагон. Едем шесть километров до Фетешти, где ждем поезда из Букареста от 10 часов утра до 5 вечера. Уходит он в Бухарест лишь в 8 часов, так как машинист сделал два пробега в Бухарест и из Букареста и лег спать.

Получаем спальный вагон и в 3 часа утра в Бухаресте.

18 марта. Вторник.

В 12 часов вижу капитана Бертело, бывшего с Порталем у Деникина (хороший тип культурного француза, прекрасно образованный и воспитанный, с широким, ясным взглядом на вещи). Отношение к Добрармии — отрицательное. Слушает с глубоким удовлетворением мои сообщения об Одесском coup d'Etat и на 6 часов устраивает прием у генерала Бертело.

В 4 часа у посла Поклевского-Козелл; застаю там В. И. Гурко и племянника Поклевского. Поклевский говорит, что Бертело телеграфировал д'Ансельму убрать поскорее Санникова из Одессы.

Поклевский-Козелл сообщает, что румыны взялись за русских; решено выслать всех здесь находя-

щихся, кроме занятых делами военными или дипломатическими. Начнется экзекуция — ведь большинство русских без дела, выехать дальше в Европу они не могут и их будут высылать в Одессу.

В 6 часов у генерала Бертело. Большой, грузный профиль в стиле Бурбонов. Жалуется на Санникова, говорит, что телеграфировал д'Ансельму — убрать его скорее. Одобряет устройство совета, говорит, что будут снабжать Одессу морем (крайнее легкомыслие). Ждет от Клемансо разрешения с'ездить в Париж для информирования. Жалуется на русских, уезжающих за границу и не возвращающихся обратно, бросающих Россию. Я настаиваю на приглашении в Совет при французском командовании генерала Шварца. Бертело соглашается, обещает немедленно ему телеграфировать. Мало разбирается в событиях, смешивает мою точку зрения с тем, что говорили ему в свое время проезжавшие чрез Букарест Шебеко и Титов. Слова мои падают на рыхлую массу. Одесса, очевидно, обречена на гибель.

19 марта. Среда.

Был во французском штабе. Узнаю, что Бертело экстренно выехал сегодня в Одессу, так как туда же выехал Франшэ д'Эспере. Подходим к ликвидации конфликта с Добрармией и упрочению французской оккупации. Последняя ставка для спасения Одессы, но думаю, что и она проиграна.

Был у меня генерал-майор С. П. Войно-Панченко; он прикомандирован к штабу Бертело. С 1916 года в Париже; был 10 лет в свите б. вел. кн. Сергея Михайловича, заявляет себя республиканцем и со-

общает, что американцы пойдут на Россию только в том случае, если будет опасность реставрации; англичане вообще не пойдут; одни французы из-за Германии боятся слабости России. Во Франции сейчас нет большого политического человека. Клемансо добился своей мечты — возврата Эльзас-Лотарингии и на Россию он теперь не обращает внимания. (Гурко сказал: «о России теперь говорят в Париже походя».) Маклаков не имеет влияния в Париже; его подвел советник посольства Севастопуло, убедив его не представлять верительных грамот немедленно по приезде. А потом уже было поздно, так как большевики стали укрепляться и французы не решились принять грамот от представителя Временного Правительства. Севастопуло сделал это, чтобы быть хозяином положения (он был назначен в Копенгаген Извольским и не хотел уехать). Все бумаги оффициально подписывает Севастопуло. Маклаков к тому же стеснен тем, что он фактически получает содержание от Франции. Во главе русского комитета — кн. Львов, который привез из Америки 300.000 франков и на эти деньги содержится Комитет. Львов сильно полевел. Французы сейчас относятся лучше к русским, чем вначале.

Ужинал с В. И. Гурко. Он говорит, что в Париже из С. Г. О. Р. никто не приглашен в Русский Комитет, так как там направление левее Гурко и Шебеко. — «А почему не приглашен Третьяков», спрашиваю. — «Да он правее меня (Гурко)». Из всех русских в Париже считаются с одним генералом Щербачевым — его принимают, выслушивают и просьбы его удовлетворяют, хотя вяло, и часто не дают ему сведений даже об отправке военных в

Новороссийск. Гурко едет в Одессу за женой и будет торопиться обратно. Проехать в Париж делегации помогли англичане. У Гурко был открытый лист от генерала Балларда и письмо Марии Федоровны к английской королеве. Англичане на крейсере провезли всю делегацию с семьями до Рима, на автомобилях привезли с пристани на поезд, телеграфировали в Рим. В французском обществе никто из членов делегации связей не завязал.

20 марта. Четверг.

Румыны об'явили, что все русские, украинцы, австрийцы, немцы и болгары, проживающие в Бухаресте, должны явиться в полицию с документами. Зашел к консулу, спросил — нужно ли итти; говорит, что посол составил список лиц, за которых ручается и послал его министру внутренних дел. Я — в списке.

Весь день менял деньги; наш рубль летит вниз головокружительно; еще в январе давали за керенскую тысячу — 1500 лей, а за Романовскую — 1800. В Одессе лей стоили 65 копеек. Теперь здесь давали — в среду 945 лей за тысячу керенских, а сегодня — уже 800; за романовскую тысячу — 1350 лей; за наличные франки мелкой купюры взяли с меня 269 лей за сто франков и 64 лей за один фунт стерлингов. Еще месяца два и мы докатимся до 2 копеек за рубль.

21 марта. Пятница.

Встретил днем гр. Шевильи. Он пришел в ужас, когда я сказал, что придется, очевидно, окончить

переговорами с большевиками, но потом заявил, что пугает его лишь-то, что тогда французские социалисты подымут окончательно голову и Франции не миновать большевизма; впрочем и без того считает большевизм неизбежным во всей Европе. Едет в Одессу, Севастополь и Екадеринодар по поручению министра иностранных дел, чтобы дать отчет о положении вещей по личным впечатлениям. Престиж Добрармии во французской среде близок к нулю.

22 марта. Суббота.

Во французский штаб сообщают, что Бертело возвращается в Букарест и что командование французскими силами в России переходит к Франшэ д'Эспере. Спор между двумя генералами разрешен, но от этого лучше ли? Все таки у Бертело накопилось много докладов, у него есть русский отдел при штабе, кроме того, Поклевский в Букаресте; в Константинополе же — ничего. Оставит ли Франшэ Одессу или нет? Помогут ли французы из Румынии, раз Бертело отстранен?

Получаю билеты на экспресс.

23 марта. Воскресенье.

Едем в слипинге как в доброе старое время. Билеты до Парижа — по 530 франков. По курсу среднему — около 2000 рублей каждый. В поезде — Лазоверт (заведывавший у Пуришкевича санитарной частью) — в петлице — розетка офицера Почетного Легиона. Говорит, что он доктор медицины Парижского университета, был интерном, был мобилизован, как врач, родился в Варшаве,

еврей, был при генерале Жанэн, потом попал к Пуришкевичу, которого «любит, как честного человека». Теперь, узнав о выступлениях Пуришкевича монархического характера, написал ему письмо с протестом. Жалеет, что «такой умный, честный и талантливый человек не понимает, что нет возврата к старому и проповедует погромы». Лазоверт едет с какой-то миссией французского министра инстранных дел. Я видел его бланки как-то в России; заголовок такой: «доктор Лазоверт, заведующий санитарными учреждениями действительного статского советника Владимира Митрофановича Пуришкевича» (а все учреждения, конечно, не Пуришкевича, а Красного Креста).

Рядом в соседнем со мной купэ — ад'ютант начальника генерального штаба генерала Альби, капитан Х... Я ему сообщаю много сведений об Одессе, о большевизме. Настаиваю, чтобы в Одессу послать артиллерию, выяснить поскорее вопрос о подчинении греков французам (греков много больше и они не захотят слушать д'Ансельма), указываю на ничтожество генерала д'Ансельма, на необходимость присутствия на месте большого генерала, прекращения маниловщины в их политической позиции, и поддержания аммуницией Добрармии, особенно артиллерией. Х. сказал, что еще не решено, как быть с Одессой, что в Париже мало интересуются Россией и склонны уйти из нее, мечтая о «санитарном кордоне» в Польше и Румынии.

Капитан Х... обещал подумать, кто мог бы заняться серьезно русским делом в Париже; думает, что следует обратиться к Бриану, как к возможному преемнику Клемансо, но, вообще, вряд ли кто этим делом займется.

24 марта. Понедельник.

Проезжаем Венгрию, осторожно спрашивая по телефону, можно ли ехать дальше. В Темешваре получаем газету на немецком языке «Политический народный Листок», где сообщается о венгерской революции.

По словам Х..., 9 батальонов колониальных войск — негров на пути в Россию; где они в данный момент, не знает.

Вечером встретили поезд из Парижа с Братиано и Сэнт Олэром; тревожатся о проезде через Венгрию. Нового в Париже ничего.

25 марта. Вторник.

Едем через Кроацию и Славонию, потом через Штирию; прекрасно, спокойно, богато, нигде следов войны.

В поезде американец — стройный, во френче, лет под 60. Ухаживает за дамами, на станциях посылает им воздушные поцелуи в окна; сморкается рукой наотмашь, как наши солдаты или в салфетку. При нем два ад'ютанта, моряк и корреспондент. Справляюсь, кто такой — оказывается генерал.

26 марта. Среда.

В 7 часов утра в Вене; здесь спокойно, новый большевистский венгерский посол уже приехал в Вену и представился оффициально. Повидимому Австрия его признает. Венгерцы обещают Вене помощь продовольствием, если они поддержат большевизм.

Капитан X... пишет рапорты генералу Альби, я настаиваю на необходимости проводить такой план: Деникину артиллерию и снабжение в большом количестве, Колчаку — японских солдат, в Одессу — греков и артиллерию и, таким образом, около 600.000 большевистских штыков будет удержано в России. Идея бросить Россию и устроить барьер в Румынии и Польше — безнадежна; против заразы штык беспомощен, а внутреннее разложение можно остановить лишь победами над красной армией. Настаиваю на необходимости создать международное бюро для борьбы с большевизмом; отдел военный, отдел прессы, отдел пропаганды в народе, отдел разведочный, финансовый, снабжения населения.

Идет дождь все время, едем богатою, нетронутою войной западной Австрией. На всех вокзалах поражает полное отсутствие путешествующих, на пригородных вокзалах ни одного человека; на вокзалах больших городов, как Линц буквально ни души. Поезда проходят раз в два дня — нет угля. Вокзал в Зальцбурге — ни души. Серб-дипломат сосед по купе разразился юдофобщиною. Весь большевизм — еврейское дело. Ленин, Дзержинский, Крыленко — евреи.

27 марта. Четверг.

В 4 часа утра — швейцарская граница в Букие; стоим 6 часов: сносились по телефону и телеграфу с Берном, так как жандарм из Букареста телеграфировал, что поезд идет из Будапешта; запросили, сколько русских и венгерцев.

В Швейцарии от границы до границы нас сопровождает швейцарский офицер, забравший и хранив-

ший у себя все паспорта. Он заявил, что за Швейцарию они очень неспокойны. Ждут к маю забастовок. На всем пути, у всех одно настроение — птицы, к которой приближается удав.

Капитан Х... спокоен; уверен, что Венгрию быстро сократят; а если нет, то скоро и во Франции будет большевизм, прибавляет он спокойно.

На французской границе в Делль отобрали все частные письма у всех — вероятно, этим и ограничится борьба с большевизмом.

В Бельфоре стоим без конца.

28 марта. Пятница.

Приехали в 9 часов. Пустовато в Париже — меньше движения.

В 2 часа в русском посольстве. В. А. Маклаков радушно встречает; пополнел, обрюзг. Одет просто, сестра — еще проще. Исчез «высокий стиль», посольство не чувствуется совсем.

Маклаков наскоро сообщил, что в Париже, кроме политического совещания есть еще комитет послов, где решаются главные дела. Удивляется, что я дал Энно лестное письмо к нему, Маклакову; он, Маклаков, получил секретный доклад из Одессы, где противопоставлялась работа моя и Энно. Мою хвалили, Энно — порицали. Кто докладчик?

В 4 часа у кн. Львова; встречает меня Вырубов; дает понять, что на Союз Государственного Об'единения они (??) смотрят, как на черносотенное учреждение. Львов приветствует радушно. Рассказываю отрывками, слушает полувнимательно, так как приходит М. С. Аджемов — о чем-то секретничает с Львовым. Впечатление мертвечины, интереса

— никакого, а я ведь за последние месяцы первый живой человек из России, со сведениями непосредственными, не бумажными.

В 6 часов у М-м Пети, урожденной Балаховской. Ее муж уехал в Эльзас с Миллиераном, наместником Эльзаса. Общий отзыв — с русским делом плохо. Решен санитарный кордон в Румынии и Польше, на Россию почти махнули рукой, социалисты одолели. С Энно — скандал в Палате Депутатов: Пишон от него отрекся, заявив, что он — самозванец. Депутаты протестовали против усиленного кредита на восточную армию (в том числе и на стоящую в Одессе).

29 марта. Суббота.

Завтракал с Гокие. Он говорит, что русский комитет не ставится ни во что, никакого на него внимания, разговаривают с Бахметьевым и только. В русском посольстве роль играет один Базили. Русский комитет лишь тогда будет иметь значение, если открыто признает федерацию и республику. Все здесь считают армию Деникина черносотенной. Энно наделал глупостей, ангажировал французское правительство, его роль окончена. Шульгин, руководивший им — крупный человек морально, но в политике очень опасен. Создать в Париже Международный Комитет для борьбы с большевизмом почти невозможно; подымется социалистический вопль.

Все, кого вижу, инертны, испуганы.

30 марта. Воскресенье.

В 4 часа у А. И. Коновалова; там П. Б. Струве и С. И. Третьяков. Сведений из России у них за все время не было никаких. Здесь они не знают, что делать; влияния не имеют никакого. Три дня назад вернулись из Петрограда и Москвы два американца, пробывшие там несколько дней и давшие отличный отзыв о большевиках. Вильсон накануне признания их власти. Одни французы борятся (но почти безнадежно) за нас. Я говорю о гибельной роли политиканов Добрармии на Юго-Западе. Струве злится, говорит, что ничего не понимает. Еще бы — его коллеги по «Национальному Центру»!

В 6 часов у И. Н. Ефремова — до сих пор его не признали Швейцарским послом, но еще надеется быть признанным и тогда сейчас же уедет. Здесь делать нечего, французы не считаются с русскими.

Встретил Энно — он себя реабилитировал: знакомый депутат огласил в Палате Депутатов документ, подписанный послом Сэнт-Олэром с ссылкою на Пишона, приглашающий Энно на оффициальный пост. Пишона левые изругали; финал: Энно во вторник приглашен к Пишону. Я развил ему план Международного Комитета, он очень ухватился; доложит о нем Пишону.

Вечером говорил с Маклаковым. По его мнению, большевики исчезнут путем внутреннего перерождения, а не путем интервенции.

Коновалов добивается, чтобы Авксентьев был включен в состав совещания; он семь дней уже в Париже, а Львов все еще его не предлагает.

31 марта. Понедельник.

В 12 часов видел капитана Рупие. В Генеральном Штабе все заняты организацией румынско-польского кордона; о русских делах говорить не приходится. Одессу повидимому покинут, тем более, что ее с 70-верстной полосой можно захватить в румынский кордон. В Архангельске неспокойно — три дня назад расстреляли нескольких большевиков, в Сибири тоже неспокойно. Колчак продвинулся всего верст на 30. В Крыму большевики немного продвинулись вперед.

Бюджет (в том числе и расходы на армию на востоке в 170.000 человек) прошел в Палате всеми голосами против одних социалистов. Тем не менее, ничего не решаются делать для русских, и идея интервенции, повидимому, провалилась совсем. В 4 часа я приглашен к начальнику славянского отделения Министерства Иностранных Дел — Облэ. Он служил в Петрограде около двух лет при ген. Маниковском (начальник артиллерийского снабжения), знает хорошо нашу работу Центрального Военно-Промышленного Комитета. Я сообщил ему про все одесские ошибки французов, про потерю ими всякого престижа; указал на необходимость прислать артиллерию в Одессу и на Перекоп, посылать массовое снабжение Деникину и Колчаку, чтобы этими мерами удержать 600.000 красных штыков от удара на Румынию, Восток, Галицию и Польшу.

Облэ: — Мы посылаем снаряжение Деникину через англичан, таково наше соглашение с англичанами, мы не можем делать все сами.

Я: — Но англичане не говорят, что они снаб-

жают по соглашению с вами и выходит, что вы ничего не делаете.

Облэ: — Примем меры; что касается Колчака, то генерал Жанэн, командующий там, стоит нам 4—5 миллионов в день.

Я: — Это большая сумма, но опять я слышал, что Колчак получает все не от вас, а от американцев.

Присутствует полковник Хунтцингер, помощник начальника штаба Франшэ д'Эспере. Едет завтра в Константинополь; я прошу его укрепить Франшэ в сознании необходимости поддержать осадное положение и сохранить совет при французах. Обещает.

Уславливаемся с Облэ видаться почаще.

В 5 часов у Маклакова — до 7. Рассказываю ему о большевизме — очень интересуется тем, есть ли в нем государственные созидательные начала.

Маклаков: — Сейчас мы под угрозой признания большевистского правительства. Я считаю Ллойд-Джорджа опаснее Вильсона; последний как будто скорее против признания, хотя американские эксперты, посланные в Совдепию, привезли очень благоприятный отчет.

Я: — Почему же Ллойд-Джордж готов признать большевиков?

Маклаков: — Он смелее других, легкомысленен; потом у него своя возня с рабочими, он может быть признанием большевизма бросит кость своим рабочим и, убрав сопротивление его мероприятиям, основанное на недоверии к нему, как к противнику широких социалистических уступок рабочим, добьется многого. Французы искренно против признания, но они одни слабы. Какой же Ваш вывод о нашей будущей тактике против большевиков.

Я: — Продолжать делать вид крайней неуступ-

чивости и думать о почве и форме переговоров с ними.

Маклаков: — Да может быть это и придется сделать.

Я: — Искренно ли Вы, Сазонов, Львов говорили о федерации, как о возможной форме государственного строя в России, в вашей Декларации от 9 марта 1919 года.

Маклаков: — О, да. Мы теперь рады были бы, если можно было бы остановиться на федерации, но о ней уже слышать не хотят не только Финляндцы, но и Эстонцы, Латыши, Латвийцы, Украинцы, Грузины. Сюда приехали Чхеидзе и Церетелли; и господа эти, содействовавшие разрушению России, теперь и слышать не хотят о федерации с нею. Они у меня еще не были и вероятно и не будут. С другой стороны — поляки (Дмовский), особенно убеждает конференцию, что Россия сгнила и не станет на ноги; поэтому у нее смело можно отнять и Литву и Подолию, словом историческую Польшу. Их защитником является Поль Камбон. Он был у меня и когда я ему сказал, что, обворовавши нас, Польша станет об'ектом нашей ненависти и предметом нашей напряженной борьбы — он задумался и просил письменно изложить мысли; они изложены в моей брошюре «Quelques considérations sur la question de la Grande Pologne et des Côtes de la Baltique». Финны тоже не хотят слышать о федерации. Я считаю, что мы достаточно наглупили с ними и с поляками во время Временного Правительства, которое, по моему, вышло из пределов своих прав, отказываясь от Польши. Теперь дело трудно поправить, но мы можем, по крайней мере, бороться против бо̀льших притязаний поляков.

Я: — Тем не менее я, как радикал-федералист, попробую собрать находящиеся в Париже элементы, доступные федерированию (представителей окраин), авось удержим кое-кого от сепаратистической работы.

Условливаемся продолжать беседу в четверг за завтраком. Утром видел Савицкого, бывшего военного министра Кубанского Правительства, а теперь члена Кубанской делегации. Рассказал ему о моем плане об'единения федеративно-настроенных делегаций в Париже и просил подготовить кубанцев к разговору со мной — обещал (он приехал с Чермоевым, богачем, собственником нефтяносных земель в Грозном).

Обедал в 8 часов у Пети. Встретил там Авксентьева, Зензинова, Сверчкова; были и супруги Энно.

Авксентьев и Зензинов говорили о Гришине-Алмазове, как об авантюристе, о котором никто в Сибири не сказал доброго слова. М-me Энно об'яснила заслуги Гришина в Одессе при занятии ее петлюровцами (?).

Я пытаюсь навести Авксентьева на рассказ о делах Колчака — отговаривается незнанием того, что сейчас делается, но уверен, что с рабочими неладно.

Уже обо мне говорят в определенно недоброжелательном духе, так как Авксентьев сказал: «Вы приехали сюда проповедовать переговоры с большевиками». — Да, говорю я, — переговоры через союзников. Надо, чтобы иностранцы влезли материально в русские предприятия и принимали серьезные меры к эксплоатации русских богатств; ведь правильно поставленная промышленность и торговля вырвут когти и зубы у большевизма — об этом то и надо вести переговоры.

Авксентьев говорит, что надо бы мне высказать эти мысли в Лиге Защиты Прав Человека, где делаются анкеты о большевизме, где очевидцев допрашивают французские интеллигенты, как Олар и другие; предложил свои услуги, чтобы меня тоже допросили. Охотно соглашаюсь.

Дома в 11 часов обсуждали с Энно его завтрашний визит к Пишону; я просил его предложить следующую программу: создание Международного Комитета для борьбы с большевизмом из представителей Англии, Америки, Франции и Италии. Русские туда приглашаются в качестве экспертов. Четыре национальных секции: русская, румынская, галицийская, польская. Четыре отделения: пропаганды, прессы, военное и экономическое. Мотивы: бороться гораздо продуктивнее не штыками, а оружием, которым сами большевики подготовляют своих жертв к с'еденню задолго до удара штыком или пушкой. Такие способы борьбы приемлемы и для социалистов-оппозиции, ибо бороться идейной пропагандой допускается во всех случаях.

Энно все записал и обещал подробно поговорить с Пишоном.

ГЛАВА X

ПОПЫТКИ СПАСТИ ОДЕССУ

У ген. Щербачева. — Представители окраин. — Энно у Пишона. — Беспомощность русских в Париже. — У де Селиньи. — Беседа с Б. А. Бахметьевым. — У Рубановича. — У Камерера. — У г-жи Мэнар-д'Орнан. — У Альбера Тома. — Тома в Ц. В. П. К-те в 1916 г. — У Л. Л. Быча. — У Н. Д. Авксентьева. — У Антонелли. — У Жозефа Рейнака. — У Венизелоса. — Одесса эвакуирована.

1 апреля. Вторник.

В 10 часов пришел Савицкий с Чермоевым; первый представлял Кубань, второй — Чечню. Оба федералисты. Настаиваю на об'единении; идет туго.

Маклаков вчера говорил мне, что у него был Братиано и заявлял претензии на Бессарабию. Маклаков сказал ему, что если в Бессарабии преобладает румынское население и оно желает перехода к Румынии, тогда возражать против этого — трудно. Но он думает, что ни того, ни другого условия на лицо нет.

В 12 часов дня я у генерала Щербачева; болеет, брюзжит, не одобряет Деникина, задирающего всех, не имея никаких сил для того, чтобы свою волю

сделать обязательной. Здесь Щербачев застал большой кавардак — масса военных делегатов, неизвестно кем уполномоченных и сбивающих всех с толку. Он с трудом навел порядок, но все же в правительстве его мало кто слушает. Помощь снаряжением идет крайне туго, а конфликты с Деникиным тормозят работу. И Маклаков не на высоте — ничего не требует от французов, только почтительно просит, говорит, что признан французами лишь наполовину и поэтому не может настаивать. «Тогда уходите лучше в отставку, сказал я ему», говорит Щербачев.

Только вчера удалось генералу Щербачеву достать русскую десятиверстку (привез Поклевский-Козелл — племянник из Букареста) и то без Петрограда и Крыма.

В 1 час завтракаю у Коновалова с Третьяковым. Коновалов волнуется — посылают с Аджемовым письмо Деникину с предупреждением, что настроение его антуража не соответствует настроению европейских демократий.

Я говорю, что надо категорически дать понять Деникину, что он должен заниматься лишь военным делом, забыв о политическом, которым могут и должны заниматься местные правительства. Нужно создать центральную власть лишь как видимую крышку для местных властей, а в эти последние ввести популярных местных лиц.

Коновалов спрашивает тревожно, как к нему относятся общественные деятели? Я говорю, что по-прежнему нет ущерба на его моральной физиономии, но что он, как и кн. Львов, как и все Временное Правительство, считаются безнадежно провалившимися на государственном экзамене, и что пребыва-

ние Львова во главе русских совещаний в Париже, лишает совещание в глазах русских политического авторитета.

Маклаков вчера мне говорил: «Первое время политику вел я, теперь Львов с Политическим Совещанием меня фактически отстранил».

В 5 часов Савицкий познакомил меня с Гайдаровым, бывшим депутатом 3-ей Думы, министром путей сообщения у горцев Дагестана и Чечни (около 2-х миллионов). У него железной дороги — 200 верст. Он — с. д. С пеной у рта говорит о Деникине: «пока Вы его не уберете, мы все на Кавказе будем сепаратистами, а не федералистами». Развиваю свою программу образования блока федералистов в Париже, и об'единения всех инородцев и окраинцев. Горячо приветствует и он, и Савицкий, обещают помочь. Для начала Гайдаров просит помочь приехать сюда Азербейджанской делегации, застрявшей в Константинополе, особенно Топчибашеву. Обещаю.

2 апреля. Среда.

Видел Энно — его сегодня принял Пишон, выразил сожаление по поводу парламентского инцидента. Очень заинтересовался характеристикой украинского движения, просил подробного отчета. По вопросу о моем предложении создать международный Комитет дважды просил доклада. Я обещал Энно схему.

Видел в час Бурцева в его редакции «Общее Дело»; все тот же, неутомимо ищет денег, собирает материалы, ненавидит Керенского, который собирается приехать в Париж «мутить»; не знает, что дальше делать, куда итти.

Обедал с Коноваловым и Третьяковым. Третьяков в тяжелой неврастении — делать нечего, толку никакого, на русское совещание все плюют, никто из власть имущих с ним не разговаривает; а переменить тактику, обдумывать тезисы для разговоров с большевиками — противно.

Коновалов тоже жалуется: деньги уходят на угощения всяких журналистов, а все это ни к чему.

Обедал в Кафе де Пари; пришел туда Б. А. Бахметьев с Аджемовым; тоже признают, что дело дрянь. С Дона приехали генералы и говорят, что Дон бесповоротно погиб, а с ним и Кубань погибнет. Аджемов настаивает, что Кубань не погибла и что необходимо послать именно его туда от Совещания — никто кроме Аджемова толком не знает для чего ему, собственно, туда ехать, но посылают.

3 апреля. Четверг.

В 11 часов в Министерстве Иностранных Дел у де-Селиньи (он получил письмо обо мне гр. Шевильи; говорили ему обо мне Пети и Гокие); встретил меня, как старого знакомого. Я рассказал ему об Одесских делах, а потом изложил программу об'единения всех парижских просителей из России под федералистским флагом. Он очень одобрил, «Вы ведь этим можете оказать большие услуги России, я всецело в Вашем распоряжении».

Тревожится только о моем отношении к украинцам, но я успокоил его, что на федерации мы и с ними сойдемся, страхи же перед Галицией — чисто детские. Обещал прислать список и адреса всех находящихся здесь представителей бывших окраин России, указать мне лиц, подходящих для Международ-

ного Комитета борьбы с большевизмом, устроить мне интервью в Petit Journal и других газетах. Маклаков и Рубанович считают его искренним другом России. Его тоже просил, как и Облэ, послать в Одессу, пушки и провизию.

В 11 часов видел Поклевского-Козелл, племянника; он говорит, что С. А. Шатлен в Букаресте, а дальше его французы не пустили — пакостят за Деникина. Шебеко тоже приехал, сообщает, что после приезда Франшэ д'Эспере все лихорадочно заработали для обороны Одессы. Авось.

В 12 часов был у Б. А. Каминки. Уехал из России до октябрьской революции, предвидя, что будет, и желая сберечь силы для дела восстановления России. Не представляет себе, как обеднела буржуазия в Одессе; здесь имеет свой банк.

Развил и ему мою теорию федерации, он спросил, а кто же представит Россию? Я ответил: «Вы, я, каждый русский, честно преданный интересам родины».

В 1 час завтрак с Б. А. Бахметьевым в отеле Мерис (там Сазонов дает очередной дипломатический затрак большой компании).

Бахметьев говорит: Маклаков умен, талантлив, но не деловой человек; Львов — очень ослабел. Русское совещание — слабо. Беда не в большевиках, а в том, что их заместить некому, против них в России пустое место. Бахметьев подал записку Вильсону, где излагает: 1. нужно окружить большевиков вооруженным кольцом, чтобы они скорее пожили себя (не посылая экспедиции, так как интервенция невозможна); 2. надо поддержать существующие обще-русские правительства и местные правительства и 3. надо говорить союзникам, что мы вовсе не по

принципиальным соображениям отказываемся иметь сношения с большевиками, а из-за бесплодности и что если процесс трансформации большевизма совершится, то не исключены и разговоры с ними. Эту последнюю формулу он всячески смягчает оговорками, считая очень вредным, чтобы о ней знали и к ней привыкали. В ответ на эту поданную им записку получил крайне лестное письмо — ответ от полковника Hous (ближайший сотрудник и друг Вильсона) и думает, что он уже руководствуется его запиской. Вообще, американцев не бранит, а напротив, подчеркивает, что несмотря на благосклонность американского общественного мнения к большевикам (собственно не большевиков одобряют, а боятся, что без них в России будет реакционная монархия) и на благоприятное для большевиков заключение посланных в Россию американцев (поехали большие друзья февральской революции как «dernier cri» демократии, а теперь считают этим «dernier cri» — большевизм), американцы все же не признают большевистского правительства. Сообщил мне, что у него в Америке есть несколько сот тысяч долларов Ц. В. П. К-та и что когда приедет Гучков, решим, как с ними быть. Затею Гучкова в Германии считает ерундой, так как никто на армию Юденича средств не даст — у французов их нет, а Америка ничего не даст на поход против большевиков. Предложил работать в контакте с ним, одобрив мой проект лиги русских федералистов.

В 3 часа был у Рубановича. О Сазонове Клемансо сказал: «mais cet individu est capable de servir tous les regimes». Рубанович не признает ни воплей против большевиков в истерическом стиле Л. Андреева (статья в «Общем Деле»), ни науськивания против

них европейской демократии, как против разбойников. Он, Рубанович, стоял за Принкипо, а теперь стоит за-то, чтобы проверить демократизм большевиков на европейскую мерку и тогда решить, как с ними быть. Он, Рубанович, на с'езде в Берне, где хотели замять вопрос о большевиках, вытащил его и после двух дней дебатов, добился того, что по поводу большевизма вынесли отрицательную резолюцию. Клемансо делает ошибки — он, ненавидя социалистов вообще, смешивает их в одну кашу с большевиками и хочет одним ударом смести всех — и за это его так и травят социалисты.

4 апреля. Пятница.

В 11 часов у Камерера в Министерстве Иностранных Дел. Все знает, ничему не верит. Холоден; считает, что большевизм вовсе уже не так опасен. Я: «Да, хорошо бы пустить его по всей Европе — он, пройдя через более здоровые европейские организмы, потеряет свою вирулентность — это лучший способ сделать его безвредным для человечества». Камерер: «Что Вы, нет, нет». Я говорю о бесчинии французов в Одессе. Камерер: «Что же Вы хотите от французов? Они не могут действовать, как боши». Я: «Так уведите их из Одессы — оставьте одних греков, они защитят Одессу». Камерер (опять): «Что Вы, нет, нет?»

Когда я заговорил о лиге федералистов — сказал: «но зачем новая лига? Пусть ваше Совещание в Париже сделается федералистическим! Если здесь русские хотят, чтобы их слушали, они должны открыто признать три вещи: республику, федерацию и землю крестьянам. Без этого здесь ничего не сде-

лаете. Мы не хотим, чтобы на нас смотрели, как на оплот абсолютизма и реакции; Деникин — правильно или неправильно считается реакционером — и с ним нечего больше делать». Похвалил Бахметьева, отзывался холодно о Сазонове и Маклакове.

Завтракаю в час у Маклакова с его сестрой. Говорю Маклакову о лиге федералистов; одобряет; в претензии, что раньше ему не сказал; говорит: «Вы сделаете большое дело связав нас с национальностями, они нас не признают».

Я: — Вы ведь федералисты со вчерашнего дня — вам не верят.

Маклаков: — Я в русском совещании в большинстве случаев остаюсь при мнении Савинкова и Бахметьева. — Заявляет, что еще несколько месяцев тому назад телеграфировал Бахметьеву в Америку, что без федерации не обойтись. Написал записку об этом, но не подал, ибо в Совещании первый бы завопил Сазонов. Даст ее мне. Когда я сказал, что иду к M-me Мэнар д'Орнан, просил при случае уверить ее, что она напрасно считает его черносотенцем.

В 2 часа у M-me Мэнар д'Орнан; заявила, что я, кажется, был у нее в 1907 году (был у нее с Носарем-Хрусталевым). Заговорили о большевизме, она — антибольшевичка, но будучи социалисткой центра (шикарный особняк, несколько миллионов) не признает интервенции и «этих господ с Quai d'Orsay». Говорит, что русское дело здесь губят Сазонов и Извольский, «которому мы обязаны этой ужасной войной». Сазонов будто бы по ее сведениям, получает отставку и лишается 3000 франков, которые он получает от французского правительства (?). Русские должны были придти в Париж не как хулители революции, а как ее продолжатели, прося во имя

принципов революционной демократии защиты от деспотизма антидемократических большевиков, а вышло, что просят защиты сторонники старого режима, которых никто во Франции не желает и не будет поддерживать. (Совершенно правильное замечание). Очень одобрила идею лиги федералистов, обещала пригласить к себе для меня проф. Олара, Альберта Тома, Марселя Самба, Реноделя, Лонгэ и др.

Советовала не говорить при них, что лигу одобряет Маклаков и Бахметьев — социалисты подумают, что и я реакционер. Стараюсь реабилитировать Маклакова — безуспешно.

В 9 часов докладывал в Бюро Возрождения России о положении вещей в Одессе — бюро состоит из шлиссельбуржца Иванова, проф. барона Корфа, д-ра Антова, Кричевского, вдовы М. Р. Гоца и еще какой-то дамы.

Аджемов говорит мне: «ты не очень говори здесь о возможной работе с большевиками, а то мне уже рассказывали о твоем сообщении, будто большевики сохранили неприкосновенным Военно-Промышленный Комитет». Подтверждаю, что Троцкий помог сохранить его.

5 апреля. Суббота.

В 11 у Альберта Тома, на rue de l'Université, ободранная приемная, грязная лестница, старый дом; на столе в приемной речи Тома, напечатанные брошюрами за счет разных организаций; можно брать бесплатно. Тома все тот же: энергичный жест, энергично сжатые губы, неприветливая, деланная улыбка.

Я: — «Вы заняты, а мне нужен целый час, не откажитесь позавтракать со мной». Тома вспомнил, что мы виделись с ним в России; я напомнил, что это было у Коновалова, когда Тома во время войны приезжал с Лушером ознакомиться с положением дела заготовок для военных надобностей.

Смотрит в записную книжку — все занято: каждый день с кем-нибудь завтракает, потом поездки в провинцию говорить речи.

Я: — «Тогда пообедайте со мной». Тома: — «Но я должен иметь свободные вечера, чтобы писать мои газетные статьи». Наконец, назначает на 18 апреля — завтракать. Попутно говорит: «Решено эвакуировать Одессу». Я в отчаянии: «Да эвакуируйтесь, но оставьте, ради Бога, греков, их войска хороши, они одни защитят Одессу».

Пожимает плечами, недоволен. Прошу устроить мне свидание с Пишоном. Говорит, что и депутаты его с трудом ловят, но обещает.

Впечатление, которое произвел на нас А. Тома в первое его посещение Петрограда (в 1916 году) было несколько неопределенное. Он начал свое ознакомление с работой в России по снабжению армии (он был французским министром снабжения и приехал «усилить» снабжение нашей армии) с пребывания в Ставке Верховного Главнокомандующего, где, как до нас доходили слухи, был обласкан. Центральный Военно-Промышленный Комитет, стоявший во главе снабжения армии, счел необходимым ознакомить Тома с положением работ, с невероятными трудностями, которые нам приходилось преодолевать и с большими результатами, нами достигнутыми, несмотря на них.

Устроено было частное заседание на квартире

А. И. Коновалова, в присутствии Тома и Лушера с одной стороны и большинства членов Бюро Центрального Военно-Промышленного Комитета — с другой. Тома с небрежностью авторитета, беседующего с профанами, стал указывать на то, что у нас ничего не делается, что в Архангельске (где он был) работы в порту идут черепашьим шагом, что так же работают в Питере на заводах и железных дорогах и что он де во Франции поставил все так, что работа кипит — он сам повсюду ездит, всех подстегивает, за всем наблюдает; стал нам советовать работать энергичнее и т. д. А в то время каждый из нас напрягал свои силы до максимума, который далеко превышал среднюю меру; это было возможно только в той атмосфере патриотического возбуждения, в которой мы жили. Можно себе представить, как небрежные замечания Тома на нас подействовали; все ему об'ясняли, в каких условиях мы работаем; холодно-остроумный В. В. Жуковский уверял А. Тома, что все в России мобилизовано для войны «кроме правительства»; я же, не утерпев, сказал ему: «верьте, что если бы у нас в России сплошь да рядом расстояние между двумя заводами, связанными между собой производством частей одного и того же предмета, не превышало в несколько раз вертикального масштаба Франции, мы бы дали армии не меньше Вас». И результаты работы в России по снабжению армии были налицо: несмотря на безумное расточительство периода гражданской войны, беспредельное расхищение нашего военного имущества нашими солдатами при развале фронта, расхищение его немцами, румынами, чехо-словаками, финнами и т. д. имущества этого хватает еще и теперь!

Звонит Маклаков, он вчера обедал у депутата Рейнака и рассказывал ему о моих взглядах; тот заинтересовался, хочет поговорить со мной. Я, разумеется, согласен. Спрашиваю Маклакова, что верного в заявлении М-me Мэнар о лишении Сазонова жалования. Маклаков: «Чепуха, Сазонов ничего от французов не получает, только разрешение на шифр получил». Спросил, что М-me Мэнар говорила о Савинкове, кажется, французы в нем разочаровались? М-me Мэнар сказала: «Удивительный народ Вы, русские, — когда кого-нибудь называют Савинкову, он говорит: как, этот...! и следует жест презрения».

В 3 часа — у Быча (Лука Лаврентьевич) в отеле Mac-Mahon. Он служил управляющим отделением Восточного Общества Транспортирования Кладей в Баку лет 15, потом был приглашен бакинцами лет 8 назад городским головой, строил Линдлеевский водопровод, был председателем совета министров на Кубани, теперь — Председатель Кубанского Учредительного Собрания и Миссии. Был Председателем Бакинского Военно-Промышленного Комитета после Аршака Гукасова. Пристроил восемь лет тому назад Петлюру помощником бухгалтера в Петрограде в Восточном Обществе Товарных Складов. Мужчина лет 45, усталый, с склерозом артерий, вялыми глазами, медленной речью и движениями. Он первый раз в Париже (по университету — товарищ Маклакова). Развиваю ему программу федералистического об'единения. Говорит — поздно, нужно теперь спасать не Россию, не Кубань, а жизнь казаков; мобилизованы все от 18 до 70 лет, а большевики, победив, всех перережут. Донцы уже смяты, очередь за Кубанцами. Надо спасаться. Я: — Что

же сможет вас спасти, если союзники уведут войска? Быч: —Экономическая блокада, ее нужно сделать прочнее. Я: — У большевиков голодают уже год, но голодом всего народа покупается 1½ фунта хлеба для 500.000 солдат и для нескольких сот тысяч чиновников. Большевики в голоде могут существовать еще очень долго. Быч: — Тогда все погибло. Я: — Нет, сделаем федералистический союз Кубани, Дона, Азербейджана, Горцев, Грузии, Крыма, Украины, Сибири, Архангельска, Эстляндии, Латвии, Литвы, — союзники такой союз поддержат, хотя бы снаряжением, ибо это входит в программу Вильсона; затем мы найдем способ связать этот союз с Россией; пока же, чувствуя себя окруженными единой демократической, республиканской федеративной организацией, и большевики будут стеснены, так как в глазах европейской демократии посягательство на такую федерацию будет иметь иной характер чем борьба с реакционной Россией. Быч: — Да, может быть, но все же и теперь наша надежда больше всех на Петлюру, которого вы губили в Яссах. Я: — Петлюровское движение создано немцами. Юг ничего общего с Украиной галицийского типа не имеет. Быч: — Это — роковая ошибка; Петлюра честный человек и никогда ничьим наймитом не был.

Я передаю ему отзывы Шульгина о Петлюре — «Керенский номер второй». Быч: — Абсурд, Петлюра человек мужественный и дельный. Шульгин — это бедствие юга, он губил нас и на Кубани.

Обещал поговорить с украинцами, ингушами и донцами; говорил с кн. Львовым, который сказал по поводу заявления Кубанцев о том, что они хотят полного отторжения от России: «Да, вам больше

ничего не остается делать, как спасать себя, я вас понимаю». Быч понимает грузин, которые себя таким же образом спасают. Говорил с Деникиным, когда тот сунулся к грузинам; Деникин сказал: «пошлю два, три полка и от грузин ничего не останется». — «Да разве Ваша задача завоевать Грузию, сказал ему Быч, ведь там нет большевиков?» — «А все равно, там армия называется красной». А когда генерал Ляхов взял Владикавказ, Деникин поздравлял его с новым покорением Кавказа.

Понимаю теперь заявление дагестанцев, что они и слышать не хотят о России, пока там Деникин.

В газетах известие, что французы оставляют Одессу. Свершилось.

6 апреля. Воскресенье.

Звоню к Маклакову по телефону, чтобы узнать об Одессе; как будто правда. Пишон третьего дня ему сказал, что эвакуируют.

В 12 часов у Авксентьева в отеле «Рузвельт», застал там Зензинова и Роговского, корректного и милого. Авксентьев ничего не говорит за завтраком о Колчаке, очень интересуется моей работой по поводу федерации, просит держать его в курсе; говорит, что работает в том же направлении. Керенский зовет их в Лондон, затрудняются выехать; приглашают его в Париж, но думают, что ему разрешение на приезд сюда получить будет трудно.

В 3 часа заезжаю к адвокату Антонелли, написавшему очень интересную книгу «Большевизм в России». Он был в свите Нуланса, пробыл год в России, хорошо наблюдал, несколько преувеличивает «мистическую сторону славянской души». Говорю о фе-

дерализме, спрашиваю, кто из французов мог бы поставить на реальную почву этот вопрос. Ответ прост: «Никто». Русским вопросом здесь не интересуются, он сделался надоедливым. Вопрос этот также бросили, как бросают Одессу; о нем слишком много говорили, он слишком осточертел всем. Советует ставить вопрос о большевизме на экономическую почву. Надо убедить крестьян и рабочих мануфактурой и хлебом. Я: — Но на каком клочке территории начать эту пропаганду среди крестьян и рабочих? Антонелли: — «Там, где большевики еще не у власти. Я: — Но для того, чтобы большевики не захватили там власть, нужно защищать эту территорию, а чтобы союзники дали себе труд ее защищать, нужны серьезные основания, а чтобы создать такие основания, нужно учредить там республики и об'единить их в федерацию. — Антонелли: — «Я не против этого, но подчеркивайте здесь везде принцип мирной борьбы с большевизмом, иначе ничего у Вас не выйдет. Принесите мне хорошую программу Вашей федерации и я подумаю о людях, которых Вам можно рекомендовать».

И от Антонелли никакого толка не будет; никого пока не назвал.

Получил наконец от Львова приглашение сделать доклад в Русском Совещании.

7 апреля. Понедельник.

В 11 часов у Жозефа Рейнак; великолепный особняк в парке Монсо, чудные книги, картины, произведения искусства. Слушает внимательно, порицает Русское Совещание — ничего не дало положительного; требует от него того же, что и Ка-

мерер — признания федерации, республики, земли крестьянам (а сам, ведь, правый депутат, сотрудник «Фигаро»). Я: — А что тогда сделают для России союзники? Рейнак: — Я не могу давать обязательства. Я: — Ну, а теоретически, раз интервенция отклонена, то что могут теперь дать союзники, если русская конференция и согласится на провозглашение этой триады? Рейнак: — Очевидно, что много дать не могут. Я: — Точнее говоря — ничего, а с другой стороны в России за большевизмом ведь наступит черная реакция: как же вы можете рассчитывать на то, что Сазонов, Извольский и др. к тому же никем не уполномоченные, сожгут свои корабли? Рейнак: — Пока они не сожгли моста между старой царской Россией и новой, — союзники с Россией говорить не будут.

Замечаю, что мы ведь немного и требуем, — ведь, и Маклаков, и Ефремов, и Стахович — послы Керенского, а правительство Керенского об'явило республику. Перехожу к Одессе, говорю, что надо там оставить хоть греков, раз французы уходят; пишет для меня рекомендательное письмо к Венизелосу, с которым завтра завтракает.

Я говорю о Международном Комитете для мирной борьбы с большевизмом; соглашается помочь, но лишь после того, как русская конференция признает триаду: федерация, республика, земля крестьянам. Иначе не стоит и обращаться к Вильсону и Ллойд-Джорджу.

Иду к Венизелосу в отель Мерис. У греков национальный праздник. Секретарь просит притти завтра в 6 часов. Спрашиваю, не знает ли он чего-нибудь об Одессе? — «Греки тоже ушли».

Был в Министерстве Иностранных Дел у де-Се-

линьи. Говорит, что дело дрянь. Одессу оставили, но Крыма пока еще нет.

Я: — Ерунда; в Крыму один французский полк; узнав, что французы ушли из Одессы, он потребует и своего увода. Крым погиб, а с ним и Деникин. Селиньи соглашается; ясно чувствуется, что все они устали и что им в конце концов безразлично.

Зашел там же к ком. Облэ проверить сведения об оставлении Одессы; ничего еще не знает (он в службе связи с военным министерством, но говорит, что он военные новости узнает с опозданием на 2—3 дня, так как военное министерство не торопится держать в курсе Министерство Иностранных Дел.).

Встретил генерала Щербачева — высох, болен. Рассказываю, что Одесса погибла, что это подтвердил Маклаков, узнав об этом из беседы с Пишоном, что очередь теперь за Деникиным. Мрачно молчит, ничего не знает, ничего и не может.

В 9 часов у Антовых — там Авксентьев, Зензинов, Апостол, Струве, барон Корф, Михельсон, Третьяков.

Авксентьев сообщает, что по полученным сведениям, в Одессе один французский отряд перешел к большевикам. Никто не взволнован падением Одессы; никто не понимает, что идея интервенции безнадежно проваливается и что Россия останется надолго за большевиками.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.

Телеграмма, посланная Ясской делегацией союзникам через их послов

Нижеподписавшиеся, участники делегации русских политических организаций — «Совета Государственного Об'единения России», «Национального Центра» и «Союза Возрождения России», а также лица, персонально приглашенные на совещание в Яссах, включающие в себе представителей всех главных политических течений, за исключением крайне правых и крайне левых, приступая к работам, горячо приветствуют союзников, давших им возможность войти в непосредственное с ними сношение.

Не дожидаясь результатов этих работ, все члены делегации спешат единодушно засвидетельствовать пред союзниками о следующем обстоятельстве первостепенной важности, не терпящем ни малейшего отлагательства. Юг России переживает тяжелое переходное время. Слабость местной власти, — намеренное наследие германской оккупации, — ставит население пред ужасами возобновления кровопро-

лития и гражданской войны. Только немедленный приход союзных вооруженных сил сможет предупредить восстание антисоциальных и узко-национальных элементов, которые повергнут страну в хаос анархии, сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские и союзные силы необходимой базы для развития операций против советской власти. Для поддержания бодрости среди русских сил, способных к организованному сопротивлению, необходима уверенность, что помощь союзников не замедлит. В ожидании, пока посылка более крупных сил станет возможной, некоторого количества судов, появившихся немедленно в гаванях Черного Моря, как Одесса и Николаев, нескольких отрядов войск в больших городах и в главнейших стратегических железно-дорожных узлах было бы достаточно, чтобы на первое время поддержать эту надежду и удержать от выступления беспокойные элементы. Но нужно, чтобы эти первые проявления военной помощи появились теперь же, в ближайшие дни. Делегация ожидает при этом, что первые же вооруженные силы союзников принесут с собой твердое решение — не признавать отдельных государственных образований, созданных Германией в целях раздробления России, и вернут России ее Андреевский флаг, символ ее единства.

Приложение № 2.

Письмо ген. Деникина барону Меллеру-Закомельскому

Главнокомандующий
Добровольческой Армией
По общему Управлению
По политической Канцелярии).

оНября 26 дня 1918 г.
№ 834.

г. Екатеринодар.

Его Превосходительству Барону В. В. Меллер-Закомельскому Председателю Совета Государственного Об'единения России.

Милостивый Государь
Владимир Владимирович!

Позвольте прежде всего выразить Вам и в лице Вашем всем общественным группам, об'единившихся вокруг Совещания членов законодательных Палат для служения общему делу восстановления и величия нашей многострадальной Родины, сердечную благодарность за те чувства искреннего доверия и те пожелания, которые Вы выразили мне, как главе Добровольческой Армии, в письме Вашем от 13 сего ноября.

Я не премину широко использовать те живые силы и тот государственный опыт, который Вы и Ваши сотрудники несете нашему общему русскому делу.

Для большей успешности в достижении целей, поставленных себе Добровольческой Армией, весьма желательно бы было расширить круг политических и общественных групп, обществ и учреждений, примкнувших к Совету Об'единения России, дабы Добровольческая Армия могла опираться на возможно широкий, беспартийный блок всех государственно-мыслящих классов Русской Общественности.

От имени Добровольческой Армии шлю совету пожелания успеха в его благородной работе и надеюсь, что вокруг Вас, независимо от партийных разногласий, об'единится все здоровое духом и государственно-мыслящее общество, сохранившее чувство долга, чести и преданности Родине, ибо Добровольческая Армия сильна в своей неравной борьбе за Единство, Величие и Былую Мощь не только геропзмом воинов и помощью Союзных России народов, но и непоколебимой верой в то, что все действительное Русское, верное долгу, чести и родине, с нею и за нее.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

А. Деникин.

Приложение № 3.

Из письма генерала А. С. Шварца от 4 марта 1922 года

Многоуважаемый Мануил Сергеевич, сегодня получил Ваше письмо от 2-го марта и отвечаю в порядке Ваших вопросов:

1. Через два дня после Вашего от'езда из Одессы был сформирован «Совет Обороны при командующем войсками в Зоне Союзников».

2. В него кроме меня и Д. Ф. Андро вошли: адмирал Хоменко по морской части, К. Я. Ильяшенко-Синяговский по части Государственного Контроля и г. Рутенберг по отделу Труда и Продовольствия.

3. Я вошел в него по настоятельным просьбам генерала д'Ансельма и всех политических, военных и промышленных организаций в Одессе.

4. Через два дня после этого (кажется, 19 марта) прибыл генерал Франшэ д'Эспере, который уволил Санникова и Гришина-Алмазова и на другой день, приехав ко мне (я лежал больной гриппом), назначил меня Одесским генерал-губернатором и командующим новыми формированиями.

5. Рутенберг был приглашен д'Ансельмом по моей инициативе.

6. Кроме «Совета Обороны при К. С. В.» была учреждена еще одна инстанция совещательного характера, в которую под председательством д'Ансельма, должны были войти: Брайкевич и Бутенко. Однако, это совещание ни разу не собиралось.

7. Относительно Бернацкого: он находился в Одессе с 6 марта, имея целью своей миссии, повидимому, отправку денежных средств Одессы в Екатеринодар. Д. Ф. Андро, как Вы знаете, стоял за полное отделение Одесской власти от Екатеринодарской. Я наоборот, считал необходимым крепкую связь и единство действий. Поэтому я настоял, чтобы Бернацкий вошел в Совет Обороны с правом такого же голоса, как и остальные члены совета, и чтобы ни один финансовый вопрос помимо Бернацкого не решался и отпуски денег из Государственного Банка производились бы каждый раз с его санкции. Так и было сделано и я утверждаю, что ни одно ассигнование помимо Бернацкого не прошло. Бернацкий высказывал тогда свое желание, чтобы вся наличность казначейства (Гос. Б.) в сумме около 425 миллионов карбованцев была бы отправлена в Екатеринодар, а в распоряжении Одесской власти остались бы машины, печатающие в день на 12 с половиной миллионов карбованцев. Я, как председательствовавший в Совете Обороны, считал необходимым, чтобы кроме машин, было оставлено еще сто миллионов, необходимых на покупку хлеба и дров и пр. Переговоры об этом еще не окончились, как получен был приказ об эвакуации. В тот же день по моей инициативе Совет Обороны приказал выдать всем служащим всех ведомств и рабочим 6-ти месячные оклады в виде пособия, на что было израсходовано около тридцати миллионов. Кроме

того, распоряжением Бернацкого было вывезено при эвакуации около 2 ½ миллионов австрийских крон, около 200 тысяч румынских лей и около 3 ½ миллионов карбованцев. На пароходе я приказал всем начальствующим лицам сдать находящиеся у них остатки авансов, отпущенных им еще в Одессе. Таким образом собралось еще около 9—10 миллионов карбованцев. И всего было вывезено следовательно около 12—13 миллионов карбованцев и 2 ½ миллиона австрийских крон плюс 200 тысяч румынских лей. Затем тогда же на пароходе Бернацкий говорил мне в частном разговоре, что он успел отправить в Д. А. (действующую Армию) 100 миллионов карбованцев. Когда и как он успел это сделать, я не знаю. Затем все остальное осталось в Одессе и очевидно было забрано большевиками.

В виду этого я еще тогда в Константинополе назначил особую комиссию под председательствованием лица мне не подчиненного. Эта комиссия составила подробный документальный отчет о всем, что произошло в Одессе и при эвакуации. Отчет этот у меня. Я его хотел опубликовать, но узнав о предстоящем выходе «Мемуаров» Деникина, решил сделать это после выхода его книги.

Искренне Ваш

А. Шварц.

21 марта 1922 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Часть I. Ясская Делегация.

Глава I. Создание Совета Государственного Об'единения России 11

Бегство из Совдепии. — Организация групп. — Выборы бюро С. Г. О. Р. — А. В. Кривошеин. — Барон В. В. Меллер-Закомельский. — Национальный Центр. — Земско-Городской Союз. — Центральный Военно-Промышленный Комитет. — Н. С. Брасова.

Глава II. Ясское совещание 27

Приглашение в Яссы. — Совещание о диктаторах по пути в Яссы. — П. Н. Милюков. — Сообщение посла С. А. Поклевского-Козелл. — Характер заседаний. — Вопрос об интервенции. — Баллотировка кандидатов в диктаторы. — Приглашение к румынскому королю. — Приезд В. И. Гурко, Н. Н. Шебеко и др. в Яссы. — Отправка телеграммы Антанте с просьбой о немедленной помощи Киеву. — Чрезвычайные полномочия вице-консулу Энно. — Избрание делегации в Европу. — Переезд в Одессу.

Глава III. Последние дни гетманской власти в Одессе 47

Доклад ген. Гришина-Алмазова. — Доклад В. А. Степанова. — Трения с социалистами. — Вопрос о создании правительственного аппарата на Юго-Западе. — Совещание по обороне.

Стр.

Глава IV. Петлюровцы приближаются . . . 64

Настроение в Одессе в ожидании прихода Петлюровцев. — Доклады ген. Бискупского. — Одесская Городская Дума. — Волнения среди французских матросов. — Завтрак у ген. Гришина-Алмазова. — Переговоры между петлюровцами и консулом Энно. — Позиция поляков и немцев в Одессе.

Глава V. Пред от'ездом в Крым 78

Доклад полк. М. П. Новикова о Бертело и Франше д'Еспере. — Доклад ген. Галиевского и ген. Эрдели. — Сведения о посланной из Ясс делегации. — Добровольцы накануне прихода петлюровцев. — Переговоры с союзниками о десанте. — Подготовка к от'езду в Крым. — «Лондонская» гостиница накануне ожидаемого прихода петлюровцев.

Глава VI. В Крыму 94

От'езд из Одессы. — Петлюровцев нет. — М. М. Винавер. — С'езд Земств и Городов Юга России. — В погоне за сведениями. — Рассказ Сорина. — Крымские встречи. — Адмирал Канин. — О б. великом князе Николае Николаевиче. — «Гостиница для чинов первых трех классов». — В Морском Офицерском Собрании в Севастополе.

Глава VII. Снова в Одессе 107

Ген. Гришин-Алмазов, А. И. Пильц и В. В. Шульгин у власти. — Попытки реорганизации власти в Одессе. — Городская Дума и М. В. Брайкевич. — Требование социалистов о реорганизации Ясского Совещания. — В. М. Пуришкевич. — Работа С. Г. О. Р. — Вопрос о создании Юго-Западного Правительства.

Глава VIII. Поездка в Букарест 127

В пути. — Народные волнения в Букаресте. — Переговоры с французами о скорейшей присылке войск и об организации Совета при французском командовании. — Подполковник Фредамбэр. — Поклевский-

Козелл о злоключениях делегации в Париже. — Военная помощь союзников: «сферы влияния». — Мнения представителей Франции: за соглашение с социалистами, против диктатуры Николая Николаевича. — Русские склады с военным снаряжением. — Французский посол граф де Сэнт Олар о Сазонове. — Обратный путь в Одессу. — Дорожные встречи. — Сношения Деникина с Николаем Николаевичем. — Рассказ о нем кн. Куракина.

Глава IX. Вокруг организации Южно-Русской власти 147

Совещания С. Г. О. Р., Национального Центра, Союза Возрождения и Земско-Городского Союза. — «Советы» ген. Лукомского. — Неудачные попытки создать печатный орган С. Г. О. Р. — Доклад П. И. Новгороддева о принципах организации власти: ориентация на Деникина. — Хаос, создаваемый Екатеринодарским Правительством на Юго-Западе. — Ночь под Новый Год в Одессе.

Часть II.

Вооруженная интервенция на Юго-Западе России.

Глава I. Поиски выхода из тупика 163

Полк. Фредамбэр и ген. д'Ансельм в Одессе. — Проекты организации Южно-Русской власти: мой, кн. Е. Н. Трубецкого и С. Н. Маслова. — Попытка свидания с д'Ансельмом. — Французские планы организации управления в оккупированных районах. — Переговоры с социалистами. — Депутация у Фредамбэра. — Планы хлеборобов.

Глава II. Под знаком «Принцевых Островов» 182

Первые вести о Принцевых Островах. — Делегация кубанцев. — Приказ Деникина о роспуске Городских Дум и Земских Собраний. — Среди промышленников. — Попытка украинцев сговориться с французами. — Опять Национальный Центр. — Митинг Радикальной

Стр.

Партии. — Доклад Андро. — Положительное отношение четырех организаций к Принцевым Островам. — Сообщения А. И. Пильца.

Глава III. Делегация С. Г. О. Р. в Екатеринодаре 202

Доклад кн. Е. Н. Трубецкого. — Встреча с С. С. Крымом. — Вопрос об организации власти на Юго-Западе. — Телеграмма В. Я. Демченко. — Характеристика ген. Деникина. — Первые впечатления в Екатеринодаре. — С. Г. О. Р. — Роль ка-де в Совещании при ген. Деникине. — Кое-что о Троцком. — Центральный Военно-Промышленный Комитет.

Глава IV. Принцевы острова 216

Барон Меллер-Закомельский у ген. Бертело. — Проект организации противобольшевистской агитации. — Генерал А. В. Шварц. — От'езд Пильца. — У ген. Санникова. — Борьба ген. Бертело с ген. Деникиным. — Андро де Ланжерон. — Сведения из Парижа. — Телеграмма из Парижа о «Принцевых островах. — Энно у д'Ансельма. — Настроения французов. — Свадьба Энно.

Глава V. Попытки сговориться с Петлюровцами 239

У капитана Щербакова. — Морской отдел Ц. В. П. К-та. — Троцкий и Военно-Промышленные Комитеты. — Хлебный вопрос в Одессе. — На Одесской Бирже. — Письмо кн. Щербатова из Екатеринодара. — Заседание с «Национальным центром». — Андро у ген. Деникина. — Опять Петлюра. — Планы французов — смешанная Директория. — Доклад Б. Ф. Григоренко.

Глава VI. Последние попытки сговориться с добровольцами 256

Пересмотр вопроса о добровольцах в пленуме С. Г. О. Р. — Адмирал Канин о совещании при Деникине.

Стр.

— Доклад Бернацкого о финансах у Деникина. — Провал «Принцевых островов». — Барон у д'Ансельма. — Неудавшаяся встреча Деникинских министров с ген. д'Ансельмом. — У сахарозаводчиков. — Доклад полк. Веденяпина о добровольцах в Таврии. — Н. В. Тесленко о Крымском правительстве. — М. В. Бернацкий и Одесские деньги.

Глава VII. Французы настаивают на немедленном создании местного правительства . 278

У полк. Фредамбэра. — На собрании одесских финансистов. — Кн. Е. Н. Трубецкой и гр. И. И. Толстой. — Фредамбэр требует немедленного создания местного правительства. — Выборы делегации в Екатеринодар. Французы соглашаются сорганизовать местное правительство в виде совета при французском командовании. — Радио от Пишона, не признающее политической власти Добровольцев. — Заседание у «Национального Центра». — Дело с. д. Темкина. — А. И. Гучков о организации пропаганды у Деникина. — Выход В. Бобринского из С. Г. О. Р. — Расстрел одиннадцати. Военные операции французов. — Настроения французов. — Конец совместной работы четырех организаций.

Глава VIII. Совещание при французском командовании 301

Доклад Н. Н. Шебеко о наших делегатах в Париже и Лондоне. — Инцидент с П. Н. Милюковым в Париже. — Оставление Херсона союзниками. — Инструкции делегатам, едущим к Деникину. — Большевики надвигаются. — Прощаюсь с Фредамбэром. — Барон Меллер-Закомельский договаривается с французами о совещании при французском командовании. — Требование Бюро С. Г. О. Р. о моем вступлении в Совещание Министром Финансов. — Совещание будущих министров у Фредамбэра. — Последний проект французов. — Переговоры с ген. Шварцем. — Я отказываюсь вступить в Совещание. — Лебедев в Бюро С. Г. О. Р.

Стр.

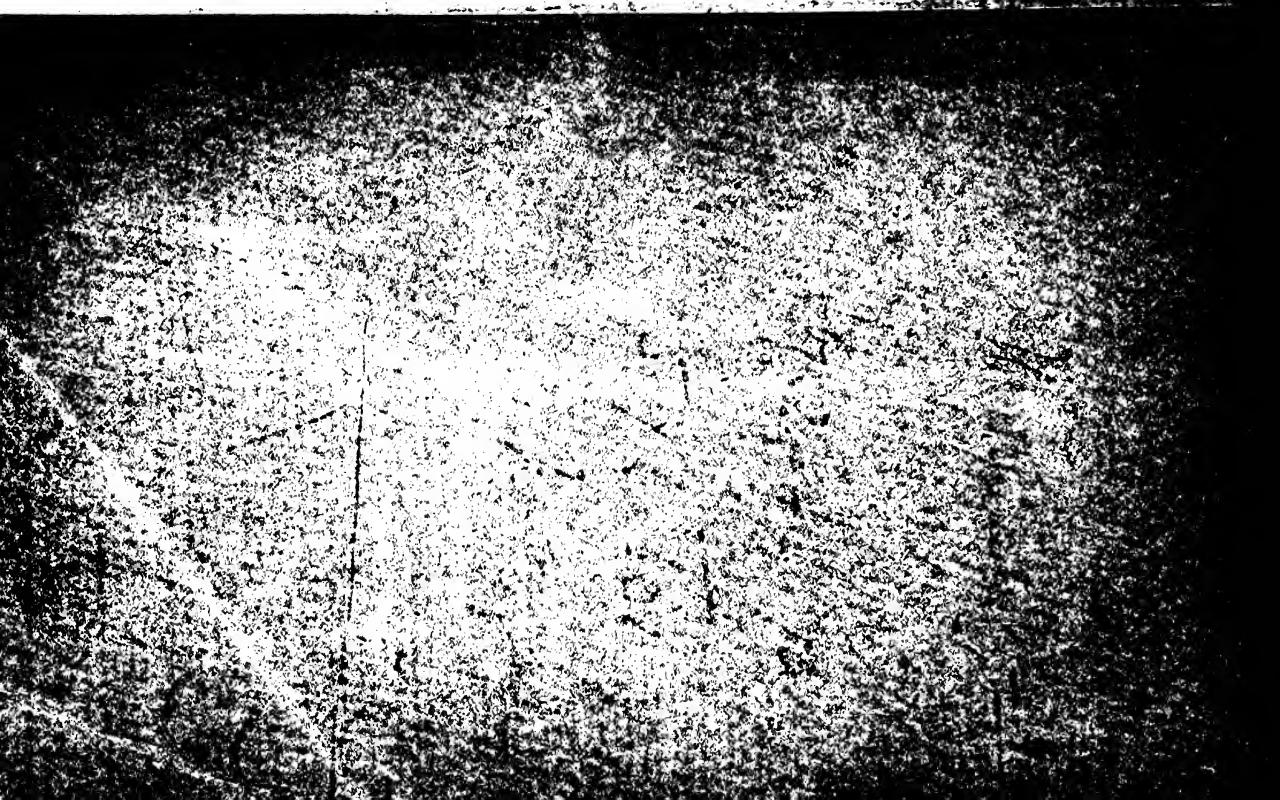
Глава IX. В Париже 317

Французские солдаты на «Тигре». — В Констанце. — У Черновод. — В Бухаресте. — У ген. Бертело. — Сообщения ген. Войно-Панченко. — В. И. Гурко о нашей делегации. — Встреча с гр. Шевильи. — Встреча с д-ром Лазоверт. — Беседы с капитаном X. — Через Венгрию, Австрию, Швейцарию. — В Париже — у В. А. Маклавока, кн. Г. Е. Львова, у Пети (Балаховской), у А. И. Коновалова, И. Н. Ефремова. — Идея санитарного кордона на Юго-Западе России. — У кап. Обле. — Маклаков о федерации.

Глава X. Попытки спасти Одессу 335

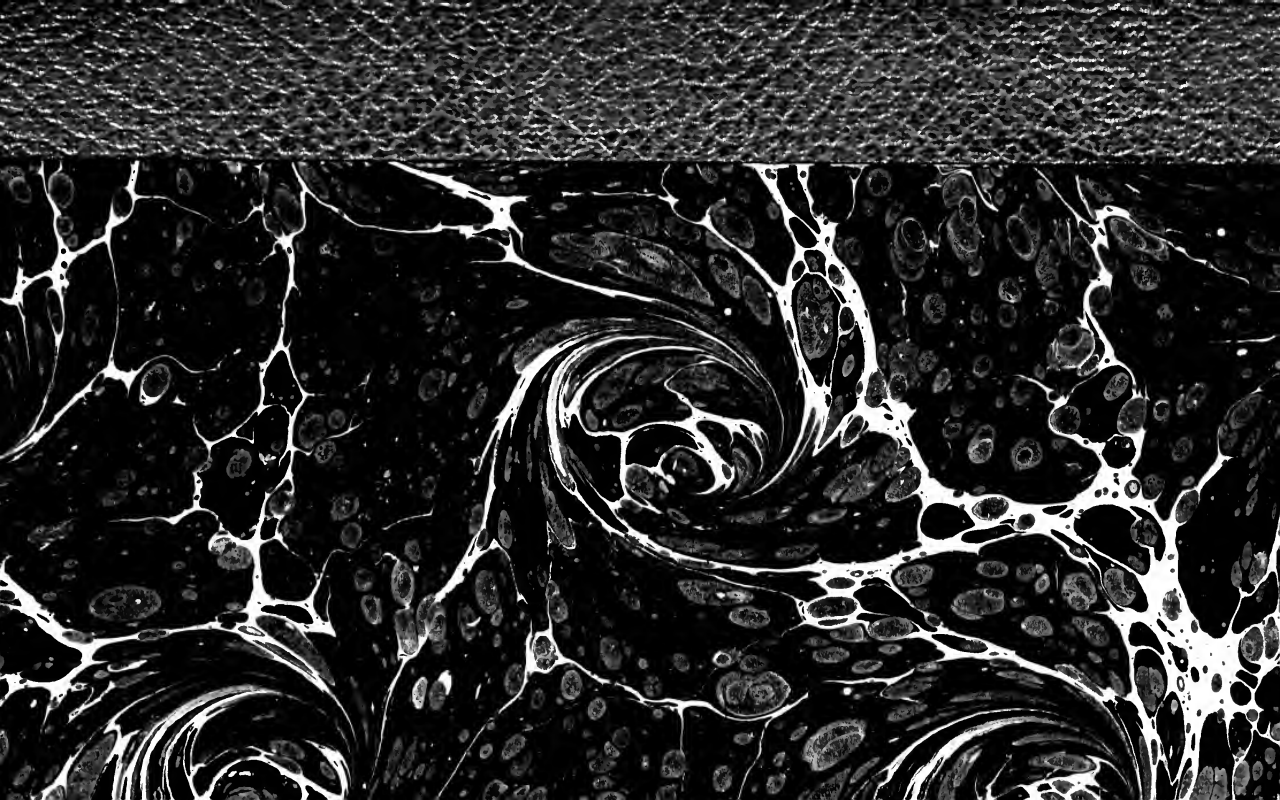
У ген. Щербачева. — Представители окраин. — Энно у Пишона. — Беспомощность русских в Париже. — У де Селиньи. — Беседа с Б. А. Бахметьевым. — У Рубановича. — У Камерера. — У г-жи Мэнар-д'Ориан. — У Альбера Тома. — Тома в Ц. В. П. К-те в 1916 г. — У Л. Л. Быча. — У Н. Д. Авксентьева. — У Антонелли. — У Жозефа Рейнака. — У Венизелоса. — Одесса эвакуирована.

Приложения . . . . . 352—356



THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.4
.M374
1923
kn.1